

INSPIRIA

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР США
ФИНАЛИСТ ПРЕМИИ LOCUS AWARD

КНИГА

НЕСЧАСТНЫХ

Ужас, размах, динамика, неожиданные повороты –
всего этого я не переживал столь бурно
со времен «Сияния» Кинга.

– СТИВЕН ГРЭМ ДЖОНС

СЛУЧАЕВ

ЧАК ВЕНДИГ

INSPIRIA

Чак Вендиг

Книга несчастных случаев

Серия «Ток. Очень страшные дела»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68892849

Книга несчастных случаев: Эксмо; М; 2023

ISBN 978-5-04-182741-0

Аннотация

ИСТОРИЯ, ОБЪЕДИНИВШАЯ ЛУЧШИЕ МИСТИЧЕСКИЕ ТРИЛЛЕРЫ СТИВЕНА КИНГА И СЕРИАЛ «ОЧЕНЬ СТРАННЫЕ ДЕЛА».

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР.

ФИНАЛИСТ ПРЕСТИЖНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ LOCUS AWARD.

ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ КНИГ 2021 ГОДА ПО ВЕРСИИ THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY И LIBRARY JOURNAL.

Когда-то одержимый числами маньяк Эдмунд Риз провалил миссию, которую считал священной, – убить 99 девочек в парке Рэмбл-Рокс, на поле камней. Он был казнен на электрическом стуле, и нечто гораздо более темное, голодное и зловещее поселилось среди загадочных валунов...

Когда-то, ребенком, Нейт жил в сельском доме рядом с Рэмбл-Рокс со своим жестоким отцом. Он никому не рассказывал, что там случилось...

Когда-то Мэдди, еще маленькой девочкой, увидела в своей спальне то, чего не должна была видеть. Она пытается воскресить забытую детскую травму, создавая тревожные скульптуры...

Теперь Нейт и Мэдди Грейвз женаты и счастливы. Вместе с сыном Оливером они переезжают в дом детства Нейта. И то, что случилось когда-то, повторяется вновь. На этот раз с Оливером, – когда тот заводит дружбу со странным подростком. Подростком, полным очень темных секретов...

«Очень хорошо написанная. Очень хорошо переведенная. Забористая, не отпускающая, заставляющая разгадывать загадки по мере чтения. И очень страшноватенькая история. Нравится». – Александр Клюквин, актер, озвучивший книгу

«Ужас, размах, динамика, неожиданные повороты – всего этого я не переживал столь бурно со времен „Сияния” Кинга». – Стивен Грэм Джонс

«Подвисься, Кинг, – теперь Вендиг новый голос американских ужасов! Это шедевр, а ведь Чак только начал». – Адам Кристофер, автор «Тьмы на окраинах города», официальной новеллизации мира «Очень странных дел»

«В традициях кинговского цикла „Темная башня” Вендиг показал космический ужас через линзу повседневности, привязал грандиозное к обыденному. В результате – роман, в котором блуждаешь, пропадаешь». – Джон Лэнган

«Благодаря книге Вендига я перенесся в золотой век ужаса, к романам, которые любил мальчишкой. В этой жесткой

и задушевной, многослойной и воодушевляющей книге так приятно тонуть». – Дэн Чаон

«Незабываемый заряд ужаса высочайшей пробы, всколыхивающий самые потаенные страхи. Пронизывает до костей, одновременно согревая сердце». – Алекс Сегура

«Только Вендиг способен сделать из смеси хоррора, фэнтези и научной фантастики реактивный триллер, забавный и пугающий, умный и безумный, нежный и жесткий одновременно. Волшебный опыт». – Алма Катсу

«Выдающееся произведение, светящееся фантазией и человечностью – ну и дающее лучик надежды погрязшему в жестокости миру». – Кристофер Голден

«Сильный, впечатляющий роман, книга потрясающего ума и щедрого, жарко бьющегося сердца. Личная и эпическая. Человечная и магическая. Скачка по мирам и временам, оказывающая глубокое эмоциональное воздействие». – Library Journal

Содержание

Пролог 1	10
Пролог 2	18
Часть I	24
1. Звон в ушах	26
2. Поверенный	28
3. У коробки есть глаза[3]	33
4. Разговор	38
5. Единственное условие	46
Интерлюдия	56
Часть II	61
6. Вижу красную дверь[11]	64
7. Качество души	79
8. Рыбы и звери	83
9. Стук игральных костей	89
10. Выпиленная сова	98
11. Круги, осечка и неуместный запах торта «Муравейник»	101
12. Расстройство памяти	115
13. Непрерывные черепахи[24]	117
14. Гложущее чувство	125
15. Писатель	140
16. Хрупкость	158
17. Спасение	168

18. Джейк	170
19. Ступор	179
20. Убийца найден	187
21. Провалившийся в трещину[38]	190
22. Гнездовые паразиты и египетские реки[39]	193
23. Ужин с Джейком	200
Конец ознакомительного фрагмента.	207

Чак Вендиг

© Саксин С.М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

А, пропади все пропадом, эту книгу я посвящаю себе!

*– Отец – это неизбежное зло, – сказал Стивен, борясь с чувством безнадежности.
Джеймс Джойс. Улисс*

*Пусть силы зла заблудятся по пути к твоему
дому.*

Джордж Карлин

Пролог 1

Оседлать молнию¹

Эдмунд Уокер Риз любил числа. Он не был ни финансистом, ни математиком, а был человеком наипростейших интересов, но вот сейчас в ИЗШ Блэкледж – в исправительном заведении штата – он сидел, пристегнутый к электрическому стулу, и перебирал числа.

Сюда его привели три тюремщика.

По пути они прошли мимо семерых других смертников, каждый в камере-одиночке.

Палач будет один: безликий, он щелкнет рубильником, который положит конец Эдмунду Ризу.

Времени было десять часов утра. Вторник, второй вторник марта 1990 года.

(В конце концов, время – это тоже числа.)

Но оставались еще детали, которых Эдмунд не знал, поэтому он спросил того тюремщика, что постарше, который разрезал ему на лодыжке штанину тюремных брюк, чтобы обеспечить место для электродов. (Ногу уже побрили сегодня утром, непосредственно перед тем, как Эдмунд Уокер Риз – Эдди для друзей, каковых у него не было ни одного, – поел в последний раз в жизни, съев миску простой куриной

¹ Вне мира этого романа – просто эвфемизм для казни на электрическом стуле.

лапши.)

Тюремщик, которого звали Карл Грейвз, носил бакенбарды, седые и растрепанные, похожие на клочья тумана, прилипшие к щекам. (Хотя основная часть волос была темной, еще не тронутой возрастом и не лишившейся окраски.) Ему было далеко за сорок, быть может, даже пятьдесят с небольшим, Эдмунд затруднялся сказать точно. В его дыхании чувствовался слабый перегар: дешевый виски, рассудил Эдмунд. Карл никогда не напивался, но постоянно был в подпитии. (И еще курил, хотя сейчас виски полностью перебивал запах табака.) Именно из-за алкоголя Грейвз все время пребывал где-то между усталостью и раздражением. Но притом виски также делал его честным, и потому он нравился Эдмунду. Ну, настолько, насколько ему вообще кто-либо мог нравиться.

– Поосторожнее с левой ногой! – с укором произнес Риз, обращаясь к тюремщику. – У меня там рана.

– Это где тебя зацепила та девчонка? – спросил Грейвз.

Но Риз пропустил его вопрос мимо ушей.

– Дай мне еще что-нибудь, еще чисел, – сказал он. –

Сколько вольт в этом стуле?

– Две тысячи. – Шмыгнув носом, тюремщик выпрямился.

– Размеры знаешь? Вес, ширина и все такое?

– Не знаю, и мне на это наплевать.

– Зрители будут? Сколько?

Грейвз повернулся к окну, лицом к которому сидел Эд-

мунд: окно было закрыто металлическими ставнями.

– Сегодня зрителей много, Эдди. – Тюремщик назвал его так, хотя они и не были друзьями ни в коей мере, но Эдмунд не стал возражать. – Похоже, люди жаждут увидеть, как тебя поджарят.

В глазах Карла Грейвза, подобно спичке, вспыхнула жестокость. Эдмунд ее узнал, и она ему понравилась.

– Да, да, – сказал он, не в силах скрыть свое раздражение. У него зудела кожа, подбородок свело от напряжения. – Но сколько? Точное число, пожалуйста.

– Двенадцать человек за этим окном. Шесть частных лиц, приглашенных по распоряжению губернатора штата и директора тюрьмы, и шестеро журналистов.

– И это все?

– Есть еще те, кто смотрит по видео. – Карл Грейвз указал на видеокамеру в углу, своим бдительным немигающим глазом пристально наблюдающую за стулом, словно опасаясь пропустить то, что сейчас произойдет. – Тридцать человек.

Риз выполнил вычисления.

– Сорок два. Хорошее число.

– Разве? Впрочем, как скажешь.

Грейвз отступил в сторону, освобождая место второму тюремщику, здоровенному шмату мяса с коротким «ежиком» на голове, словно обработанным газонокосилкой, который, кряхтя, встал и принялся закреплять электроды на обритом наголо черепе Эдмунда. Карл снова шмыгнул но-

сом.

– Знаешь, а ты особенный.

«Я действительно особенный», – подумал Эдмунд. Он знал, что это так. Точнее, когда-то знал. Теперь он уже не был абсолютно в этом уверен. Когда-то у него была миссия. Ему были дарованы жизнь, свет и цель. Святая цель, как ему сказали. Благословенная, освященная, в равной степени праведная и нечестивая, однако, если это действительно так, почему он здесь? Пойманный словно муха в медленно сомкнувшийся кулак. Провалился на номере пятом. Всего на пятом! Ему предстояло еще *столько* работы...

– В каком смысле особенный? – спросил Эдмунд, потому что хотел это услышать.

– Этот стул, «Старая коптильня» – у большинства электрических стульев есть свое имя, многие называются «Старой искрилкой», но здесь, в Пенсильвании, «Старая коптильня», – так вот, он стоял без дела с шестьдесят второго. Последним, кого поджарили на нем, был мерзавец Элмо Смит, насильник и убийца. И с тех пор им больше не пользовались. После Элмо было вынесено девять смертных приговоров, но все отменили после апелляции. А затем появился ты, Эдди. Счастливое число десять.

В голове у Эдмунда Риза замелькали цифры, танцуя кадрили, – никакой математики. Но он упорно искал что-то. Общий рисунок. Истину. Заветное послание.

– В традиционном смысле число десять не является счаст-

ливым. – Эдмунд скорчил презрительную гримасу. – Какой я по счету?

– Десятый. Я же говорю.

– Нет, я хочу сказать, сколько до меня? Умерли на этом стуле?

Грейвз вопросительно посмотрел на рыжего верзилу. Тот его не подвел.

– До него на этой сковородке поджарились триста пятьдесят голубчиков.

– Значит, ты триста пятьдесят первый, – сказал Грейвз.

Эдмунд задумался над этим числом: 351.

Что оно означает? Потому что если оно не означает ничего, если оно просто приплюсовано к ведру мочи и дерьма, это его убьет. Так, как не сможет убить этот стул. Убьет страшнее, чем этих девчонок...

«Нет, – строго одернул себя Эдмунд. – Это были не девчонки. А лишь неодушевленные предметы. Каждый со своим номером. Каждый со своим предназначением. Каждый – жертвоприношение». Номер один с двумя хвостиками, номер два с покрашенными ногтями, номер три с родинкой прямо под левым глазом, номер четыре с царапиной на левом локте и номер пять...

Ощувив прилив удушающей ярости, Эдмунд напрягся на стуле, словно уже пораженный разрядом тока.

– Успокойся, Эдди, – сказал Грейвз. Затем пожилой тюремщик склонился к Эдмунду, и у него в глазах снова сверк-

нула злость. – Ты думаешь о ней, ведь так? О той, которой удалось спастись?

Какое-то мгновение Эдмунду казалось, что его увидели *насквозь*. Возможно, Грейвз заслужил-таки право называть его по имени.

– Как ты догадался?

– О, уж я-то вижу. Я уже довольно долго работаю в отделе смертников, а до того работал в обычной тюрьме. С восемнадцати лет. Сначала человек держится. Не дает себе воли. Но это как приливные волны – набегают на берег и уносят с собой часть песка, день за днем. И скоро человек уже маринуется в нем. Просаливается *насквозь*, словно кусок свинины. Оно проникает внутрь. И человек вынужден его признать. Я имею в виду зло. Ты знаешь, какое оно. Как мыслит. Чего *хочет*. – Грейвз облизнул губы. – Знаешь, твои охотничьи уголья, где ты расправлялся с этими девочками...

«С этими предметами».

– Это же неподалеку от моего дома. Моя жена была напугана до смерти. И мой мелкий.

– Они меня не интересовали.

– Ну, пусть так. Тебя интересовали только девчонки. Четыре убиты. А что касается пятой – что ж, ей повезло, правильно?

– Номеру пять удалось *спастись*, – с сожалением произнес Эдмунд.

– И после этого тебя поймали.

– Меня не должны были поймать.

Лицо Грейвза скривилось в жестокой усмешке.

– Однако вот ты здесь. – С этими словами тюремщик похлопал его по колену. – Ты должен уразуметь одно, Эдди: как аукнется, так и откликнется. Что посеешь, то и пожнешь.

– И что пожнешь, то и посеешь.

– Как скажешь.

Тюремщики затянули ремни, еще раз проверили электроды и сообщили Эдмунду о том, что будет дальше. Они еще раз спросили, не хочет ли он пригласить священника, однако Эдмунд уже отказался, и сейчас он также не собирался ни о чем умолять, поскольку «у меня в этой жизни есть покровитель, и этого демона здесь нет». Тюремщики объяснили, словно в насмешку, что за дверью находится дежурный на прямой связи с канцелярией губернатора штата на случай (и тут Грейвз презрительно фыркнул) «отмены в последний момент». Они объяснили, что его останки отправятся на кладбище для бедняков, ибо у Эдмунда на всем свете не осталось ни одного родственника.

И с этими словами тюремщики открыли металлические ставни.

Эдмунд увидел зрителей, собравшихся для того, чтобы посмотреть, как он умрет. Те сидели, охваченные в одинаковой степени ужасом и предвкушением, удерживаемые в равновесии этими противонаправленными силами подобно шарикам от подшипника между полюсами мощного магнита.

Палач подал напряжение, отрегулировал силу тока, после чего подошел к щитку, чтобы щелкнуть тумблером – оказавшимся вовсе не картинным рубильником в духе Франкенштейна, который требуется опустить с театральным усилием, а обычным белым переключателем, нажимаемым одним пальцем.

И вот палец нажал, и...

Эдмунд Риз почувствовал, как окружающий мир вспыхнул ярким светом. Ослепительная белая волна смысла все вокруг. Ему показалось, будто он резко провалился вниз – и тотчас же, напротив, будто его подхватили невидимые руки; так, вероятно, чувствует себя корова, затянутая в воронку торнадо, – и следующим его чувством было, что он покинул стул, покинул этот мир; не умер, нет...

А стал чем-то другим, где-то в другом месте.

Пролог 2

Мальчик нашелся²

Майк О'Хара, охотник, не был гурманом, но он бредил фазаном в винном соусе. Этот семейный рецепт бабушка передала отцу, а тот уже ему и его братьям Пити и Полу. Но им, в отличие от отца, не было никакого дела до фазана в винном соусе и вообще до охоты, поэтому Майк охотился один. Опять. И именно сегодня – в день рождения отца. Пусть отца больше не было в живых. «Земля тебе пухом, старик!»

Майк не считал себя хорошим охотником, а найти в здешних местах фазана в наши дни стало непросто. Поэтому Майк уходил все дальше и дальше в поля в надежде вспугнуть в лесополосе хорошую жирную птицу. Увы, охотничьей собаки у него не было. Выполнять всю работу приходилось одному, что он и делал, медленно и методично, как научил отец.

Но мысли его блуждали. Майк думал об отце, умершем от удара, – тромб поразил его мозг подобно пуле. Он думал о долгах Пити и о проблемах с печенью Пола, вызванных пьянством. Вспоминал, как в детстве купался в карьере недалеко

² Возможно, отсылка к стихотворению великого английского поэта У. Блейка «Мальчик найденный» из книги «Песни Невинности и Опыта».

отсюда. И вместе с мыслями блуждали его ноги, не обращавшие особого внимания на то, где он и куда направляется, – пока Майк не наткнулся на ряд умирающих ясеней, измученных изумрудной златкой, оставившей от пышных крон лишь голые ветки, похожие на обглоданные кости. За несчастными деревьями виднелся белый обвалившийся фасад штольни шахты Рэмбл-Рокс, заросший диким виноградом и ядовитым плющом. Природа вернулась, забирая свое обратно.

Майк двинулся дальше. Под ногами хрустели ветки. Ему отчаянно хотелось добыть фазана, хотя бы чтобы почтить память отца. Это будет хорошим делом.

Шаг за шагом Майк шел вперед. По-прежнему погруженный в свои мысли...

И тут вдруг из зарослей что-то взмыло.

Воздух наполнился хлопаньем крыльев, черный силуэт метнулся с востока на запад. Майк успел разглядеть характерные красные пятна вокруг глаз, белое кольцо на шее. Отставив ногу назад, он вскинул ружье двенадцатого калибра. Нажать на спусковой крючок...

«Черт, предохранитель!» – сообразил Майк.

Быстрый щелчок. Он двинул ружье по дуге полета, опережая птицу, и...

Бабах!

Дернувшись в воздухе, фазан штопором слетел вниз, уткнувшись клювом в сухую траву.

«Получилось!»

Фазан в винном соусе.

Не обращая внимания на звон в ушах и едкую горечь паровых газов в носу, Майк заморгал, всматриваясь в марево дыма, и...

Увидел стоящего перед ним маленького человека.

– Матерь божья! – рывкнул Майк, не в силах поверить своим глазам. Прямо перед ним стоял мальчик, весь в крови. Первой его мыслью было: «Я застрелил ребенка». Но ведь это невозможно, правда? Резко втянув ртом воздух, Майк разглядел, что кровь старая. Засохшая. Спекшаяся. Она покрывала половину лица мальчика, заслоняя один глаз твердой коркой.

Мальчик был в простой белой футболке, половина которой практически почернела от старой крови. Губы его так сильно потрескались, что казались обсыпанными солью. Кожа выглядела как у желтушного.

– Здравствуй, – сказал Майк, не зная, что еще сказать.

– Привет, – ответил мальчик. Голос у него был хриплый. Он слабо улыбнулся, словно внутренне чему-то радуясь.

– У тебя все в порядке?

Глупый вопрос, Майк это понимал – у мальчика явно было не все в порядке. Но, может быть, хорошо бы разговорить его, отвлечь от мыслей о том, что он в полной заднице. У Майка такой же была дочь – с Мисси постоянно случались какие-нибудь несчастья, а однажды она так разбила голову о стеклянный кофейный столик, что пришлось накладывать

три шва. И тут главным было не показывать ей, как ты расстроен. Делать вид, будто все в полном порядке, и тогда она тоже начинала думать, что все в порядке. Мисси никогда не плакала, потому что ей не показывали, как все ужасно выглядит, когда лицо ее залито кровью.

И мальчик такой же. Лицо залито кровью.

«Только не спугни его. Может, он не знает».

– Мальчик, у тебя все в порядке? – снова спросил Майк.

– Я вылез.

От этих двух слов у Майка в груди все оборвалось, хотя он и не смог бы объяснить почему. И не было возможности разобраться.

– Вылез откуда?

– Из шахты.

Майк заморгал, озаренный догадкой. Он *знал* этого ребенка. Или, точнее, знал, кто он такой. Майк забыл его имя, но мальчик жил где-то неподалеку. Он пропал – когда точно, три, четыре месяца назад?.. Нет, даже раньше. Еще до начала летних каникул. В начале мая. Вот когда появились плакаты, вот когда на телефон пришло оповещение. Об этом говорили все, но дети пропадают постоянно; и еще пошли разговоры, что в семье этого мальчика отношения были дерьмовые, так что, возможно, он просто сбежал из дома...

Теперь Майку пришла другая мысль. Возможно, мальчик на самом деле сбежал из дома.

И заблудился здесь, в заброшенной угольной шахте.

Но, черт возьми, как ему удалось продержаться столько времени? Это же невозможно!

Майк осторожно положил ружье на землю и поднял руки.

– Меня зовут Майк. А ты помнишь, как тебя зовут?

– Наверное.

– Хорошо. – Майк отступил на шаг назад. – Ты потерялся еще весной, так?

Здоровый глаз мальчика потерял фокусировку, уставившись на горизонт. А может быть, еще дальше. Словно он сосредоточил взгляд на точке за пределами пространства и времени.

– Мы сейчас сделаем вот что, – помолчав, сказал Майк. – Я сюда подъеду, хорошо? Помогу тебе выбраться с этого поля. Моя машина где-то в четверти мили отсюда, недалеко, я дойду быстро. Потом отвезу тебя в больницу.

Мальчик ничего не ответил. Казалось, он даже не услышал вопроса. Поэтому Майк снова медленно двинулся вперед. Шаг за шагом. Рассеянно подумав: «Черт, надо бы было подобрать того подстреленного фазана».

Фазан в винном соусе...

Он подкрадывался все ближе, ближе...

Опустившись на корточки, Майк протянул мальчику руку.

– Давай, иди сюда. Доставим тебя в безопасное место, дружок, ты просто успокойся...

У мальчика дернулась рука.

В ней что-то было. Он взмахнул рукой, крутанул запястьем, и только тут Майк увидел кирку. До того ее не было. Не могло быть. Мальчишка прятал ее за спиной? Он нашел ее в шахте? Определенно шахтерская кирка. Наверное, для ребенка слишком тяжелая. Однако мальчик уверенно сжимал кирку в руке.

– Что это там у тебя? – спросил Майк.

Мальчик проделал все молниеносно.

Майк ощутил удар в висок. Он попытался закричать, попытался отступить назад, но не смог сделать ни того, ни другого. Почувствовал, как с подбородка что-то капает. Голова внезапно стала тяжелой и завалилась вперед и влево.

«Господи, как же здесь жарко, – подумал Майк, – чертовски душно для октября». Затем ноги обмякли, и он повалился назад, ударившись о землю копчиком. Под ним захрустели кусты.

Он лежал, истекая кровью, а мальчик стоял перед ним. Господствуя в пространстве, словно маленький монарх. В руке у него больше не было кирки.

«Фазан в винном соусе». Майк напомнил себе, что по дороге домой нужно будет купить бутылку бренди. «Получится просто обедение», – подумал он, облизывая губы. Рот его наполнился кровью. Мальчишка неподвижно стоял над ним, смываемый мраком смерти.

Часть I

Сделка на один доллар с умирающим

Авария на шахте Дарр (Ван-Митер, район Ростравер, округ Уэстморленд, штат Пенсильвания, неподалеку от Смиттона) 19 декабря 1907 года унесла жизни 239 человек. Это самая крупная по числу жертв авария на угольных шахтах Пенсильвании за всю историю.

Расследование, проведенное после аварии, установило, что взрыв явился следствием того, что шахтеры пронесли лампы с открытым огнем в зону, накануне огороженную инспектором пожарной охраны. Компания «Питтсбург коул», владеющая шахтой, была признана невиновной в случившемся.

Статья в «Википедии» «Авария на шахте Дарр»

1. Звон в ушах

Вот Оливер:

Пятнадцатилетний мальчишка стоял на коленях, уронив подбородок на грудь, зажимая уши мягкими тканями на внутренней стороне предплечий, вонзив пальцы в копну взъерошенных волос на затылке. В ушах у него стоял оглушительный звон – не звон колоколов, а пронзительный визг, похожий на работу бормашины. По одну сторону от него: желтая раздевалка. По другую: фонтан. Над ним: ярко фосфоресцирующий водопад. Где-то впереди прозвучали два выстрела: бах, бах. При каждом выстреле у мальчика вздрогнуло сердце. Где-то позади слышались голоса и шум школьников, перебирающихся из класса в класс в поисках безопасного места. Оливер представил себе их мертвыми. Представил мертвыми своих учителей. Кровь на линолеуме. Мозги на доске. Он представил себе плачущих родителей в выпусках новостей, самоубийство оставшихся в живых и мысли и молитвы равнодушных политиков – он увидел боль в виде ряби, становящейся волной, которая встретила с другими волнами и превратилась в цунами, с ревом проносящееся среди людей туда и обратно, увлекая их в пучину.

Чья-то рука легла ему на плечо и встряхнула его. Слово, будто произнесенное из аквариума, – его имя. Кто-то звал его по имени.

– Олли, Оливер, Олли!

Мягко откинувшись на пятки, мальчик выпрямился. Это был мистер Партлоу, учитель биологии.

– Эй, послушай, Оливер, учебная тревога закончилась. С тобой все в порядке? Так, дружок, давай-ка...

Но тут учитель отпустил Оливера и, отступив назад, устался на пол – нет, не на пол. На Оливера. Оливер тоже посмотрел на себя. Его промежность была мокрой. Жидкие пальцы расползались по штанинам. Подняв взгляд, он увидел обступивших его учеников. У Лэндона Грея, который в классе сидел прямо за ним, лицо было грустным. Аманда Макинерни, принимавшая участие и в драмкружке, и в хоре, и в школьном совете, скорчила гримасу и хихикала.

Мистер Партлоу помог Оливеру встать и увел его. Оливер вытер с лица слезы – он даже не заметил, когда они пролились.

2. Поверенный

Вот Нейт:

В тот же день Нейт сидел в юридической конторе в Лэнгхорне. Поверенный был круглый и грязно-белый, как разрезанная картофелина. В окне кабинета ворчал и рычал кондиционер, поэтому юристу приходилось повышать голос.

– Спасибо, что пришли, – сказал поверенный, мистер Рикерт.

– Ага. – Нейт попытался помешать своим рукам сжаться в кулаки. Попытался, но тщетно.

– Ваш отец болен, – продолжал поверенный.

– Отлично! – без колебаний ответил Нейт.

– У него рак. Рак кишечника.

– Замечательно.

– Он скоро умрет. Очень скоро. Он в хосписе.

– Хорошо, – пожал плечами Нейт.

– Хорошо, – повторил юрист, и Нейт не смог определить, то ли он удивлен его реакцией, то ли был к этому готов. – Мистер Грейвз...

– Понимаю, вы ждали, что эта новость срзлит меня напо-вал, но это не так. Абсолютно не так. Мой отец был... то есть, полагаю, остается порядочным мерзавцем. Я не испытываю к нему никакой любви. Я чувствую только ненависть и презрение к этому чудовищу, выдающему себя за человека, и, если

честно, об этом дне я мечтал уже двадцать лет, а то и дольше. Красочно воображал, как все произойдет. Я молил бога – не знаю уж какого; того, кто готов был меня слушать, – чтобы смерть отца оказалась болезненной и мучительной, чтобы она не получилась быстрой, стала не спринтом в направлении конца, а изнурительным марафоном... нескладным забегом, в ходе которого он будет пачкать стены кровью из легких, захлебываться в собственных испражнениях, ему придется носить на боку мешок для своего дерь... для своего кала, мешок, который будет лопаться или отрываться всякий раз, когда отец повернется, устраивая поудобнее свое разрушенное, умирающее тело. И знаете что? Я *надеялся*, что это будет рак. Неумолимый, ползучий, не быстротечный, как рак поджелудочной железы. Что-нибудь такое, что будет медленно пожирать отца изнутри, точно так же, как он сам пожирал свою семью. Око за око, рак за рак. Я *надеялся*, что это будет рак легких, учитывая то, как отец курил. Или рак печени, учитывая его пьянство. Кишечника? Ладно, соглашусь и на кишечник. Отец всегда был полон дерьма, так что это подобающий конец для мешка с экскрементами, в котором не осталось ничего человеческого.

Поверенный заморгал. Наступило молчание. Наконец Рикерт поджал губы.

– Вы закончили свой монолог?

– Да ну вас! – Нейт осекся, сожалея о том, что разозлился на этого человека, возможно, не заслуживающего подобного

обращения. – Да, закончил.

– Ваша речь меня несколько не удивила. Ваш отец пре-
дупреждал, что вы выскажете все это. – Поверенный издал
смешок, высокий писк, и взмахнул руками; при этом пока-
залось, будто его пальцы превратились во вспорхнувших мо-
шек. – Ну, не *конкретно* это. Но общий смысл.

– Так в чем же дело? Зачем я здесь?

– Ваш отец перед смертью хочет предложить вам одну
сделку.

– Никаких сделок, даже речи быть не может!

– Для вас это выгодная сделка. Не желаете выслушать?

– Не желаю! – Нейт встал, отшвырнув назад стул. Грохот
получился громче и агрессивнее, чем он предполагал, но так
уж вышло, и приносить извинения Нейт не собирался.

Он повернулся к двери.

– Речь идет о доме, – окликнул его вдогонку юрист.

Рука Нейта застыла на ручке двери.

– О доме?

– Совершенно верно. О доме, в котором прошло ваше дет-
ство.

– Замечательно. Отец может отписать его мне в своем за-
вещании.

– О завещании речь не идет. Вместо этого ваш отец готов
продать его вам – сам дом и тринадцать акров земли, на ко-
торых он стоит.

– Извините, – Нейт пожал плечами, – я не смогу себе этого

позволить. – Дом – тот самый, как верно заметил поверенный, где прошло детство Нейта, – находился в районе, который за десятилетия заполнился элитной недвижимостью. Округ Бакс, верхняя его часть. В недалеком прошлом – фермерские угодья и болота, но сейчас цены взлетели, налоги взлетели, туда перебрались богачи из Филадельфии и Нью-Йорка. Такое происходит не только в старых районах крупных городов. – Пусть продает кому-то другому. За эти деньги он сможет купить себе просто фантастический гроб.

– Полагаю, заплатить всего один доллар вы можете себе позволить.

Повернувшись к Рикерту, Нейт прищурился. Проведя рукой по бороде, он поморщился.

– Один доллар?

– Совершенно верно, один доллар.

– Если я правильно понимаю, это все для того, чтобы я избежал... ну, каких-то налогов, так? Я плачу один доллар, и это необлагаемая купля-продажа.

– Ну, в общих чертах.

– «В общих чертах». – Нейт кивнул. – Угу. Я простой полицейский. Я плохо разбираюсь во всяческих кабинетных штучках, поскольку являюсь человеком практики, но чую, что тут что-то нечисто. Папаша мог бы просто подарить дом мне, и все было бы в полном порядке. Или я мог бы получить дом в наследство, как это происходит в большинстве случаев, – и налоговая поймала бы меня на крючок только

в том случае, если б я его продал и выручил за него больше его средней рыночной стоимости. Но тут – и поправьте меня, если я не прав, – получается, что если я куплю дом за один доллар и продам его за любую сумму свыше этого доллара, меня вздрючат налогами на все то, что я получу сверху, поскольку это будет считаться доходом. Я правильно понял?

Между пухлыми щеками юриста протянулась тонким швом невеселая усмешка.

– В общих чертах. Налоговая служба не упустит то, что причитается по закону.

– Я не куплю этот дом. Не куплю ничего, что продает мой старик. Не куплю у него даже стакан воды, если буду умирать от жажды. Не знаю, какую игру он затеял, – разве что обманом обременить домом, который мне не нужен. Пожалуйста, передайте ему, что он может взять свое предложение и засунуть в свой гниющий зад.

– Я могу передать. – Встав, поверенный протянул руку. Нейт посмотрел на нее так, словно тот только что высморкался в нее без носового платка. – Предложение останется в силе до кончины Карла.

Нейт вышел в дверь, не сказав больше ни слова.

3. У коробки есть глаза³

Вот Мэдди Грейвз:

У нее коротко остриженные волосы цвета серебристого тумана – крашенные, поскольку она думает, что выглядит классно. (И так оно и есть.) Она высокая и худая, руки и ноги кажутся натянутыми тросами подвесного моста. И все благодаря работе: Мэдди, или Мэдс, – скульптор. Работает по большей части с подручным материалом. Каковой и находился перед ней в настоящий момент: картонная коробка доставки «Амазона», разрезанная на куски канцелярским ножом и заново сложенная в виде маленького человечка с коробкой-головой и коробкой-туловищем. Картонные конечности были приделаны к Человеку-коробке проволокой, украденной со старого забора из железной сетки и скрученной круглогубцами.

В одну его руку Мэдди вложила канцелярский нож. Как будто он был маленьким чудовищем. Чаки⁴, готовым резать-резать-резать.

Мэдди смотрела на него.

³ Скорее всего, обыгрывш названия известной серии фильмов ужасов «У холмов есть глаза» (1977–2007).

⁴ Чаки – один из самых заметных персонажей американской хоррор-культуры, кукла с помещенной в нее личностью серийного убийцы, впервые появившаяся в фильме «Детские игры» (1988).

Смотрела долго.

Долго.

– Твою мать... – пробормотала она.

Рядом прилежно трудились над своими проектами другие художники – столы, мольберты, компьютеры, гудящий улей творческого содружества. Одна из них, подруга по имени Дафна (припанкованная бабуля, чертовски наглая, пятидесяти пяти лет, акриловые радужные кольца диаметром в дюйм, растягивающие мочки ушей, пирсинг в виде собачьей косточки в носовой перегородке, футболка с оборванным низом, на ногах тяжелые громоздкие говнодавы, забрызганные блевотиной краски), подбоченившись, высокомерно заглянула Мэдди через плечо.

– Что там у тебя? – спросила она.

– Я... ну... – начала было Мэдди и осеклась.

– Вижу, что получилось довольно банально, если тебя это тревожит. То есть как критика сраного капитализма чересчур плоско: ну, типа, «Амазон», уничтожающий мир своими коробками, что, в общем-то, очевидно. К тому же, полагаю, ты можешь придумать кое-что позначительнее, чем этот нож в руке, так ведь? – Дафна понизила голос до шепота. – Да я и сама иногда пользуюсь «Амазоном», так что даже не знаю.

– Нет. Нет! – Мэдди нахмурилась. – Проблема... проблема не в этом. Тут... тут дело совсем в другом. Что-то здесь не так. Что-то здесь ну совсем странно.

– Нет ничего плохого в странном.

– Я просто... ну... – Мэдди сглотнула комок в горле. – Тут не просто что-то странное. Тут что-то сумасшедшее.

– Я как раз специализируюсь на сумасшедшем. Что конкретно тебе не нравится?

– Так, ладно. – Мэдди издала нервный смешок. – Видишь эти глаза?

Она указала круглогубцами на глаза Человека-коробки – проволочные, как и все остальное, скрученные кольцами, подобно маленьким металлическим сороконожкам и аккуратно ввинченные в коробку.

– Положим.

– Я их не делала.

– Не делала?

– Глаза.

– Ты не делала глаза?

– Именно это я и хочу сказать, твою мать! Я их не вставляла – точнее, не помню, чтобы вставляла. Разве это не странно?

Пожав плечами, Дафна весело хмыкнула:

– Дорогая, я не помню, что ела сегодня на завтрак, и уж тем более не помню, что за дерьмо рисую. Я впадаю в состояние имени Боба Росса⁵, вроде АСМР⁶, какой-то галлюцино-

⁵ Роберт Норман Росс (1942–1995) – американский художник, ведущий телепередачи «Радости живописи»; стал крайне популярен в 2010-х, когда эта программа в формате интернет-трансляций была оценена в качестве мощного стимула АСМР (см. след. прим.), каковым, судя по всему, была и до описания феномена АСМР.

генный гипнотранс. Голова отключается, рука начинает танцевать, взяв в качестве партнера кисть, и мы несемся вперед.

Мэдди до крови прикусила губу.

– Но это не про меня, – уточнила она. – Я... понимаешь, я не теряю контроля. Это точно. Каждое движение, каждый элемент у меня осмыслены. Но клянусь, что не вставляла эти глаза. – «И клянусь, что они смотрят прямо на меня». И это было еще не все. Были и другие вещи, беспокоившие ее. То, как смотрели эти глаза. То, что – и Мэдди была в этом уверена – в руке у Человека-коробки должен быть не нож, а ножницы. Было во всем этом что-то пугающе знакомое. Как будто она уже видела такое. Как будто уже *делала*. Мэдди покачала головой. Бред какой-то. Самый настоящий бред. – Я приму к сведению твои слова о капитализме...

– Сраном капитализме.

– Ну хорошо, *сраном* капитализме...

У Мэдди зазвонил телефон.

– Фу, ну кто сейчас звонит? – спросила Дафна, презрительно бросив взгляд на аппарат у Мэдди в руке.

На экране высветилась надпись: «Школа Растин».

– Из школы Олли, – зловещим тоном произнесла Мэдди. – Вот кто.

⁶ Автономная сенсорная меридиональная (т. е. кульминационная) реакция (АСМР) – пока не изученный род легкой эйфории, проявляющейся в виде волн приятных покалываний или мурашек в ответ на определенные стимулы – например, на особый тембр голоса, как у Росса (см. пред. прим.), и мягкий шепот, каким он вел «Радости живописи».

Она ответила, материнским чутьем понимая: случилась
какая-то беда.

4. Разговор

Оливер слушал, как за стеной говорят родители. Времени было уже за полночь, и они наверняка думали, что он спит. В конце концов, он очень устал. Однако мысли его лихорадочно бились. Как и сердце.

Папа: Знаешь, Мэдс, я ничего не понимаю. Оливер просто... просто... не знаю.

Мама: Доктор Нахид сказала, что он очень чувствительный.

Папа: Мне это слово не нравится. Уж очень наводит на мысли, что он неженка, а это не так...

Мама: Никто не говорит, что он неженка, Нейт. Это совсем другое. Если не нравится, забудь про «чувствительный». У него... ну, очень развито сострадание, понимаешь? От чужой боли голова вспыхивает, словно лампа накаливания.

«А я правда чувствительный?» – подумал Оливер.

Определенно, ощущал себя он именно таким. Он находился как раз на том самом дерганом этапе подросткового становления – неуклюжие длинные руки и ноги, нос, который Оливер просто ненавидел за длину и заостренность, подбородок, который он просто ненавидел за излишнюю мягкость. В отличие от пышной платиновой копны на голове у матери и непокорных отцовских косм цвета песчаника, у

него самого волосы были черные как смоль. Подруги у Оливера не было. Девочки ему нравились – парни тоже, хотя он никому это не говорил. Секса тоже еще не было. И он не был уверен в том, что когда-нибудь будет: мысль о нем не столько возбуждала, сколько пугала. Да, Оливер поглядывал на Лару Шарп, потому что та, хоть и зубрила, абсолютная экстравертка, и ему нравилось, как она смело отшивает всех, кто позволяет разные вольности. Лара напоминала его мать. Оливер понимал, что это жутковато – хотеть сблизиться с человеком, напоминающим собственную родительницу, но вот ведь в чем дело – ему нравились родители. Очень нравились. Относились к нему хорошо, и ему хотелось думать, что и он относится к ним хорошо.

Впрочем, пустое. Лара Шарп не захочет иметь с ним никаких дел. Особенно после того, что произошло сегодня.

– Даже не знаю, Мэдс. Бедный парень – он... обдурлся...

– Нейт, эти учения по безопасности... они просто ужасные. Там же стреляют из настоящего оружия...

– Холостыми, только холостыми.

– Ну и что с того, что холостыми! Это ты привык слышать выстрелы – ты полицейский. А дети не привыкли. Для них это травма. Настоящая травма, твою мать, и неудивительно, что Оливер сломался. Наверное, я бы тоже обдурлась.

– На самом деле я выстрелы слышу редко, Мэдс. Знаю, ты полагаешь, что быть полицейским – очень опасная ра-

бота, однако по большей части это не так. К тому же дело не только в этом. Взять любого бездомного на улице – он ведь постоянно хочет узнать, как их зовут, как дошли до такой жизни, хочет дать денег...

– Это же хорошо, Нейт.

– Знаю. Очень хорошо. Я рад, что Оливеру это не безразлично. Однако он не просто сочувствует. Он прямо бросается в это во все. В нашем мире трудно выживать самостоятельно, но у Оливера нет брони. Он воспринимает чужую боль как свою собственную...

Тут голоса стали невнятными. Или родители понизили тон, или перешли в другой конец комнаты. Оливер услышал, как мать сказала: «... говорила с доктором Нахид...»

Доктор Нахид. Психотерапевт. Оливер ходил к ней уже почти полгода. Она ему нравилась. Внешне доктор Нахид казалась строгой – сплошные острые углы, как будто ящик ножами выдвинули из стола и содержимое вывалили на пол, – но с Оливером она была мягкая, ласковая и всегда ровная. У него никогда не возникало ощущения, будто доктор Нахид ведет себя с ним снисходительно, она никогда не судила его поступки. И все-таки папа прав. Брони у Оливера нет. Он чувствует чужую боль – в буквальном смысле, он ее видит, *ощущает*, словно пульсирующую черную звезду. Иногда боль бывает маленькой и острой, в других случаях она подобна гейзеру, бьющему из человека. Выплескивающему страх, тревогу, душевную травму. Люди делились болью с

Оливером. И он не мог ее отключить.

Мама продолжает:

– Да, понимаю, что это, пожалуй, самый стремный, самый тухлый день, чтобы говорить об этом, но твой отец при смерти, и предложение купить дом...

Подождите, дедушка умер? Оливер его совсем не знал. Ни разу с ним не встречался. Даже сомневался, что и мама когда-либо с ним встречалась, да и папа почти не говорил о своем отце, – и тот умер?

– Мэдс, ты что, серьезно?

– Ладно, понимаю, бред. Но выслушай меня...

– Не хочу думать об этом. И говорить. Нет. Нет!

– Это в округе Бакс. Потрясающий район, рядом университет. Хорошая работа, чистый воздух, к тому же дом твоих родителей стоит на участке площадью двенадцать акров.

– Тринадцать акров. Тринадцать – число несчастливое.

– И для моей работы это также будет хорошо, Нейт. Я смогу устроить мастерскую, у меня будет отдельное помещение. К тому же ты всегда говорил, что у тебя есть знакомые в управлении охоты и рыболовства. Это было бы гораздо лучше, чем таскаться по улицам этого долбаного города. Ты постоянно говоришь, что полицейские изменились. Стали злее, жестче. Хуже. А еще Нахид сказала, что Оливеру будет полезна близость к природе, и если мы выберемся из города...

– Господи, Мэдс, уймись! Это полная ерунда!

– Нейт, милый, дорогой, я понимаю, как тебе тяжело.

Твой отец был...

– Есть. Он еще жив, и он худший из худших, Мэдс. Самолюбленный социопат, жестокий мерзавец...

– Да, конечно, но...

– И ты ни разу с ним не встречалась. Ты его не знаешь. Совсем не знаешь.

– Но он умрет. Неужели ты не понимаешь? Холодный и бездыханный, он будет лежать в земле, а этот дом станет нашим, и, может быть, ты получишь от своего отца хоть что-то хорошее – возможность бежать из города, снять давление со своего сына, новую работу для меня (твоей любимой женежки), так почему же не согласиться? Может быть – ну может же такое быть, – твой отец просто захотел так...

– Даже не говори такое! Знаю, ты предпочитаешь видеть во всем светлые стороны – и в людях тоже. Но нет, в этом человеке светлой стороны нет. Один сплошной мрак.

– Ты мог бы как-нибудь рассказать об этом.

– И пережить все заново? И заставить тебя мучиться? Нет уж, спасибо. Просто поверь мне на слово: никакой светлой стороны нет. Скорпион всегда жалит лягушку⁷.

⁷ Имеется в виду сюжет известной притчи, популяризированной в англоязычном мире фильмом О. Уэллса «Господин Аркадин» (1955): скорпион уговорил лягушку перевезти его через реку, убедив, что он не может ужалить ее в процессе, ведь сам тогда пойдет на дно, – однако в итоге все-таки жалит, оправдываясь

– Ну хорошо, хорошо. Но в данном случае все может быть по-другому.

– Господи, Мэдс! То же самое раз за разом повторяет лягушка!

– Твой отец умрет. Что плохого он сможет нам сделать?!

– Не знаю, Мэдс. Олли не захочет переезжать. Школа ему нравится...

И это действительно было так. Оливеру правда нравилась школа. Школа Растина представляла собой маленькое милое частное квакерское⁸ заведение, однако после сегодняшнего разве он сможет в ней остаться? У него не было никакого желания возвращаться туда. Поэтому Оливер сбросил одеяло, распахнул дверь комнаты и босиком прошел на кухню. Он застал своих родителей в противоположных углах, настороженно смотрящих друг на друга.

– Я слышал ваш разговор, – прежде чем родители его заметили, сказал Оливер. – Вы забываете, что квартира у нас маленькая, а стены тонкие.

Родители в панике обернулись на него. Затем переглянулись.

Лицо отца потемнело от боли, которая выплеснулась у него из груди, разливаясь пятном. Боль пульсировала, не

перед смертью следующим образом: «Ничего не могу с собой сделать, такова моя природа».

⁸ Квакеры – организация Религиозное общество друзей, изначально протестантская, а ныне объединяющая широкий спектр независимых вероисповеданий; одно из прозвищ Пенсильвании, где происходит действие, – Штат квакеров.

собираясь уходить. Обыкновенно она словно сдерживалась невидимой стеной, однако сегодня, похоже, боль преодолела преграду подобно кровавому черному зверю, вырвавшемуся на свободу. В матери также присутствовала боль – но только обузданная. Или, по крайней мере, *подавленная*.

По опыту Оливер знал, что у каждого человека боль своя, особенная: у одних – маленький сгусток, у других – хаотический огонь. У одних похожа на приливную волну, а у других напоминает яд, разливающийся по жилам, или растущий синяк, или тени на воде. Оливер не понимал, что это значит, чем объясняется и, главное, почему он проклят такой способностью, – но, сколько он себя помнил, боль была видна ему всегда.

Оливер ненавидел это. Однако порой необычная способность оказывалась полезной.

– Привет, пареньь!.. – начала было мама, однако Оливер не дал ей договорить.

– Я хочу уехать отсюда. Я слышал ваш разговор и хочу уехать отсюда.

– Уверен? – спросил отец.

– Да. – Олли кивнул. – В городе... тяжело. – И это действительно было так. Шум. Огни. Непрестанно гул. Но хуже всего – люди. Люди хорошие. Но боль... Она *повсюду*. Такое обилие боли грозило его сокрушить. Как это произошло сегодня во время занятий по безопасности. Боль неуправляемой волной захлестывала Оливера изо дня в день.

И становилось только хуже. Боль нужно было *унять*. И, быть может, переезд поспособствует. Быть может.

– Хорошо, сын, – натянуто улыбнувшись, сказал Нейт. – Хорошо.

Вопрос был решен.

Семейство Грейвзов стало готовиться к переезду.

5. Единственное условие

Вот дом:

Каменный сельский особняк в колониальном стиле, чьи старые кости воздвигнуты в конце восемнадцатого века. Высокое здание с узкими плечами, оно отбрасывает необычайно густую тень, когда солнце всходит позади него. Дверь красная. Козырек над ней зеленовато-голубой. Однако и та и другая краска давно выцвела и шелушилась, подобно струпьям на теле прокаженного. Плитки, которыми вымощена дорожка, потрескались и раскололись, и растущая в трещинах трава сделала их еще шире. На окнах висела паутина, как старая, так и новая. Крытая шифером крыша находилась в ужасном состоянии, многие листы лопнули и оторвались. С электрических проводов свисала глициния, а ядовитый плющ и дикий виноград с пятипалыми листьями заползли на стены, словно стремясь затащить дом под землю. Природа хотела забрать его себе.

Точно так же как деревья зловеще нависали над домом, сам дом, казалось, зловеще нависал над Нейтом. Какое-то головокружительное мгновение ему казалось, будто красная входная дверь распахнется настежь и дом подастся вперед, а дверной проем превратится в раскрытый рот. Который поглотит и проглотит его. От дома веяло смрадным запахом и кошмарными снами.

Нейт разглядывал дом своего детства, который не видел много лет, и вдруг позади послышался шум двигателя и шорох камней под колесами.

Поверенный Рикерт проехал по длинной дорожке, мощенной растрескавшимся асфальтом, на десятилетнем «БМВ» – и Нейт обрадовался тому, что его появление оторвало его от тягостных размышлений. Рикерт поставил свою машину рядом с маленькой «Хондой», которая, как предположил Нейт, принадлежала сиделке из хосписа.

Выскочив из машины, юрист бодрым шагом подошел к Нейту, прижимая к груди коричневую папку.

– Добрый день, мистер Грейвз, – сказал он.

– Здравствуйте, Рикерт, – ответил Нейт.

– Ваше единственное условие удовлетворено.

– Он сейчас здесь?

Рикерт невозмутимо кивнул. «Он тоже терпеть не мог моего отца», – сообразил Нейт. Что было весьма кстати: отец просто ненавидел всех юристов.

Сунув руку в карман, Нейт достал потрепанную долларовую бумажку. Такую мог бы выдать на сдачу автомат, торгующий чипсами.

Поверенный взял купюру. Протянул Нейту конверт. Заглянув внутрь, Нейт увидел пачку бумаг – все необходимые документы он подписал несколько дней назад, на следующий день после того, как Оливер сказал, что хочет переехать, – а также договор и связку ключей.

В этот самый момент дверь дома открылась и появилась сиделка – широкоплечая женщина с добрыми глазами, шлемом темно-русых волос и печальным выражением на лице.

– Нейтан Грейвз? – спросила она.

Нейт кивнул и тотчас же довольно резко поправил:

– Нейт. Никогда не был Нейтаном.

– Здравствуйте, Нейт, я Мэри Бассет, – сказала сиделка, взяв его руку и задержав ее в своей. – Сиделка из хосписа. Сочувствую вашей утрате.

– Не надо. Я здесь позлорадствовать, а не скорбеть.

Мелькнувшая в глазах у сиделки искорка сообщила Нейту, что она его прекрасно понимает. Ему захотелось узнать, в какой ад вверх ее отец в последнюю неделю своей жизни.

«Руины, которые старый хрыч оставлял за собой повсюду...»

– Он там?

– Да. В спальне на втором этаже.

– В таком случае я хочу на него посмотреть.

* * *

Это и было единственное условие, поставленное Нейтом: три дня назад он сказал Рикерту по телефону, что принимает предложение о покупке дома за один доллар, если ему позволят спокойно, одному «осмотреться» в доме после того, как отец умрет, но до того, как заберут тело.

Его отец через поверенного согласился на это условие.

И вот теперь Нейт был здесь. Смотрел на тело отца.

За время службы в полиции Филадельфии ему приходилось видеть трупы – один раз небывалый летний зной погубил пожилую женщину, превратив ее в раздутое, липкое месиво, покрытое волдырями, сочащимися гноем. В другой раз суровая зима лишила жизни бездомного, заморозив его насмерть у мусорного контейнера. Все те, кого видел Нейт, не были жертвами умышленных убийств – передозировки, аварии и, самое страшное, три тела, найденные после пожара в ночном клубе. То, что было справедливо во всех тех случаях, было справедливо и здесь: у мертвеца нет души. Исчезало что-то очень важное. И это что-то превращало живое существо в восковую бутафорию.

Дряблая стариковская кожа свисала складками с согбенного скелета, желтая и сморщенная, похожая на страницы промокшей Библии. Глаза остекленели, рот вытянулся в тонкую линию, губы превратились в двух мерзких дождевых червей, милующихся друг с другом.

Это был не отец. Уже не он. Просто манекен.

Нейт *ожидал*, что, когда снова увидит отца, ощутит негодование, которое уступит место ярости, подступающей лавой к горлу, реву огненной магмы, сдержать которую невозможно.

Он *надеялся*, что испытает радость, подобно маленькому ребенку, которому сказали, что чудовища в чулане больше

нет – более того, не осталось вообще *никаких* чудовищ, все они обезглавлены, и отныне будут только воздушные шарики и катание на карусели.

Он *боялся*, что испытает печаль, – что, когда увидит отца в этот последний раз, в нем откроется что-то глубоко погребенное, резервуар печали при виде мертвого старика. Станет грустно оттого, что у него не было детства, которое должно было быть. Грустно от попыток понять, что сделало его отца тем человеком, каким он стал.

Вместо этого Нейт ощутил лишь пустоту. Чистая доска, с которой стерли все надписи, оставив лишь влажную блестящую черную поверхность.

И все-таки *кое-что* он почувствовал: то, что в этой комнате он чужой. Отец никогда не пускал его сюда. Об этом даже не было речи. Однажды Нейт тайком заглянул и посмотрел, что к чему, надеясь, что его не поймают, но отец каким-то образом проведал. Он всегда все узнавал. Наверное, *молекулы в комнате* сместились.

(Для Нейта все кончилось плохо. Синяки не сходили несколько недель.)

Ему стало не по себе. Как будто он снова попался. Но Нейт не поддался этому чувству. Не убежал, хотя очень хотел.

Комната изменилась. Беспорядка в ней стало больше, она превратилась в царство старьевщика: на комодке пачки журналов про оружие, кипы грязной одежды, в углу пара неработающих мышеловок (никаких мышей нет), стопка гряз-

ных тарелок на ночном столике рядом с поддельными часами «Ролекс» и древним стрелочным будильником с двумя металлическими чашками сверху. Когда Нейт жил здесь, комната так не выглядела – мать поддерживала в ней идеальную чистоту. Именно она приводила все молекулы в порядок, сохраняла их в порядке, и все ради удовольствия старого мерзавца.

Также Нейт ожидал найти здесь отцовское оружие: пистолет 45-го калибра в бельевом ящике, помповое ружье под кроватью, двухзарядный короткоствольный пистолет в шкафу в коробке из-под обуви. И если оно лежало там, то было заряжено. Отец страдал манией преследования. Утверждал, что рано или поздно его попытаются обокрасть – что-то из арсенала необоснованных расистских страхов вроде выстроившихся в темном лесу за домом в очередь негров или только выстраивающихся мексиканцев, вознамерившихся похитить у него поддельные часы. «Король должен защищать свой замок», – повторял отец. Но он не был королем. А это никакой не замок.

Но одно все же удивило Нейта.

Отец не прикончил себя.

У него это был пунктик. «Если заболею, серьезно заболею, приставлю себе к подбородку ружье. Уйду на своих условиях». Это он сказал своему сыну, когда тому было... сколько? Двенадцать? Кто говорит такие вещи двенадцатилетнему мальчишке?

– Трус! – сказал Нейт, не ожидая ответа.

Отец тем не менее ответил.

Его тело напряглось, жизнь внезапно вернулась в члены. Труп выгнул спину, глаза раскрылись, нижняя челюсть отвалилась, раскрылась широко, еще шире, с хрустом, лицо быстро превратилось в маску бесконечного страдания. Отец вздохнул – словно сквозняк со свистом ворвался в разбитое окно, затем последовала безумная вспышка света...

– Господи... – пробормотал Нейт, пятясь от кровати.

И тут он увидел своего отца – *другую версию отца*, стоящую в углу комнаты. Невозможно, но так оно и было: один отец лежал на кровати, второй сторожил угол спальни. Тот, что в углу, был в облепленных засохшей грязью джинсах и грязной футболке и держал громоздкий пистолет армейского образца в левой руке, не в той руке. Он смотрел прямо на Нейта – тарачился на него, а может быть, *сквозь* него. Нейт не мог понять, а тем временем труп отца на кровати напрягался и выгибался все сильнее, пронзительное свистящее дыхание становилось все громче и громче, выходя за пределы возможного.

– Нейтан? – спросила отцовская версия в углу голосом таким сиплым, что он был похож на жужжание потайного осинового гнезда в стене.

Дверь в спальню распахнулась, и в комнату торопливо вошла сиделка. Тело на кровати расслабилось и обмякло. Нейт заморгал – явление в углу, второй Карл Грейвз, исчезло.

– В чем дело? – спросила сиделка.

– Я...

Но Нейт не смог ответить. Отстранив сиделку, он быстро спустился по узкой лестнице, пересек ненавистный дом и выбежал на улицу.

На глазах у Рикерта его вырвало на заросшую сорняками клумбу.

* * *

– Это называется посмертная миоклония, – сказала Мэри Бассет.

Нейт сидел на бампере своего старенького «Чероки». Во рту у него стоял кислый вкус рвоты, сердце по-прежнему выбивало барабанную дробь по груди.

Сиделка стояла, скрестив руки на груди.

– Иногда после прекращения жизненных процессов в теле происходит спазм или судороги, что может сопровождаться выдохом. Звук... жуткий. Впервые я услышала его в медицинском училище, когда первый раз реанимировала больного, и до сих пор не могу этого забыть.

Рикерт стоял поблизости, с отрешенным любопытством слушая разговор.

– Но отец ведь умер, правильно? – выдохнул Нейт. – Как давно?

– Час назад.

– Эти судороги могут произойти через такой большой срок после... – Он решил воспользоваться эвфемизмом сиделки: – «Прекращения жизненных процессов»?

Та пожала плечами:

– На моем опыте такого не случилось, но биология – штука непостижимая.

– Но это еще не все, – продолжал Нейт. – Я видел его, отца, стоящего в углу. Его, но в то же время не его. Что-то вроде призрака.

Лицо Мэри стало печальным, сочувствующим.

– В таких видениях нет ничего необычного. Вы испытали значительный стресс. Если вам будет легче думать, что вы видели душу отца, пусть будет так. Если вы предпочитаете считать, что это была галлюцинация, тоже хорошо. – Она попыталась улыбнуться. – Тут неправильных ответов нет и не может быть.

– Ладно, – кивнул Нейт. «Просто галлюцинация», – подумал он. – Спасибо.

Сиделка повернулась к юристу:

– Я выбросила все лекарства и подготовила свидетельство о смерти. Если хотите, могу связаться с похоронной службой.

– Будьте добры, – сказал Рикерт.

Мэри Бассет еще раз выразила Нейту сочувствие, попрощалась с ним и уехала.

– Будете на похоронах? – спросил поверенный.

– Для меня похороны уже состоялись.

– Хорошо. Я займусь делом о наследстве. Да, если вам интересно, у завещания нет распорядителя.

– Мне неинтересно.

Какое-то время Рикерт просто стоял, молчаливый, словно деревья в этот жаркий безветренный августовский день.

– Как вы собираетесь поступить с домом? – наконец спросил он. – Продать его и заплатить налог с прибыли? У вас все равно кое-что останется.

– Я пригласил клининговую компанию. Она наведет здесь порядок, продаст все, что не вделано намертво. А через неделю после этого... – Нейт не мог поверить в то, что действительно произнес следующие слова: – Наша семья переедет сюда.

– Я удивлен.

– А уж я-то как удивлен, мистер Рикерт! Уж я-то как удивлен!

Интерлюдия

Прибытие

Животные не любили заходить в тоннель.

Они не сообщали это друг другу – в прямом смысле. У них нет общего языка, позволяющего общаться представителям разных видов, хотя, разумеется, со своими собратьями они общаться могут – писком и чириканьем, блеянием и мычанием. Но никогда никакому животному не нужно было говорить другому животному: «Не ходи туда!» Они это и так понимали. Об этом предостерегали их шерсть и перья. Об этом пела их кровь.

Животные знали, что этот тоннель – не просто тоннель. Это место насквозь пропахло страхом – темная пустота, тонкое место, мембрана, сквозь которую проникал мрак, истинный мрак, и животные это чувствовали, они чуяли этот запах. Животные также понимали, что дело не только в тоннеле, но и во всей окрестной земле, – однако тоннель являлся центром. Посему, хотя животные не могли полностью избегать окрестностей, они очень мудро обходили стороной хотя бы тоннель.

Но сегодня одно живое существо – человек, один из этих неуклюжих, неловких приматов, практически лишенных волосяного покрова, – вошел туда. Забежал. Самец. Люди часто заходили в этот тоннель. Как выяснилось, люди очень

группы. Бегают, хотя никто за ними не гонится.

Однако иногда глупость людей оборачивалась благом для животных. Этот человек-самец, забежавший под длинный бетонный свод и устремившийся в темноту, что-то держал в руке, как это частенько бывает с людьми.

Еду.

Орешки, семечки и сушеные фрукты. Он бежал лениво, жуя и хрустя.

Чавк-чавк.

Хрусть-хрусть.

И затем, что также частенько делают люди, он уронил часть того, что ел. Люди – существа расточительные. Жутко безразличные к окружающему миру, они с пренебрежительной легкостью выбрасывают самые разные вещи. Еду, мусор и сокровища в равной степени.

Белка знала, что заходить в тоннель нельзя. Это была непреложная правда.

Но правдой было также то, что наступила осень.

А с осенью пришли холода.

Скоро станет еще холоднее и наступит зима – весь мир превратится в пустыню снега, льда и пронизывающего ветра. Белки выживают зимой благодаря тому, что осенью их охватывает непреодолимое стремление запастись и прятать еду. Если они видят что-то съестное... Они запрограммированы любой ценой завладеть этим, а потом припрятать в деревьях, под камнями, в ямках, выкопанных лихорадочно работаю-

щими лапками.

И вот здесь, *прямо здесь*, в тоннеле, была еда.

Отличнейшая, желанная еда.

Поэтому наша белка сделала то, что делают все белки, даже когда на них на полной скорости несется машина, – отправилась за едой.

Белка осторожно забралась в тоннель, в темноту. Сначала она двигалась медленно, затем быстрыми рывками. Россыпь семечек, орехов и сухофруктов была прямо впереди. Вот уже всего в десяти шагах. В девяти. В восьми. Белка уже буквально чувствовала вкус еды.

Но темнота тоннеля словно стала более злобещей. И более черной. Белка остановилась. Внезапно шерсть на ней встала дыбом – предостережение. В тонком слуховом канале животного возник пронзительный звук. Тени завибрировали, затем резко двинулись, словно на белку упало что-то тяжелое.

Но ведь белка была уже близко, *так близко* к еде...

Поэтому она осторожно двинулась дальше. Не обращая внимания на гнетущее чувство внутри, которое белке хотелось списать просто на голод.

Ближе. Еще ближе.

Белка протянула лапку к первому ореху. Засунула его себе в рот, готовая отправить за щеку...

И тут звон в ушах стал невыносимым, будто в мозг вонзили острую иглу. Белка забилась в судорогах, упала на спину и покатилась, беспомощно размахивая хвостом и перебирая

лапками. Она издала звук – отчаянный писк, родившийся в глубине глотки, перешедший в пронзительный вопль.

Вскоре белка затихла. Она могла лишь лежать на брюхе, что есть силы прижимаясь всем телом к твердой земле. Надеясь унять этот резкий звук, раздирающий уши. У нее задрожала голова. Две струйки крови вырвались из ноздрей, сквозь зубы поползла кровавая пена. Брюхо разбухло и лопнуло, словно треснувшее яйцо, все внутренние органы вывалились наружу с такой силой, что тело зверька приподнялось на маленькой горке собственных внутренностей.

Белка еще оставалась живой и успела увидеть, как воздух вокруг искривился, а тени затянулись тугим узлом. На сводах тоннеля заплясали электрические разряды, затем из мрака вырвалась призрачная молния.

И там, впечатанный в этот мир подобно образу на сетчатке, был человек. Тоже самец, но уже другой, не тот, что легкомысленно забежал в тоннель всего несколько минут назад. У этого лицо было покрыто шрамами, словно ему пришлось схватиться со страшным зверем, с демоном. И, словно у этого самого демона, один глаз человека-самца, глаз странного цвета, устроившийся в рваном рубце шрама, светился и менял краски, как преломленный призмой свет.

Потом человек-самец перешагнул через белку и ушел прочь.

За животным пришли мрак и смерть. Оно резко исторгло из себя жидкости, внезапно сбросило всю шерсть, с шипени-

ем выпустило воздух. Белка умерла, но это был еще не конец. Не совсем конец. Ибо вскоре она обнаружила, что просачивается в трещины, сквозь темноту, в туман.

Часть II

Обустройство

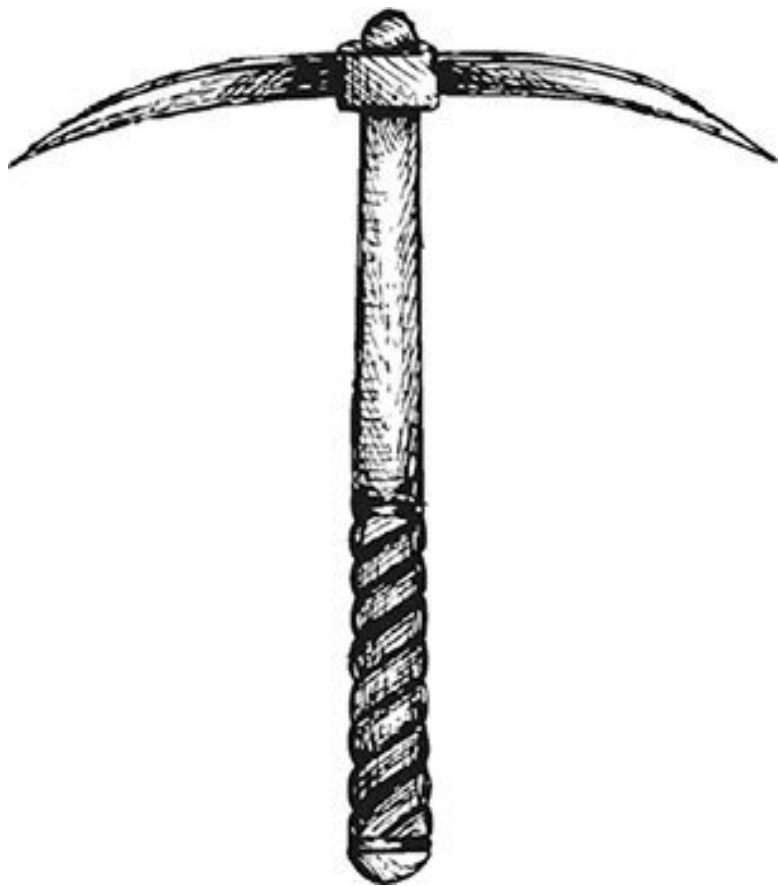
Правда проста, настолько проста, что ее поймет и ребенок. Мой отец был холодный человек, математик, не любивший меня и в ответ не любимый мной, но он не переставал повторять одну разумную вещь: истинный язык Вселенной не в наших словах, не в наших жестах и вообще не в том, что исходит от нас. На самом деле, говорил отец, главное – числа, и это математика. Все является частью какого-то уравнения, и если ты понимаешь такие уравнения, если ты знаешь Истинные Числа, то знаешь все. Если тебе известна нужная комбинация, нет ничего такого, чего ты не смог бы открыть. Для всего найдется переменная, которая решит уравнение. И вот теперь у меня есть это число. Это число мира, число ангелов, число демонов. Это возраст Авраама, когда ему явился Господь, возраст Иоанна Богослова на острове Патмос, число Мемфис-Мицраим⁹, гематрия¹⁰ слова «аминь», Золотой век, Число Разрушителя. Мне привиделось, что Зверь из

⁹ Мемфис-Мицраим – один из масонских уставов, предполагает наибольшее из всех уставов число степеней посвящения – 99.

¹⁰ Гематрия – в иудаизме сумма традиционных числовых значений букв слова; слова с идентичными гематриями считаются особым образом связанными между собой.

Тоннеля пришел ко мне и написал это число у меня на руке, и посему туда я и отправился, к камням, в Тоннель, – и там обрел свою миссию. Отец был прав. Все вещи являются числами. Истинные Числа. Истинный Язык. У него было восемь пуговиц на куртке, когда я его убил.

Из 37-го дневника серийного убийцы Эдмунда Уокера Риза

6. Вижу красную дверь¹¹

Они стояли втроем и смотрели на красную дверь.

– Мы в этом уверены? – наконец спросил Нейт.

Мэдди рассмеялась, и ее смех едва не потонул в стрекоте цикад, похожем на звук открываемой и закрываемой застежки-молнии.

– Вообще-то, теперь уже поздно. Мы купили этот дом.

– Ага. За один доллар. И за десять тысяч в год налогами.

А также за те деньги, которые, скорее всего, нам предстоит заплатить за ремонт и переделку в ближайший год, два года, десять лет... – Нейт провел рукой по щетине на подбородке, и та затрещала, словно старая обувная щетка, когда по ней проводят пальцем. Он побрился бы, если бы был в городе, – но здесь почему-то неухоженность щетины казалась ему как нельзя более подходящей.

Подавшись к нему, Мэдди положила голову ему на плечо.

– Спасибо за то, что это сделал, Нейт. Думаю, все будет как надо.

– Я тоже так думаю, – сказал Нейт, однако это была ложь.

– А здесь прикольно, – сказал Олли.

Было *очень* отраднo снова видеть у него на лице улыбку.

¹¹ Строчка из очень известной песни «The Rolling Stones» «Paint It Black» («Покрасить в черный»), где поется «Вижу красную дверь и хочу, чтобы она была черной».

Его сын уже казался более... ну, сказать «собой», наверное, было бы не совсем хорошо, но именно так это воспринимал Нейт. Оливер стал более живым и свободным.

– И как-то дико, – добавил мальчик. – Сорняки и все такое... – Он хлопнул ладонью себя по шее. – Ой!

– Комары обнаружили тебя, – сказал Нейт. Он изобразил страшную гримасу в духе Дракулы. – *Они хотят выпить твою кро-о-о-овь!*

– Ага.

– По крайней мере, это не клещи.

– Клещи? – встревожилась Мэдди. – То есть как – клещи?

– Мы теперь на земле клещей. Но все в порядке. Клещей едят опоссумы. А летучие мыши съедят комаров.

– Клещи, опоссумы, летучие мыши и комары... – Мэдди покачала головой. – Твою мать, заворачиваем грузчиков и сжигаем на хрен все это дерьмо!

Нейт рассмеялся, и Оливер тоже. Они давно привыкли к поразительной страсти матери к ругательствам, хотя и не вполне разделяли ее.

– Жизнь в сельской местности, – усмехнулся Нейт, целуя ее в щеку.

– Итак, вот наша новая входная дверь, – сказал Олли.

– Две петли и одна ручка. – Мэдди многозначительно улыбнулась. – Вот что делает дверь дверью.

Нейт пожал плечами:

– В таком случае откроем эту дверь и начнем здесь жить.

(Эта фраза: «Две петли и одна ручка. Вот что делает дверь дверью». Мэдди произнесла ее, но сама не могла сказать почему. И откуда она взялась? Где-то слышала? Наверное.)

В связи с «облагораживанием» района работать в городе становилось все труднее и труднее – зачем сдавать площадь какой-то художнице, если можно сдать ее под крутое навороченное кафе или тому, кто продает дизайнерские повязки на глаз одноглазым хипстерам? А здесь просторно, есть сарай-навес, где можно будет обустроить мастерскую. В голове у Мэдди уже гудел список первоочередных дел: надо связаться с электриком, проложить туда кабель, установить кондиционер, провести интернет, поговорить с Труди Брин, чтобы попробовала устроить выставку где-нибудь весной... а затем она стала думать о том, что нужно составить и список продуктов, потому что есть им нечего... а еще стоит позаботиться о том, чтобы сообщить всем новый адрес и...

Вот *в этом* вся Мэдди. Списки внутри списков, планы составить новые списки, списки с новыми планами. Все думают, что художники – это легкомысленные бездельники, витающие в облаках, и среди них *действительно* есть такие, но все они или а) голодают, или б) уже богаты, а у Мэдди не было ни малейшего желания голодать, и она, черт побери, точно не была богатой, из чего следовало, что ей приходи-

лось самой трахаться со всем этим дерьмом, огромное всем спасибо.

(Еще один аспект Мэдди: сквернословила она хуже змеи, утонувшей в бутылке с дешевой текилой. Мужчинам позво-ляется так разговаривать, а женщинам, как правило, нет, что Мэдди воспринимала как личное оскорбление. Да пошли к такой-то матери все те, кто считает, что женщина не может быть неприличной! В молодости Мэдди любила говорить: «Скажите мне улыбнуться, и я покажу вам зубы».)

В настоящий момент ее дерьмо было в полном порядке. Все происходило как нужно. Грузчики уже суетились, скла-дывая ящики, расставляя мебель. Нейт присматривал за ни-ми. Оливер изучал свою комнату.

Это дало Мэдди возможность. Возможность побыть од-ной.

Итак, она прошла на кухню, вышла через черную дверь на обшарпанное крыльцо и отправилась в лес. Нашла зарос-шую тропинку, ведущую к сараю. Ей потребовалось всего несколько минут, чтобы добраться до него. Вот уж действи-тельно самый что ни на есть сарай-навес: старые телеграф-ные столбы, вкопанные в землю, по шесть с каждой сторо-ны, крыша из листов гофрированного железа. Столбы еще не сгнили, но ржавчина уже начала выедать в крыше ямки и дырки. Под балками висела мумия старого осинового гнезда вместе с бесчисленными гамаками пауков. Строение не име-ло стен, а пыльная земля хранила неровные рубцы, ямы и

квадратные отпечатки, оставленные техникой и инструментом, которыми уже давно не пользовались и которые увезли скупщики, приглашенные забрать весь хлам, оставленный покойным отцом Нейта.

Это место принадлежало Мэдди, ей одной. Она посидела минутку, озаренная этой мыслью.

Мэдди чувствовала, что у нее есть пространство, чтобы разогнуться и дышать, пространство, чтобы *творить, творить и еще больше творить*. Но...

И тут на нее снова обрушилась действительность. «Сначала мне нужно возвести здесь стены. Сначала нужно провести сюда электричество, сделать освещение, установить кондиционер, перевезти все мои материалы, сварочный аппарат, инструменты и арматуру, и... и... и...» и в довершение ко всему все прочие заботы, которых требовал переезд в новый дом. Как правило, составление списков давало Мэдди ощущение свободы, однако сейчас они вдруг показались ей бетонными блоками, придавившими грудь.

Но если ей удастся снять эти бетонные блоки...

«Мне не нужен сарай, чтобы творить.

Нейт и Оливер сами разберут коробки.

Необязательно закупаться продуктами – можно заказать готовую еду, твою мать».

И на этом лес вокруг ожил в могучем порыве – да, ожил настоящей жизнью, белками, голубыми сойками и пауками, о боже, – но также и открывшимися возможностями. Там

полно старых деревьев, поваленные стволы лежат на земле, словно павшие солдаты. Если вырезать из них что-нибудь...

Это можно сделать бензопилой.

У Мэдди не было бензопилы.

– Мне нужна бензопила, твою мать, – громко сказала она, обращаясь к лесу.

Инструмент имел очень большое значение. Точно так же как нельзя просто пройти пешком в Мордор, невозможно творить скульптуры дрянными, неподходящими инструментами.

Чтобы обработать стекло, нужна особая абразивная паста, чтобы разрезать глину, требуется прочная тонкая леска, без хорошей вакуумной камеры и хорошего пресса не сделать отливки и резиновые формы.

И Мэдди захотела обзавестись хорошей – *лучшей* бензопилой для обработки дерева. Хотя ей еще никогда не приходилось пользоваться бензопилой для создания скульптур, она возгорелась желанием научиться. Она поняла, что ей нужно: резчицкая бензопила.

Обычная бензопила хороша для того, чтобы безжалостно валить деревья. Но она не мясник-лесоруб. Нет, Мэдди была нужна пила с короткой цепью, что-нибудь такое, чем можно будет делать глубокие распилы, но в то же время тихонько бороздить дерево, проделывать маленькие канавки, ямки и углубления, создавая мелкие детали. Что-нибудь легкое, с маленькой вибрацией. Одна знакомая утверждала, что луч-

ший инструмент делает немецкая фирма «Штиль», но, черт возьми, где его купить? В здешних краях Мэдди ничего не знала.

Может, Нейт знает...

Поэтому она отправилась искать Нейта.

* * *

Мэдди нашла мужа наверху, злобно уставившегося на дверь спальни. Она прикоснулась к его плечу – и он вздрогнул так, словно жена выстрелила в него из электрошокера.

– Господи! – испуганно воскликнул Нейт.

– Нет, не Господь, а всего лишь я, твоя старушка-жена, – подмигнула Мэдди. Нейт даже не улыбнулся, и она вопросительно посмотрела на него. – О, Нейт у нас сегодня серьезный... Понимаю, понимаю.

Покачав головой, Нейт натянуто улыбнулся:

– Все в порядке. В чем дело?

– Мне нужна бензопила.

– Что?

– Бензопила, чтобы вырезать.

– Бензопилой пилят, а не вырезают.

– Послушай, приятель, я обойдусь без твоих дерьмовых шовинистических лекций! Пусть ты коп, но вспомни, что если дома нужно что-нибудь закрутить или прибить, то в конечном счете это делаю я. – Мэдди презрительно усмехну-

лась. – О боже, этот переезд и тебя распалил, да? Только подумай, чем мы сможем заняться в нашей новой спальне. Закручивать шурупы. Вбивать гвозди. Менять трубы. – Хитро подмигнув, она провела рукой Нейту по плечу, ощупывая упругие мышцы.

Тот резко отдернулся, словно обжегшись.

– И-и-и-и-ли... чем-нибудь *другим!*

Нейт поморщился:

– Это не наша спальня.

– Это *наша* спальня. Твоя и моя. – Мэдди потемнела от разочарования. Внезапно до нее дошло. Она хорошо разбиралась в сумасбродствах мужа. Тот сам ничего не замечал; это получалось у него неосознанно. Но Нейт уже давно пытался спрятаться за черными шторами, и Мэдди единственная могла без труда их раздвинуть. – О, я поняла. Тебе до сих пор кажется, будто это *их* спальня.

– Когда я был маленьким, отец ясно давал понять, что заходить в *его* спальню нельзя. Не в *их*. Не в *мамину*. Он называл ее своей. И я никогда туда не заходил. У меня такое ощущение, будто мы... – Нейт запнулся, подбирая нужное слово. – Вторгаемся. Отец жил здесь и умер здесь.

Он рассказал Мэдди о том, как мертвый Карл Грейвз лежал на кровати. А затем внезапно очнулся. Еще раз испустил дух напоследок. Мэдди постаралась проявить сочувствие и понять, каково это. (В конце концов, ее собственный отец умер у нее на глазах.) Но ей также было нужно, чтобы Нейт

– ну, взял себя в руки, твою мать, потому что речь не только о нем одном.

– Господи, Нейт! Тебя это здорово задело. Все это.

– Все будет в порядке.

– Не будет! – воскликнула Мэдди, громко, слишком громко. – Не будет, – повторила она, уже тише. – Господи, не нужно нам было переезжать сюда. Не нужно было брать этот дом. – Она почувствовала, что автоматически переходит в режим кризисного управления. – Еще не поздно его продать. Грузчики расставили еще не всю мебель, и, если честно, мебели у нас недостаточно, чтобы заполнить весь дом. Скажем грузчикам, чтобы они отвезли наше дерьмо на... как это называется? На временное хранение, да? Она останется там до тех пор, пока мы не найдем...

– Нет. – Нейт покачал головой. – Я вижу, что ты делаешь. Прекрати! Послушай, я справлюсь. Мы оставим дом себе. Мы уехали из города. Здесь безопаснее. Олли здесь нравится; господи, он уже стал другим, это чувствуется. Здесь спокойнее, школа тут первоклассная, одна из лучших в штате. Тебе для работы нужно отдельное место, пространство. Боже, я иду на новую работу в *понедельник!* У Олли скоро начнутся занятия. – Он говорил решительно. – У нас все получится!

Мэдди окинула мужа оценивающим взглядом. Стараясь снова раздвинуть черные шторы и убедиться в том, что он действительно так думает.

Затем она положила руку Нейту на плечо – и в то же время ткнула ему пальцем в грудь. С силой.

– Замечательно. Просто возьми себя в руки. И *держи* в них. Нам нужно, чтобы у нас все получилось. Ты – наш фундамент. Так будь же фундаментом. Договорились?

Язык ее жестов не вызывал сомнений – Мэдди готова была поддержать мужа, но она не потерпит никакого дерьма.

Нейт молча кивнул.

– Хорошо. Я все поняла. Тебе тяжело.

– Все будет в порядке.

– Еще труднее *признаться* в том, как тебе тяжело.

– Да, мне действительно... тяжело. Очень тяжело.

– Ну вот, видишь? – Мэдди улыбнулась. – Разве не стало немного легче?

– Стало. Вот на... – Нейт сдвинул большой и указательный пальцы так, что между ними осталось лишь несколько миллиметров. – Самую малюсенькую чуточку.

– Я тебя люблю. Все будет хорошо.

– Я тоже тебя люблю.

– Вот что, – сказала Мэдди, поворачиваясь к лестнице. – Мы с тобой пока что возьмем себе гостевую спальню.

– А где же будет спать Олли?..

– Где? Я уже сказала ему, что он может забрать себе чердак.

– Чердак, Мэдс?.. Даже не знаю. Он старый, грязный и жаркий...

– Забавно, так же в точности я описала бы тебя.

– Ха-ха.

– Ладно, Олли там будет хорошо. Ему пятнадцать лет. Свобода ему не помешает. Там, наверху, будет его собственный мир, без нас. – Мэдди понизила голос. – К тому же, честное слово, парень уже пачкает пару носков в день¹². Наверное, придется закупить одноразовых салфеток...

Нейт состроил гримасу, торопясь перевести разговор на другую тему.

– Надеюсь, Олли здесь хорошо.

– Все будет замечательно. Он уже стал заметно спокойнее...

Сверху донесся крик сына.

* * *

Оливер поднялся по тесной лестнице. Наверху протянул руку, нащупал шнур выключателя, и – щелк, да будет свет! Чердак тянулся через весь дом, равняясь по площади двум комнатам. Крыша была двускатная, поэтому посередине можно было спокойно выпрямиться во весь рост, но у края уже не постоишь. Грузчики частично подняли сюда мебель и задвинули кровать в угол, под скос. Оливеру это понравилось. По какой-то причине это вселяло чувство безопасно-

¹² У американских подростков принято мастурбировать в носок.

сти. Притаиться у стены, спрятаться от окружающего мира.

Несмотря на запах плесени, пыль и жару – господи, самая настоящая духовка! – Оливеру тут, в общем-то, понравилось. Он чувствовал, что сможет здесь *дышать*.

Оливер шагнул к кровати и...

– Вот дерьмо! – воскликнул он, резко отступая назад. И, увидев то, что было на полу, закричал, призывая родителей.

* * *

Единственным источником света на чердаке была тусклая лампочка без абажура, поэтому папа захватил с собой настольную лампу. Воткнув в сеть, он использовал ее как фонарь, направив на пол и осветив то, что там было.

– Видите? – спросил Оливер.

– Черт побери, что это такое? – брезгливо спросила мама.

– Ни хрена не понимаю, – пробормотал папа.

На самом деле они *прекрасно* понимали, что перед ними.

Просто... просто это была какая-то бессмыслица.

В пыли на деревянном полу лежала давно сдохшая мышь.

Труп высох, осталась только кожа, натянутая на тонкие, словно спички, кости. Однако соль была не в этом...

Вокруг дохлой мыши по практически идеальному кругу маршировали муравьи, устроив безумную карусель вокруг останков грызуна. Бесконечный круговорот насекомых, идущих без какой-либо цели, но неспособных остановиться.

Оливеру пришло на ум то, чем они однажды занимались в школе: танец вокруг майского дерева¹³. Учителя и дети держали ленты, прикрепленные к шесту, и кружились вокруг него, с каждым оборотом все крепче переплетая ленты.

– Как стремно-то, – пробормотал Оливер.

– Опоссумы, клещи, комары, летучие мыши, и вот теперь этот омерзительный муравьиный цирк? – сказала мама. – Я повторяю свой призыв спалить этот дом дотла! – Однако и она, похоже, была восхищена круговертью насекомых.

– Перебить их? – спросил папа.

Мама пожала плечами.

– Быть может, они поклоняются мыши. – Она повысила свой голос до пронзительного воя: – Слава покойной королеве грызунов!

– Уверен, это что-то... совершенно нормальное, – сказал папа. Однако по его голосу это совершенно не чувствовалось.

Но Оливер уже достал телефон и вбил запрос: «муравьи по кругу». Через полсекунды появилась вереница видео.

– Это называется «муравьиная мельница»... или вот еще, «муравьиный водоворот». Похоже, это совершенно обычное явление – муравьи попадают на свой собственный феромоновый след и не могут с него сойти, поэтому кружат, кружат

¹³ Майское дерево – один из атрибутов традиционного европейского (и частично американского) праздника, устраиваемого 1 мая, на Троицын день или в день летнего солнцестояния – особым образом убранное дерево, а чаще просто ствол, столб или шест, вокруг которого исполняется танец.

и кружат до тех пор, пока не... – Продолжая читать, Оливер нахмурился. – Пока не умирают. Это муравьиное самоубийство.

– Точно, самоубийство, – сказал папа, подбираядохлую мышь в свой клетчатый носовой платок. После чего выпрямился и несколько раз топнул ногой: топ, топ, топ. Снова наклонив лампу, осветил круг из раздавленных муравьев. Некоторые еще шевелились, и он еще раз опустил на них ногу и покрутил пяткой, словно курильщик, гасящий окуроч.

– Необязательно было их убивать, – сказал Оливер. У него сперло дыхание в груди. Он понимал, что уж из-за муравьев-то переживать незачем – у них нет сознания и разума, и он даже не был уверен в том, что они способны чувствовать боль, – но все-таки папа поступил очень жестоко. Как-то безысходно.

Оливер сглотнул комок глупых чувств.

– Быть может, теперь, когда мыши больше нет...

– Олли, я не могу спасти всех муравьев. Как ты сам сказал, они кружились по... спирали смерти.

– Но...

Папа положил руку ему на плечо.

– Послушай, приятель... Грузчики уже заканчивают. В самое ближайшее время они перевезут остальную мебель, и ты сможешь начать разбирать коробки. Хорошо? Все в порядке?

– Все в порядке, – сказал Оливер. Он не хотел признавать-

ся в том, как сильно его задела вся эта история с муравьями. Поэтому натянуто улыбнулся, надеясь на то, что родители ничего не заметят. Хотя перед мысленным взором муравьи продолжали кружиться, кружиться и кружиться, словно какое-то сумасшедшее сломанное колесо.

7. Качество души

– Я бы хотела поговорить о муравьях еще, – сказала с экрана компьютера доктор Парвина Нахид. Это была их первая официальная видеосессия после того, как Оливер переехал. Папа не слишком обрадовался тому, что придется оплатить полную стоимость приема, несмотря на то, что общение будет происходить дистанционно, но в то же время он был рад, что не придется везти Оливера в город. – Они тебя напугали.

– Я... да. Но... это же было... когда? Почти целую неделю назад, – сказал Оливер, стараясь говорить как можно более небрежным тоном, будто ему все равно. Компьютер стоял на столе, он сидел перед ним. Поставив локти на дерево, Оливер обхватил руками подбородок.

– Это до сих пор тебя беспокоит?

– Возможно. Не знаю. – Оливер вздохнул. «Просто будь честным». – Немного.

– Почему?

– Не знаю. – Он рассмеялся, но в его смехе не было веселья. – Я понимаю, что муравьи – это вовсе не маленькие люди и все такое. Я не думаю, что они чувствуют... не знаю. Боль, эмоции, что там еще... Но видеть, как папа их топчет? – Ладони у него взмокли от пота, и он вытер их о штанины джинсов.

– Как ты к этому отнесся?

– Наверное, не очень хорошо.

– Ты знаком с джайнизмом?

Оливер молча покачал головой.

– Джайн-дхарма, древняя индийская религия, – продолжала доктор Нахид. – Кое-что от буддизма, немного от индуизма. В джайнизме есть принцип под названием «ахимса». Махавира, один из первых учителей джайнизма, написал кое-что, и я вспомнила о тебе: «Нет качества души более тонкого, чем ненасилие, и нет духовной добродетели выше, чем уважение к жизни». Возможно, ты этим обладаешь. Уважением к жизни.

– Да, но... ну, это же может стать каким-то безумием. Если я не могу справиться, когда кто-то топчет каких-то муравьев... – Оливер умолк, не договорив.

– Это твои слова? «Я не могу справиться»? Или их сказал кто-то еще?

Оливер пожал плечами.

– Потому что, – сказала доктор Нахид, – нередко случается, что нам высказывают что-то, критическое замечание или, хуже того, оскорбление, и это проникает нам в голову и... – Она изобразила руками порхающую из стороны в сторону бабочку. От этих движений цифровая картинка на мгновение рассыпалась на застывшие квадратики. – Мысль отражается снова и снова, словно эхо, и вскоре мы начинаем слышать в этом эхе собственный голос, а не голос критика. Мы принимаем чужую мысль как свою, забыв, что нам ее навя-

зали.

– Вы хотите сказать, что это слова моего папы.

– А это так?

– Да, пожалуй. Но не... – Внезапно Оливер смутился. – То есть, может быть, папа прав, понимаете? Может быть, мне не помешает стать немного покрепче. – Как там сказал папа? «Броня». – Мне нужна броня. Если я не могу видеть, как топчут кучку муравьев, мир раздавит меня подобно... скатившемуся с горы камню. Так что, возможно, папа прав. В смысле, я люблю папу, и он меня любит, мы с ним прекрасно ладим. Папа надо мной не издевается...

Доктор Нахид поспешно подняла руки, признавая полное поражение.

– У меня и в мыслях не было ничего подобного, Оливер.

– Да, да, знаю.

– Почему ты так сказал? Почему ты употребил это слово?

Я имею в виду «издевается».

– Ну, по-моему, папин отец издевался над ним.

– Ты хочешь поговорить об этом?

– Тут особенно не о чем говорить. – Оливер пожал плечами. – Вообще-то, папа об этом не рассказывает. Я просто знаю, что мне не разрешали встречаться с дедушкой, а затем он умер, и теперь мы живем в его доме.

– Каково это – жить в его доме?

Оливер задумался:

– Здесь как-то жутковато. И одиноко. Но и хорошо, не

поймите меня неправильно. Мне нравится жить в лесу и все такое. Иногда я просто отправляюсь гулять, и вокруг все тихо и спокойно. Может быть, даже чересчур тихо. Мама занята, приводит дом в порядок и готовит этот сарай. Папа... знаете, он папа, у него работа и все такое.

– Ты уже завел новых друзей в школе?

– Нет, – поколебавшись, ответил Оливер. Он не хотел в этом признаваться. – Но прошла всего неделя...

Доктор Нахид широко улыбнулась:

– Ничего страшного. Но друзья – это очень хорошо. Каждому человеку нужны друзья, поэтому, дорогой Оливер, давай-ка раздобудем тебе друзей.

8. Рыбы и звери

Нейт посмотрел на себя в зеркало: бежевая рубашка, темно-зеленые брюки. Этот наряд егеря никак не походил на синюю полицейскую форму. Нейт задумался: кого он сейчас видит перед собой?

Здесь, в захолустье, он чувствовал себя потерянным. Одно наложилось на другое – увольнение из органов правопорядка, отъезд из города, из старой квартиры, переезд в дом, где прошло его детство, все еще как будто принадлежащий двум мертвецам... Хорошо хоть Оливеру здесь вроде бы лучше. Хотя нельзя сказать, что у Нейта была возможность действительно пообщаться с сыном. Олли *правда* лучше? Проклятье, Нейт этого не знал.

Он перевел взгляд на раковину. На ней лежала кобура – потрепанная, не новая. В ней был «Глок-19».

Перепоясавшись ремнем с кобурой, Нейт вышел из ванной.

* * *

В офисе смотреть было особенно не на что. Главная комната и комната для совещаний поменьше, в углу туалет, общий для всех полов. Прямо посередине два письменных стола лицом друг к другу. Стены обшиты деревянными панелями.

На полу протертый бежевый ковер.

За дальним столом сидел партнер Нейта, Аксель Фигероа – Фига. Коренастый здоровяк с толстыми руками, бедрами и шеей, но невысокий, отчего казался обрубком. Голова у него была обрита наголо, а смуглая кожа цветом напоминала ремень. И еще усики, крошечные.

– Наконец тебе прислали форму, – заметил Фига.

– Да, наверное, решили, что без нее мне никак, – сказал Нейт. Он покрутился, как модель на подиуме. – Ну, как я в ней выгляжу?

Нахмурившись, Фига пробормотал что-то невнятное.

– Похоже, я тебе не очень-то нравлюсь, – продолжал Нейт.

Снова невнятное ворчание. Фига опять занялся бумагами.

«Я ведь повсюду завожу друзей», – подумал Нейт. Так продолжалось уже несколько недель – все их общение было кратким, быстрым, исключительно по делу.

Вздыхнув, он подошел к стенду, на котором имелась вся необходимая информация: таблица с датами охотничьего и рыболовного сезонов, а также курсов безопасности на охоте плюс предупреждения насчет инвазивных видов¹⁴. В основном разных насекомых. В одном предупреждении говорилось о какой-то красной фонарнице, с огромным аппетитом уплетающей фруктовые деревья и виноградники.

– Тебе скучно? – спросил Фига.

¹⁴ Инвазивные виды – чужеродные для экосистемы виды, своим вторжением нарушающие ее баланс.

– О, просто решил немного почитать.

– Нужно заняться бумагами. Разрешения и все такое.

– Разумеется, – сказал Нейт, и в его голосе прозвучала обреченность. Он вернулся за свой стол. Фига наблюдал за ним.

– Ты работал в полиции Филадельфии, верно?

– Именно так.

– Наверное, там никогда не бывало скучно.

Тон Фиги не был дружелюбным. Он явно хотел спровоцировать Нейта на что-то. Но вот на что именно – Нейт не знал. Однако он не видел иного выхода, кроме как подыграть.

– В каждой работе есть свои плюсы и минусы, но не буду спорить – мы кое-что повидали, нам довелось испытать много чего, это точно.

– И, я так понимаю, ты прошел соответствующую подготовку.

– Разумеется.

– Значит, Нейт, в нашем захолустье тебе должно быть скучно. Большинство тех, кто становится егерем – «специалистом по охране дикой природы», – сначала отправляются в Гаррисберг и проходят полный курс обучения в школе Леффлера. Программа там рассчитана на год. С проживанием в общежитии. Уроки по уходу за дикой природой, законодательству, правилам безопасности и так далее.

Нейту внезапно стало неуютно. Пристальный взгляд Фиги пригвоздил его к стене словно дешевую киноафишу.

– Я так понимаю, ты этот курс прошел, – сказал Нейт.

– Прощел. – Фига подался вперед. – А ты – нет.

– И с этим будут какие-то проблемы?

Откинувшись назад, Фига скрестил руки на груди.

– Нет. Ты оттрубил свой срок в окопах. Пускай в других окопах, но какая разница... Билл Динджел там, в Гаррисберге, говаривал: если летишь – лети.

На взгляд Нейта, проблема оставалась.

– Послушай, я вовсе не собираюсь мочиться в твой кофе. Я не сверхвысокого мнения о собственной персоне и не думаю, что служба в полиции Филадельфии дает мне какие-то особые права. Я вырос в здешних местах, здесь охотился и ловил рыбу, но вовсе не утверждаю, что знаю эту работу. В отличие от тебя. Начальник – ты. Хочешь, чтобы я занимался бумагами, – значит, буду заниматься бумагами. Хочешь, чтобы я сидел и тарашился на стену, – значит, буду тарашиться на стену. Я готов собирать оленье дерьмо и очищать канавы от мусора. Ты – начальник, и решаешь ты.

– Однако я никакой не начальник, ведь так? Должностные обязанности у нас с тобой одинаковые, Нейт. И называются должности одинаково. Зарплата? Одинаковая. – Фига рассмеялся, однако в его смехе не было веселья. – Выкладывай – наверное, ты получаешь больше.

– Это с какой еще стати?

– Не заставляй меня говорить это вслух.

– Говорить что?

Снова подавшись вперед, Фига положил ладони на стол. Он начал было говорить что-то, отвернулся, а затем, должно быть, подумал: «И хрен бы с ним», потому что решил и сказал:

– Ты белый.

– И что?

– Вот как? Это твой ответ? «И что»?

– Это не ответ – это вопрос.

Фига кивнул, показывая, что сыт по горло, что с него хватит.

– Забудь.

– Я не хочу забывать. Я хочу об этом говорить.

– Нет, ты *не хочешь* об этом говорить. Черт, я сам не хочу об этом говорить. Я предпочел бы жить в мире, где не нужно говорить об этом, думать об этом, *сталкиваться* с этим. Но я также хотел бы есть мороженое каждый день и чтобы мой пот пах свежим бельем... В общем, проехали.

Увидев, что Фига настроен серьезно, Нейт поднял руки, признавая свое поражение.

– Ладно. Как скажешь.

– Знаешь что? – вдруг презрительно фыркнул Фига. – Мне тоже все надоело. – Звякнув металлом, он схватил со стола связку ключей. – Хочешь чем-нибудь заняться? Могу предложить. У тебя теперь форма, так что давай по-настоящему. Поедем на патрулирование.

– Чем мы будем заниматься?

– Не знаю, Нейт. Проблемами с рыбой и зверями.

– Например, камбала управляет машиной в нетрезвом состоянии? Олень организовал незаконный игорный притон?

– Отлично, вижу, ты человек веселый. – Судя по тому, как Фига это произнес, он не видел в этом ничего отличного. Ткнул в дверь указательным пальцем. – Просто выходи на улицу и залезай в «Бронко»¹⁵. Я заскочу к начальству. Встречаемся у машины.

¹⁵ «Бронко» – марка внедорожников автокомпании «Форд».

9. Стук игральных костей

Оливеру казалось, будто он тонет.

Школа, в которой он учился раньше, была маленькая. Всего по одному классу на год обучения. Но здесь, в средней школе Верхнего Бакса – СШВБ, – параллели из трех классов. Общее количество учащихся – полторы тысячи человек.

И Оливер не знал ни одного из них.

Конечно, кое с кем он встречался. Скоро ведь уже должен был начаться октябрь. Оливер знал *имена* своих одноклассников; с кем-то он вместе делал лабораторную по химии, с кем-то читал стихи Эмили Дикинсон¹⁶. Но и только. Оливер оставался никем. Все остальные знали друг друга. У всех были друзья. У него же не было никого. Хуже того, стоя в коридоре, Оливер порой вспоминал один из последних своих дней в школе Растина, когда устроили учебную тревогу – то, как он рухнул на пол, всхлипывая, словно глупый малыш. Как надул в штаны. Быть может, здесь уже слышали об этом. Может, все здесь уже знали про него.

Оливера захлестнула паника.

Но тут у него в голове прозвучал голос доктора Нахид: «Давай-ка раздобудем тебе друзей». Тогда она сказала ему,

¹⁶ Эмили Элизабет Дикинсон (1830–1886) – великая американская поэтесса-новатор, масштабы и значимость чьего творчества были открыты только после ее смерти.

что это все равно что наткнуться в лесу на змею: она испугается тебя сильнее, чем ты испугаешься ее. Психотерапевт объяснила, что новенький чувствует себя одиноким и чуждым, однако на самом деле он представляет собой загадку. Но это означает, что он сам должен сделать первый шаг: подойти к кому-нибудь, представиться и посмотреть, что будет дальше.

Она сказала: «Выбери кого-нибудь, кто, как ты полагаешь, тебе понравится. И ничего страшного, если вы в конечном счете так и не подружитесь».

Оливер определился.

* * *

Обеденный перерыв.

Толкая Оливера локтями, ученики спешили в столовую. Их голоса образовывали сплошной невнятный гул.

И снова это ощущение нахождения в толпе, но в то же время в полном одиночестве. Снова нежный черный океан подростковой боли.

Оливер стоял с подносом в руке. Обедать он вряд ли будет, поскольку желудок завязался в тугий комок.

Прямо перед ним был столик.

Они играли в «Подземелья и драконы»¹⁷ каждый день за

¹⁷ «Подземелья и драконы» – популярная настольная фэнтези-игра.

обедом.

Два мальчишки, две девчонки. Рядом с подносами – игровые карты. Стук игральных костей.

Рядом с одним мальчиком стоял свободный стул.

Как-то незаметно для себя Олли встал позади этого стула.

– Можно... – Господи, неужели он способен только жалобно пищать? Оливер кашлянул. – Привет... это... ну... вы не против, если я к вам подсяду?

Все четверо обернулись на него.

Недовольные взгляды.

Наконец мальчишка рядом с ним, толстячок-коротышка в сером, похожий на мокрицу, кивнул:

– Мы уже давно играем.

– Да нет, я понимаю; я ведь хочу присесть, чтоб посмотреть.

Все четверо переглянулись. Одна девица, азиатка с коротко остриженными волосами в футболке с мультяшной кошечкой, посмотрела на него как на какую-то очаровательную загадку и, отправив в рот горсть чипсов, принялась жевать.

– Умешь? – спросила она с набитым ртом.

– Да. – Оливер снова вопросительно посмотрел на свободный стул.

Все четверо снова переглянулись, и парень в конце стола, коренастый негр с сонным взглядом и копной волос, кивнул.

– Конечно, садись, – сказал он.

Оливер определил, что это МП. Мастер подземелья, ко-

торый ведет игру и повествование. Перед ним лежала потрепанная папка с несколькими листами бумаги внутри. Своей игровой карты у него не было.

Оливер сел.

– Меня зовут Олли, – сказал он.

И тут словно лопнул неподатливый мыльный пузырь. Остальные назвали себя.

Мокрица оказалась Стивеном Рабелом.

Футболку с кошечкой звали Хина Хирота.

МП – Калеб Райт.

И последней была Чесапик Локвуд, она же Чесси. Девушка со светлыми вьющимися волосами, на зубах брекететы.

Склонившись к Оливеру, Чесси спросила чуть ли не заговорщицким тоном:

– А у тебя какой персонаж?

– Когда я играл в прошлый раз, у меня был Дракониий Чернокнижник... – ответил Олли.

– Фу! – презрительно фыркнул Стивен.

– А что тут такого? – спросил Олли.

– Ну это же... это же слишком очевидно!

– И это говорит тот, кто играет Разбойником-тифлингом, у которого в истории значится: «сирота, жаждущий отмщения», – заметила Хина.

– За-а-аткнись! – огрызнулся Стивен. Из всех четверых его боль была самой черной: она дергалась, словно ворон с перебитым крылом.

– Не-ет, дружище. – Калёб покачал головой. – Драконый Чернокнижник – это супер. У него есть Дьявольский Взор и Мрак, ну, сам знаешь. Это замечательно.

– Калёб предпочитает техническую сторону, – объяснила Хина, облизывая пальцы после чипсов. – А меня больше интересует сюжет. Мой персонаж – Гномесса-бард по имени Эсмеральда Мелькающие Пальцы, и она играет на валокорде.

– Валокорд – это из «Звездных войн», – заметил Стивен. – Но когда Хина начинала играть, она этого еще не знала...

Ему в голову попал метко брошенный чипс.

– Не умничай, долбаная черепаха! – прошипела Хина.

– Ну да, точно, – сказал Калёб. – Какой отстой. Кстати, – протестующим тоном добавил он, – я ведь МП, понятно? Меня интересует сюжет. Это я придумал Ардуинию. Так что не надо поливать все грязью.

Пожав плечами, Хина продолжала:

– Итак! Эсмеральда дочь знаменитой гномессы-изобретательницы – отец ее неизвестен, и, *возможно*, его не существует, поскольку я считаю, что ее происхождение – ну, что ли, магическое. Как бы там ни было. Главное – то, что эти мелочи меня не волнуют; меня интересует только то, что Эсмеральда со своей драконокошкой Вонючкой переживают классные приключения на просторах Ардуинии и находят настоящую любовь...

Все рассмеялись.

И вот так все вдруг снова занялись игрой. Карты на столе, кости катаются, называется очередность ходов, чудовищные русалки-вампиры осаждают пиратский корабль, захваченный персонажами. Олли еще продолжал сомневаться, но...

Может быть – может быть...

Он нашел своих друзей.

Черт возьми, доктор Нахид была права.

Это так здорово!

И так продолжалось до тех пор, пока на стол не упала тень. Высокий широкоплечий парень в сёрферской футболке встал у Стивена за спиной и положил здоровенные ручки на спинку стула, затем схватил Рабела за плечи с такой силой, что тот вздрогнул от боли.

Оливер его знал, по крайней мере слышал о нем: Грэм Лайонз. Он был в бейсбольной команде – а бейсбол в этой школе значил очень много. Гораздо больше футбола или легкой атлетики.

Все смотрели на Грэма, а Стивен пытался – тщетно – высвободиться. И Грэм был не один: к нему подошел качок, похожий на итальянца – на голове короткий «ежик», брови как следы от жирного черного маркера на чересчур загорелом лбу, скрещенные на груди руки подобны двум корабельным орудиям, направленным в противоположные стороны. В Грэме Лайонзе была боль, глубокий колодец внутри. Ну а второй тип, верзила? Боль струилась по нему – целая кровеносная система злости, отчаяния и страданий.

– Ты только взгляни на этих задротов, – сказал Качок. Боль у него внутри откликнулась так, словно по ней пропустили электрический разряд.

– Кретины, чем это вы тут занимаетесь? – спросил Грэм Лайонз.

– Слушай, отстань, – сказал Кaleb. – Мы играем, отвали!

– Отвали? Отвали? – притворился обиженным и оскорбленным Грэм. – Ого, Кaleb, мне больно. Мы ведь были ко-решами.

– Ага, точно, в пятом классе. А потом ты превратился в скотину.

– Клянись, ты сильно обижаешь мои чувства!

И тут Стивен вставил, негромко, но его все равно все услышали:

– У тебя нет *никаких* чувств, Грэм...

Казалось, щелкнули тумблером. Рванув вперед, Качок на-гнулся к Стивену так, что их носы оказались в волоске друг от друга. Мрак у него внутри забурлил.

– Что ты сказал, твою мать? Ах ты гребаный козлице! Долбаный жирдяй, тюфяк с дерьмом...

Грэм положил руку ему на плечо, успокаивая его.

– Эй, Алекс, все в порядке. Как сказал Кaleb, они просто играют. Что это у вас тут за игра? «Подземелья и драконы»? По-моему, это для полных придурков, а?

Неожиданно для себя Олли подал голос:

– Вообще-то, это классная игра.

Товарищи в панике посмотрели на него. Они буквально светились страхом, подобным пульсирующему огню, пробивающемуся сквозь густой туман.

Словно хотели сказать: «О нет!»

Словно хотели сказать: «Не нужно тебе было раскрывать рот!»

– Что ты сказал? – резко спросил Грэм.

– Я сказал, что это классная игра. «Подземелья и драконы»... вовсе не для полных придурков. Она... ну, в нее играют знаменитости. В Лос-Анджелесе это последний писк. Многие актеры и писатели...

– Здесь не Лос-Анджелес. Ты новенький, да? Значит, ты оттуда, из Эл-Эй?

– Грэм, оставь его в покое, – вмешалась Чесси.

– Заткнись, Чесси! Напрасно ты связалась с этой безмозглой мелюзгой. Пусть ответит новенький.

– Я из Филадельфии.

– Ого, крутой парень из Филли. – Грэм попытался изобразить филадельфийский говор: – Фильдельфья, проссо прелессь!

– Я не крутой и без акцента. Я просто...

– Ага. Как скажешь. Дай-ка посмотреть, что тут...

Перевесившись через плечо Оливера, Грэм потянулся к карте Хины.

– Эй! – воскликнула та, но было уже слишком поздно – Грэм завладел ее картой.

Отдергивая руку, он ударил локтем прямо в глаз Оливеру. Тук! В темноте за непроизвольно закрытым веком Олли увидел вспышку сверхновой. Вскрикнув, он резко двинул стул назад...

Но стул встретил какое-то сопротивление. Он не просто воткнулся Грэму в пах – Олли почувствовал еще что-то. Легкую вибрацию чего-то хрупнувшего.

Внезапно Грэм завопил, отпрянув к столу у него за спиной. Тряся рукой, он извергал ругательства, словно ему только что прищемили палец дверью.

– Твою мать, твою мать, *твою мать!* Срань! Мой долбаный палец! Этот козел херанул мне по пальцу, твою мать!

И тут все взорвалось.

Наступил полный хаос – Алекс набросился на Оливера, сдернул его со стула и с силой швырнул на стол. Кости раскатились в стороны. Алекс занес кулак, *огромный* кулачище, грозящий обрушиться Оливеру на лицо подобно метеору, но тут кто-то схватил его, оттаскивая назад, – Калёб. Раздался свисток. Топот ног и крики. Алекс оторвал Оливера от стола, и чья-то нога в кроссовке вонзилась ему в пах, выбивая воздух. Оливер постарался сдержать приступ тошноты, подспели учителя, и то, что только-только началось, уже закончилось.

По крайней мере, так решил Олли.

10. Выпиленная сова

Мэдди купила себе долбаную цепную пилу. «Штиль-192».

Очень легкую. Очень удобную. С короткой черной направляющей шиной¹⁸. С антивибрационной системой. А еще – вот дерьмо-то – пила обошлась ей в четыреста долларов.

С деньгами было туго – ну хорошо, за дом они заплатили один доллар, но затраты на переезд, потом еще пришлось купить кое-какую новую мебель, и, о да, через неделю предстояла первая налоговая выплата, – но пила была нужна для искусства. Это ее *работа*. И Мэдди знала, что для работы ей нужна эта пила.

Пила пела, словно ангел со стальными зубами.

Мэдди тоже запела.

– Люблю тебя, бензопила! – нараспев произнесла она, прежде чем положить пилу в машину и отвезти домой. *Накормить*.

И как же она ела!

Мэдди нашла поваленное дерево, еще не гнилое, судя по виду, упавшее этой весной или летом. Своей новенькой пилой она отпилила от ствола чурбан – вжжжик, вжжжик, как разрезать свежую булочку, – и откатила его в сторону. Потом поработала с пнем, сделав из него ровную рабочую поверх-

¹⁸ Направляющая (или пильная) шина – полотно бензопилы, по которому движется режущая цепь.

ность, и с добрым старым «раз-два, взяли!» установила отпиленный чурбан на материнское основание. (Что вдруг показалось мрачной шуткой – вроде как протянуть труп его же отрубленную руку – «не поддержишь секундочку?»)

Установив чурбан на импровизированную подставку, Мэдди снова завела бензопилу. Вибрация передалась костям рук.

И она принялась пилить.

Мэдди взялась за работу, не имея никакого представления о том, что хочет сотворить. Иногда сначала возникал замысел – желание сделать что-то определенное. Но гораздо чаще процесс творчества оказывался не выражением устремлений Мэдди, а, скорее, *археологическими раскопками*: задачей художника было просто отыскать то, что пытался спрятать материал. И извлечь это на поверхность, чтобы все увидели.

Или, как в случае Мэдди, выпустить на свободу заточенную внутри душу.

Потому что именно это она ощущала. Будто что-то *освобождает*. Что именно, она не знала. Ей не было до этого дела. Она просто работала и работала, пропилил здесь, углубление там, повернуть пилу, провести в сторону, вглубь – и получалось все быстрее и быстрее, у нее начали неметь руки, мысли в голове закикливались, острые зубья цепи забрызгивали опилками защитные очки, и вот уже появилось что-то...

Два заостренных уха...

Глубоко запавшие глаза под мстительно нахмуренными бровями...

Лапы, когти, вцепившиеся в основание...

Крылья, клюв – *сова*, вот что это было, Мэдди обнаружила в чурбане сову – стружки и опилки летели в стороны, пила рычала, вгрызаясь в дерево, обозначая перья, придавая форму крыльям, все быстрее и быстрее *освобождая* сову...

Мэдди полностью отдалась работе. Работа захлестнула ее ревом крови в ушах, подобным реву надвигающегося потопы.

11. Круги, осечка и неуместный запах торта «Муравейник»

В пикапе Фиги царил адский бардак. Повсюду какие-то бумаги и упаковки от продуктов. На заднем сиденье – ящик с инструментом. Тут и там смятые стаканчики из-под кофе. И бутылки с содовой – нет, погодите, не с содовой. С комбучей¹⁹.

– Ты пьешь комбучу? – удивленно спросил Нейт.

– Пью.

– Моя жена Мэдди тоже иногда пьет. На мой взгляд, это похоже на помои с плавающим на поверхности капустным салатом.

– Это сам гриб. Материнская культура, симбиоз дрожжей и бактерий.

– И ты это пьешь?

– Пью.

– Неужели вкусно?

– Замечательно, просто не нужно ни о чем задумываться, – отрезал Фига. Пикап гроыхал по петляющей проселочной дороге. Склоны холмов были усеяны старыми фермами. Впереди начиналось Черное ущелье, через которое

¹⁹ Комбуча – ошибочно заимствованное из японского западное название напитка, получаемого при помощи чайного гриба.

был перекинут мост. Фига свернул на узкую дорогу.

– Если честно, вкус у чайного гриба как у наэлектризованной мочи, – вздохнув, сказал он.

– Хорошее сравнение.

– Я не знаю, как еще это описать. В нем газы, привкус уксуса. Гадость страшная... Ну а культура... – Фига скорчил такую гримасу, словно лизнул кошачью задницу. – Упаси господи!

– Так какого же черта ты это пьешь?

– Моя жена Зои, она заставляет. Хочет, чтоб был здоровым.

– Должен сказать, этот пикап не помогает тебе выглядеть здоровым.

– Не придирайся, черт! Моя машина частенько служит мне офисом, и тут уж приходится выворачиваться. – Он указал на бардачок. – Там протеиновые батончики, орешки и все такое. И бутылка малиновой комбучи, если хочешь.

– Я уж лучше воду из лужи... Разве ты сам не сказал мне, что на вкус это моча?

– Наэлектризованная. – Фига пожал плечами. – Заряжает меня энергией.

– Спасибо, я все-таки предпочту кофе.

Пикап проехал по старому красному крытому мосту, краска на котором шелушилась длинными буклями. Внутри было настоящее царство пауков – перекрытия были затянуты сплошной сетью паутины. Колеса пикапа застучали по

неровным доскам, рессоры плохо справились с толчками – у Нейта заклацали зубы.

Выехав с противоположной стороны, пикап повернул на север, на Ленапи-роуд, ведущую мимо парка Рэмбл-Рокс к старому каменному железнодорожному тоннелю. Тоннель не использовался с сороковых годов прошлого века, и рельсы уже давно убрали. Теперь тоннель входил в состав парка: по нему проложили освещенную тропу для бега. Однако это относительно недавно, а раньше тут было темно и никакой тропы, все заросшее. Что только усиливало впечатление от историй, которые рассказывали про этот тоннель.

Нейт вспомнил рассказы о том, что в тоннеле обитают привидения, что в тридцатые годы проводник услышал, как его окликнули по имени, и высунулся в окно. Но только он не знал, что один камень отошел от стены. Здоровенный, он по-прежнему был там, по-прежнему торчал из стены. Проводник высунулся как раз так, чтобы налететь на камень, – и ему оторвало голову. Голова отлетела. Поезд поехал дальше.

Тоннель стал местом притяжения смельчаков. Мальчишки утверждали, что, если зайти в тоннель в полночь, можно услышать свисток паровоза, и если не пробежать полмили в кромешной темноте со всей быстротой, появится обезглавленный проводник на поезде-призраке и...

Ту-ту, тыдым-тыдым...

Оторвет и тебе голову.

Но, как и во всех прочих случаях, Нейта будоражили не

страшилки, потому что, как правило, истории из реальной жизни гораздо страшнее выдуманных. И страшилки являлись лишь средством бежать от правды.

А правда была следующая: у детей постарше для тоннеля было другое название – они называли его «тоннелем убийств».

И все благодаря убийце по имени Эдмунд Уокер Риз. Когда Нейт был мальчишкой, Риз убил в парке четырех девочек. Прибил гвоздями к деревьям (использував, как говорили, по девяносто девять гвоздей на каждую), после чего прикончил киркой. Все говорили, что он убил девочек в тоннеле, что не соответствовало действительности, – судя по всему, Риз схватил здесь только одну из девочек, самую первую, когда та срезала дорогу через тоннель, возвращаясь домой. Однако подобным рассказам свойственно вливаться в людей намертво, правда они или нет, и постепенно стало «общеизвестным» то, что все четыре были убиты в тоннеле.

Посему он стал «тоннелем смерти».

Эдмунда Риза поймали после того, как пятой удалось бежать. За эти преступления власти штата отправили его на электрический стул, но даже после его смерти рассказы продолжали ходить.

И люди этим пользовались. Нейт хорошо помнил один дерьмовый случай: Дейв Джекоби заявил, что оттащит в тоннель Сьюзен Пуласки, девушку, с которой встречался, и прикончит ее там за то, что она ему «не дает». Нейт присутство-

вал при том, как подонок сказал ей это в школе на перемене. Даже сейчас у него в ушах стоял свиной визгливый голос Джекоби. А тогда Нейт стиснул кулак и хорошенько врезал мерзавцу в пятак. Брызнула кровь, словно у бедолаги там была припрятана пара пакетиков с кетчупом.

(Нейт также помнил, как Сьюзен хорошенько врезала ублюдку ногой по яйцам, когда тот лежал на полу, что доставило дополнительное удовольствие.)

За тот случай Нейта смешали с дерьмом. Но дело того стоило.

– Ты живешь в здешних местах, да? – спросил Фига, прерывая воспоминания Нейта, заново переживающего сладостный хруст носа Дейва Джекоби под своим кулаком. Судя по всему, Фига заглянул в его личное дело.

– Точно. На той стороне Рэмбл-Рокс.

– Это всего в паре минут отсюда. Ты в детстве жил рядом с парком?

– Да. – «И теперь опять живу здесь», – мрачно подумал Нейт.

– Ты жил здесь, когда...

– Когда Риз совершал убийства? Да.

– Жуткая история. Ты слышал, что говорили о нем. – Фига посмотрел на него. Многозначительно, словно констатируя: «Да, ты все знаешь».

– Хочешь сказать, о его казни.

– Я вырос совсем в других краях, и то слышал об этом.

Говорили следующее: Эдмунд Уокер Риз сидел на электрическом стуле – последний, кого казнили таким образом в Пенсильвании, прежде чем перейти на смертельную инъекцию. Щелкнул рубильник. Риз вспыхнул, словно протонный заряд в «Охотниках за привидениями»²⁰, но затем...

Пшик! Он исчез. Остались только обугленные следы на стуле и запах...

– Торты «Муравейник»²¹, – сказал Фига, отрывая руки от рулевого колеса. – Очень странная деталь.

– Позволь испортить тебе впечатление от этой легенды, – сказал Нейт. – Мой отец служил охранником в тюрьме Блэкледж, когда Риза приговорили к «вышке». И даю тебе слово: он умер на том стуле.

– Твой отец так сказал?

– Да. – «В тот единственный раз, когда я взял себя за яйца и спросил у него об этом», – мысленно добавил Нейт. Еще один день, стоящий особняком в памяти. Случилось это через год или два после того, как Эдмунда Риза поджарили. Отец возился у себя в комнате с удочками и приманкой – на самом деле на рыбалку он никогда не ходил, но много гово-

²⁰ «Охотники за привидениями» – серия фильмов, мультсериалов, комиксов, видеоигр и прочей продукции, где главными героями выступают члены небольшого отряда по борьбе с паранормальным злом, использующие спецоружие, частью которого являются протонные пушки, подключенные к зарядным ранцам.

²¹ Торт «Муравейник» в том виде, в котором он известен нам, появился именно в Пенсильвании, где немецкие колонисты модифицировали более ранние рецепты.

рил о ней. История о том, как Риз не умер на стуле, а просто бесследно исчез, дошла до школы, и Нейт, услышав ее, понял, что должен спросить у отца. Поэтому он собрался с духом – Карла Грейвза нельзя отвлекать, когда тот занят, а он, похоже, всегда был занят (даже если «занят» означало лишь то, что он пил виски). Но Нейт испытывал жгучую потребность узнать правду, просто чтобы рассказать в школе, какой это на самом деле полный бред. Поэтому он спросил. И тогда Карл повернулся к нему и прищурился, с тлеющим окурком в одной руке и блесной в другой.

Нейт поспешно выпалил вопрос, однако Карл долго его обжевывал.

– Эта история – полная чушь, – наконец сказал старик. – Риз умер на том самом стуле. И уж ты-то должен понимать.

На какое-то мгновение Нейту стало хорошо от сознания того, что он был прав.

– А я и понял, – сказал он, не для того чтобы поспорить, не для того чтобы сумничать, а потому что был горд собой и хотел, чтобы отец также гордился им. Нейт уже собирался произнести: «Я так и сказал ребятам, что это выдумка», – но тут его голова дернулась в сторону от хорошей затрещины, отвешенной отцом. Ему показалось, будто его ударили толстенной книгой. Он ощутил привкус крови из рассеченной губы.

– Того, что ты понимаешь, не хватит, чтобы заполнить малявкину пинетку, – прошипел отец, обдав Нейта зловонным

дыханием. – Ты знаешь, что происходит в этой тюрьме, что я вижу там, что мне приходится *делать*?..

– Папа, я... – всхлипнул Нейт, чувствуя, как наворачиваются слезы.

Старик снова занес руку, но вместо того, чтобы ударить, сказал Нейту убираться прочь. Что тот и сделал. Поджав хвост, поспешно выскочил не только из отцовской комнаты, но и из дома. Он бежал, пытаясь сморгнуть слезы, гоня прочь мысль о том, что в горле застрял мерзкий комок стыда, злости и обиды. Ему было тогда двенадцать лет.

Однако ничего этого Фиге Нейт не рассказал. Он только повторил – нет, ничего этого не было.

– Значит, просто бред сивой кобылы, – сказал Фига.

– Точно.

– Пожалуй, хорошо, что я это узнал, – задумчиво промолвил Фига. – И все же, знаешь, это, конечно, облом, да? Как будто мир лишился капельки волшебства.

– В мире нет никакого волшебства, Фига. И найди утешение в том, что Риз поджарился до корочки за то, что сделал с этими...

Нейт уже собирался сказать «девочками», но как раз в этот момент Фига, свернув на Батчерс-роуд, резко нажал на тормоз, и ему пришлось напрячься, чтобы не налететь на приборную панель.

– Фига, какого черта...

Но он быстро понял и без объяснений Фиги, в чем дело.

Прямо посреди дороги стоял белохвостый олень. Самец. Нейт сразу же сообразил, что животное больно. С развесистых шестиконечных рогов свисали полоски окровавленной красной плоти – хотя в этом, как он успел узнать, не было ничего из ряда вон выходящего. Лишь слезающая мягкая шкура. Сейчас, конечно, уже поздновато – в начале сентября самцы оленей трутся пантами²² о деревья, сдирая бархат. Нет, больной вид оленю придавали мутные слезящиеся глаза, повисшая вниз голова и струйка слюны, стекающая по длинной морде и толстой шее. К тому же животное было очень худым: сквозь шкуру проступали очертания ребер.

Спотыкаясь, олень бродил по кругу. От одного края дороги к другому он кружил вокруг невидимого центра, и Нейт, несмотря на жаркий день, ощутил пугающую холодную дрожь – потому что, естественно, его мысли вернулись к тем муравьям у Олли в комнате. Кружившим вокруг дохлой мыши.

Нейт понимал, что одно никак не связано с другим.

(И все же...)

Фига медленно выбрался из машины. Нейт последовал за ним, не зная, есть ли какой-либо установленный порядок действий в таких случаях, с которым он еще не знаком. Фига уже расстегнул кобуру.

²² Панты – оленьи рога в период формирования, не достигшие полного ороговения; собственно, именно слезание шкуры, называемой бархатом, – последний этап на пути превращения пантов в рога.

Олень, похоже, не замечал их присутствия. Он продолжал ковылять по орбите, пуская пенные слюны.

– Нужно соблюдать осторожность, – сказал Нейт. – С этим оленем явно что-то не в порядке.

Фига кивнул. Тихим голосом – тише, чем говорил Нейт, – он сказал:

– Вероятно, ТГЭ. – Нейт бросил на него вопросительный взгляд, красноречиво говорящий: «Это еще что за хрень?», и Фига расшифровал аббревиатуру: – Трансмиссионная губчатая энцефалопатия. Еще их называют оленями-зомби. Хотя, конечно, на самом деле это не зомби. Но с головной проблемы. Прионное²³ заболевание вроде коровьего бешенства.

– И что будем делать?

Фига осторожно достал из кобуры «Глок».

– А вот что.

Кивнув, Нейт тоже расстегнул кобуру, однако доставать пистолет пока что не стал.

– Олень движется медленно. Ты сможешь сделать прицельный выстрел.

– Ветеринар, возможно, захочет получить головной мозг, так что я буду стрелять в легкое. Вышибу из него дыхание и повалю.

Фига приготовился стрелять, и Нейт сразу же понял, что

²³ Прионы – аномальные патогенные белковые структуры (согласно наиболее распространенной гипотезе), поражающие нервную систему смертельными заболеваниями.

стреляет он нечасто. Фига накрыл одним большим пальцем другой, что легче для новичков, но обеспечивает меньший контроль над оружием, чем неперекрещенные пальцы. Фига сделал несколько неглубоких вдохов и выдохов, однако руки у него слегка дрожали.

– Все в порядке, – успокоил его Нейт. – Не волнуйся. Не торопись. Ну вот, он опять приближается.

И действительно, доковыляв до обочины, олень стал возвращаться обратно, по-прежнему не замечая присутствия людей.

– Он подставляет тебе бок – целься и...

Бах!

Пистолет дернулся у Фиги в руке. Олень отшатнулся на полшага и остановился. На шкуре у него распустился бутон пулевого отверстия. Потекла струйка темной крови. У Нейта в ушах звенело от выстрела.

Олень мотнул головой в сторону Фиги и затрубил, как обычный олень, издающий предостерегающий звук, однако его крик был наполнен влажным бульканьем. Из носа вырвалась красная пеннистая слизь.

– Похоже, он даже не почувствовал, – поспешно произнес Нейт. – Стреляй еще, Фига!

Фига нажал на спусковой крючок...

Однако пистолет не выстрелил. Вместо этого затвор застрял на половине пути – и теперь Нейт сообразил, что не видел, как после первого выстрела вылетела стреляная гиль-

за. Не услышал звона от ее падения.

Произошла осечка.

Ах ты ж!..

Олень опустил голову. Из рта у него вырвался новый красный пенистый крик. Он ударил черным копытом по асфальту.

– Нейт!.. – пробормотал Фига, и в его голосе прозвучала паника. Он попятился назад, к машине, и попытался передернуть затвор – чего делать было ни в коем случае нельзя, стало только еще хуже. Фига попытался выстрелить еще раз, но оружие не откликлось.

Олень устремился вперед. Ему потребовалось бы всего три больших шага, чтобы пригвоздить Фигу к борту пикапа...

Бах!

Пуля, выпущенная из «Глока» Нейта, вошла животному в один глаз и вышла из другого. На мгновение в воздухе повис алый туман, но олень уже рухнул на землю и проехал по инерции вперед, оставив на асфальте красный смазанный след. Под ним быстро натекла лужица крови. Фига прижился к переднему бамперу машины. Казалось, он был готов забраться на капот, спасаясь от обезумевшего животного.

– Господи, твою мать... – пробормотал Фига.

Опустив «Глок», Нейт убрал его в кобуру.

– У тебя не извлеклась стреляная гильза. С «Глоками» такое бывает. И гильзу нельзя извлечь, просто передернув за-

твор. Извини, что не пришел тебе на выручку быстрее.

– Быстрее? Нейт, черт!.. Да меня чуть не прикололи к машине, словно объявление к доске! То, что я смогу снова выпить, не рискуя тут же вернуть все назад, как дуршлаг, намекает, что ты действовал достаточно быстро, так что спасибо!

Нейт подошел к своему напарнику, и они посмотрели на убитое животное. Язык оленя бесцеремонно вывалился изо рта.

И тут морда пошевелилась.

– Твою мать! – пробормотал Фига, отступая на полшага назад.

Морда задрожала, разбухла...

Одна ноздря оленя раскрылась, и показалось что-то влажное и липкое – жирный червь размером чуть ли не с мизинец Нейта, твою мать, выполз из носа животного и плюхнулся на землю. Но у него были друзья. Один за другим черви протискивались из ноздри и присоединялись к своим собратьям, вытянувшимся в линию на асфальте.

– Полагаю, носоглоточный овод, – поморщился от отвращения Фига. – Личинки.

– Какая мерзость! – сказал Нейт. – Может, именно из-за них олень и спятил? Я хочу сказать, если б у меня в голове жило столько червей, я бы определенно свихнулся.

– Нет, мозг они не трогают.

Как раз в этот момент последний червь выбрался из черной влажной ноздри и встал в когорту.

На глазах у егерей колонна личинок дюйм за дюймом до-ползла до середины дороги. Там первый начал поворачивать – с прямой линии на круговой путь. Остальные последовали за ним. «Совсем как муравьи, – в ужасе подумал Нейт. – Как олень!» Похоже, Фига этого не заметил. Сев в машину, он взял телефон.

Нейт остался стоять на дороге, уставившись на процессию червей, и тут у него самого зазвонил телефон.

Звонили из школы Олли.

12. Расстройство памяти

Темноту отдернули, словно шторы с окна, и свет оказался ярким и резким. Мэдди открыла глаза.

Подавшись вперед, она села и услышала звуки окружающего леса: стрекот цикад и сверчков и свару пересмешников. Бензопила лежала рядом на земле. Мэдди потрогала ее. Двигатель был холодным.

«Сколько времени я провела в отключке?»

Мэдди повернулась к скульптуре, к вырезанной ею сове и...

Совы не было.

Исчезла. Вжух – как будто ее никогда не существовало.

Следы работы были повсюду: выпиленные из дерева треугольники, а также россыпь щепок, стружки и опилок. Повсюду вокруг, словно защитный круг. Значит, она это не придумала. Не пригрезилось. Она *действительно* что-то здесь сделала. Мэдди лихорадочно старалась восстановить детали, проникнуть в темноту, чтобы найти зацепки, – однако в тумане и мраке не было ничего, кроме одного-единственного воспоминания, даже не цельного, а лишь намек.

«Такое ведь произошло со мной не впервые, правда?»

Мэдди это чувствовала. Сердцем. Но у нее не было никаких воспоминаний о предыдущих случаях отключки – только сумасшедшая убежденность в том, что нет, не впервые

она начисто забыла о том, как что-то делала.

Твою мать, твою мать, твою мать!

Во рту у Мэдди стоял странный привкус. Как будто она переела ананасов – жуткий кислый ожог, что-то едкое и пригорно-сладкое, но в то же время металлическое. Кровавый привкус нержавеющей стали. Откуда-то неподалеку донесся звук – гудение. Не пила, а, скорее, осы в стене...

«Это мой телефон», – сообразила Мэдди. Телефон, вибрирующий на соседнем камне.

Мэдди поднялась на ноги, нетвердой походкой приблизилась к камню и схватила телефон. И сразу же увидела массу пришедших сообщений и пропущенных вызовов. Звонки из школы. Звонки и сообщения от Нейта. Последнее сообщение от Нейта: «Олли подрался, ты где, черт возьми?»

«Твою мать, что произошло?

Где я, на хрен, была?»

И, самое непонятное, куда пропала вырезанная сова?

13. Непрерывные черепахи²⁴

Оливер сидел у двери в кабинет директора школы. За спиной бетонная стена. Рядом с ним сидел Калев Райт.

– Тебе нужно бы что-нибудь приложить, – сказал Калев.

Осторожно прикоснувшись к нежному кольцу боли вокруг глаза, Оливер поморщился.

– Да. – Он помолчал. – И спасибо, что вмешался.

– А ну их на хрен, этих долбанных ублюдков! Богатенькие козлы!

– Я заметил, их с нами нет.

– Точно. Вот как прикольно все обернулось...

Они уже давно сидели здесь. Дерущихся разняла учительница физкультуры – большая крепкая миссис Норкросс, – и не успел Олли опомниться, как всех их уже препроводили к кабинету директора. Первыми туда зашли два вышеупомянутых козла, Грэм Лайонз и Алекс Амати. Вышли они из кабинета ухмыляющиеся, искоса бросив на Оливера и Калеба такие острые взгляды, что ими можно было бы разрезать ар-

²⁴ Название главы обыгрывает английскую идиому «turtles all the way down», направленную против бесконечного регресса в суждениях (вроде соображения о невозможности решить псевдопроблему «что было раньше, курица или яйцо») и происходящую из популярной сатирической зарисовки о человеке, который убежден, что мир покоится на гигантской черепахе: будучи спрошенным, на чем же покоится сама черепаха, он предполагает, что на другой черепахе, и в конце концов говорит о непрерывной цепи черепах.

терию. Оливер обратил внимание на то, что Грэм прижимал левую руку к груди – делая вид, будто все в порядке, будто ему не больно, однако с пальцем у него явно было что-то не так. Как будто его выгнули не в ту сторону, да так и оставили.

Оливер чувствовал себя плохо. Несмотря на все, он чувствовал себя плохо. («Мое обычное состояние», – угрюмо думал Олли.) Он едва не окликнул Грэма и Алекса, чтобы извиниться перед ними, но не смог собраться с духом. А потом они ушли.

Тем временем Калебу и Оливеру сообщили, что их родителей вызывают в школу. Замечательно.

– Грэма Лайонза я знаю, – сказал Оливер. – А второй кто?

– Алекс Амати. Богатенький мерзавец. Играют в бейсбол оба. В Центральном Баксе футбольная команда, но мы в Верхнем не потянули, поэтому у нас бейсбол, и эти двое в команде звезды первой величины... что, по-видимому, делает из них особ королевской крови, твою мать.

– Вот как.

– Таких лучше не иметь в числе своих врагов.

– Да уж, пожалуй.

– Классное впечатление мы произвели, – рассмеялся Калеб.

Оливер тоже улыбнулся. Это было смешно. Отчасти.

– Да, приятель, – продолжал Калеб, – если тебе нужно с кем-то играть, мы тебя приглашаем. Обычно собираемся по субботам. У нас не только «Подземелья и драконы» – в нее

мы играем лишь за обедом. Иногда рубимся в «Звездные войны» или еще во что-нибудь из настолок: «Зону сумрака», «Предательство в Доме на холме», бывает, «Кузницу богов». А когда нам эти надоедают, мы посылаем все на хрен и играем в «Магию».

– Спасибо! Просто чудесно! Я люблю все эти игры.

– В этой долбаной школе, в этом долбаном мире всем нам не обойтись без друзей, вот что я скажу.

«У меня есть друг!» – мысленно повторял Оливер снова и снова, всеми силами стараясь не выпустить восторг на лицо, чтобы не выглядеть придурком. Однако торжество прорывалось на поверхность. Оливеру страстно захотелось поделиться этой новостью с доктором Нахид.

Посему он просто кивнул, когда Калев предложил ему стукнуться кулаками, и не рассыпался на части, стучаясь.

– Олли!

Обернувшись, он увидел...

Своего отца.

Папа смотрел на него. Вид у него был разъяренный. Как у быка, увидевшего красную тряпку.

– Это твой предок? – спросил вполголоса Калев.

– Да-а-а-а-а...

– Черт, чувак, считай себя покойником.

Они с отцом сидели напротив директора Майерс, грузной женщины с пышной копной волос рыжего цвета, который лучше всего описать «как у кота Гарфилда».

Папа молчал как истукан.

Черт!

«Он злится на меня».

– Ваш сын сегодня затеял драку, первым напав на двух лучших... – Неожиданно Майерс поправилась: – Ну, *одного* из лучших учеников школы и двух наших лучших бейсболистов.

Оливер предположил, что Алекс не относился к лучшим ученикам; хотя люди не всегда соответствуют своим внешним проявлениям, Алекс, судя по всему, на самом деле обладал интеллектом экскаватора. Грэм вроде бы поумнее.

– Не слишком хорошее первое впечатление, Оливер Грейвз, – продолжала директор. – Ты не проучился в новой школе и месяца, а уже затеял драку? Вот что нам следует от тебя ожидать?

– Я не затевал драку! – с жаром возразил Оливер, поворачиваясь к отцу. – Честное слово, папа! Я не зачинщик драк. Я увидел ребят, играющих в игру, подсел к ним за стол, они оказались классными, но затем подошли эти двое и начали обзывать – придурками, задротами, козлицами...

– Следи за языком! – строго одернула его директор Майерс.

– Простите. Но они употребили именно эти слова...

– Мне не остается ничего иного, кроме как устранить тебя от занятий.

– Что?

– Правила на этот счет очень четкие, если ты их читал. Мы не терпим любых проявлений насилия в школе и решительно...

Бац!

Папин кулак опустился на стол, отчего подпрыгнули фотографии в рамках и стакан с карандашами и ручками. Расправив плечи, папа ткнул пальцем в директора.

– Ничего такого вы не сделаете!

– Прошу прощения? – ошеломленно пробормотала та.

– Вы меня слышали. Мой сын не отстранен от занятий. Завтра утром он придет в школу, бодрый и веселый, готовый учиться. В противном случае...

– В противном случае? – Майерс подалась вперед, совершенно сбитая с толку. Запинаясь, она выдавила: – Не понимаю, к чему вы клоните, рассчитывая меня запугать...

– Я служил в полиции. Я знаю эту систему. Знаю, как она работает. И я тоже был маленьким и учился в школе, и не забыл про все подобное дерьмо. Верзилы-агрессоры пристаю к какому-нибудь бедному ребенку, а затем жертве их приставаний достается так же, как и им самим, а то и похуже!

Мы списываем все случившееся на то, что у всех участников сегодня выдался трудный день, и движемся дальше. Потому что я знаком с адвокатами. Знаком с лучшими из самых ушлых адвокатов. С теми, кому известны все самые мерзкие, самые скользкие штучки. Черт возьми, кое у кого из них передо мной должок. Хотите, чтобы они вцепились вам в задницу? Валяйте! Попробуйте только отстранить моего сына от занятий, исключить его – вообще сделать хоть что-нибудь, кроме как улыбнуться ему, и вы увидите.

Губы директора Майерс сжались в угрюмую линию.

– Замечательно, – сказала она. – Мы можем списать все на плохой день.

Оливеру захотелось кричать от радости.

– Спасибо! – сказал он.

– М-м-гм-м, – таким был ответ Майерс.

– А сейчас я отвезу своего сына домой. Приложить мороженный горошек к фингалу. Всего хорошего, директор Майерс.

– Да. Да. До свидания.

* * *

Они сидели на скамейке в парке перед киоском мороженого – у папы был рожок орехового, у Оливера радужного. Оливер держал рожок в одной руке, а другой прижимал к синяку под глазом пакетик с сухим льдом, любезно предостав-

ленный продавщицей.

Они практически не сказали друг другу ни слова с тех пор, как покинули школу.

Да и сейчас особо не говорили.

– Мороженое вкусное, – сказал папа.

– Слушай, оно у тебя на... – Оливер указал отцу на бороду.

– Борода сохраняет аромат, – подмигнул тот. – Я теперь буду наслаждаться этим мороженым весь день.

– Вообще-то, сегодня жарко.

– А то.

– Наверное, изменение климата.

– Наверное, – Папа пожал плечами. Затем, похоже, он принял какое-то решение и выпалил: – Так, приятель, в этом мире есть три типа людей.

– А, хорошо.

– Просто... выслушай меня. Итак, предположим, ты натыкаешься на черепаху, переползающую дорогу. Одни люди просто проедут мимо. Они постараются не наехать на черепаху, но в остальном не станут с ней заморачиваться. Есть другой тип людей – такие остановятся, выйдут из машины и помогут бронированной бедолаге преодолеть дорогу. Может быть, сами перенесут ее на руках, может, остановят движение машин. Наконец, есть третий тип. Эти, увидев черепаху, выкрутят руль и переедут ее. Раздавят, как баночку с арахисовым маслом. Просто чтобы услышать хруст. Так вот,

большинство людей относятся к первому типу. Они ничего не сделают – ни хорошего, ни плохого. А некоторые люди – как два-три полицейских, с которыми я служил, – они определенно из третьего типа. Может быть, даже развернут машину, чтобы поискать других черепах, которых можно будет переехать. Ну а ты...

– Я из второго типа. – Это была не похвальба. Оливер даже не был уверен, хорошо это или плохо.

– Да, дружок. Ты относишься ко второму типу. Вот почему я вступился за тебя. Потому что я имел дело с такими сволочами, как те, что приставали к вам. Грэм Лайонз – он из третьего типа. Так получилось, что я знал его отца Рика. Он был таким же агрессором, как и его сынок.

– У меня появился друг, – сказал Оливер, меняя тему.

– Отлично! У меня, возможно, тоже. – После этого папа проверил свой телефон. – Черт, не знаю, почему твоя мать не отвечает на звонки. Заканчиваем. Надо поторопиться домой.

14. Гложущее чувство

И снова пора спать. Дом трещал и скрипел, жалуясь на артрит, тихо стонал от старости, усталости и, возможно, какого-то глубинного болезненного воспоминания.

Мэдди было не по себе. Она не могла сосредоточиться на книге. Обыкновенно книги были для нее средством отключить собственный мозг и на какое-то время позаимствовать чужой. Были и другие способы: йога, медитации, телешоу «Лучший пекарь Британии» и, разумеется, *работа*.

Однако сейчас работа не помогала и не приносила облегчения: она стала еще одним бременем, ставящим вопросы без ответов. Поэтому Мэдди пришлось вернуться к книге.

Этим вечером она остановилась на «Ограбить пчел» Холли Бишоп, документальной книге по истории пчеловодства. Когда Мэдди брала ее в руки в прошлый раз, прочитала лишь короткий отрывок про то, что, когда в улье рождается новая пчелиная матка, она первым делом совершает серию убийств, расправляясь с еще не родившимися претендентками на престол, прежде чем убить старую матку – свою мать.

Однако сейчас слова не проникали в сознание Мэдди. Она снова и снова перечитывала один и тот же абзац, каждый раз уверенная в том, что вот наконец прочитала его, но затем снова оказывалась не в силах понять смысл прочитанного.

У нее из мыслей не выходили события сегодняшнего дня.

И в первую очередь тот пугающий факт: она отключилась. С работающей бензопилой в руке. А когда она очнулась, ее творения больше не было. Единственная разгадка заключалась в том, что сову кто-то забрал. Иначе не могло быть. Неужели кто-то оглушил Мэдди? Как такое вообще могло произойти? Мэдди *помнила* тот момент, когда отключилась, – или, точнее, она могла восстановить свое последнее воспоминание, то, как вырезала перья, придавая форму крыльям, а затем...

Услышала шум крыльев?

«Черт возьми, Мэдди, думай!»

– Мы будем об этом говорить? – внезапно спросил Нейт.

– О чем?

– О чем? То есть как – о чем? – проворчал он. – Где ты пропадала сегодня? Тебе звонили из школы, ты не отвечала. К счастью, потом связались со мной. А когда я отправил тебе сообщение...

– Я была в лесу, – перебила его Мэдди. – У меня работала бензопила. Я ничего не слышала. – Ложь. По крайней мере, частичная. Но что еще она могла сказать? «Извини, дорогой, я вырубилась на хрен, а скульптура, которую я вырезала, ожила и улетела». Мэдди беспокоило не только то, что она отключилась, но и то, что пропустила звонки, сообщения... Она отсутствовала. Словно провалилась в сон или в кому. Хуже всего было гложущее чувство: такое уже случалось в прошлом. – Но ты молодец. Ты отлично справился.

– Олли ввязался в драку, Мэдс.

– Ни во что Оливер не ввязывался. Он столкнулся с козлом-старшеклассником, следствием чего, естественно, явилась вся эта хренотень. В жизни ему придется еще встретиться со многими такими козлами.

Нейт пробурчал что-то невнятное. Помолчав, он сказал:

– Сегодня мне пришлось застрелить оленя.

– О, сочувствую! – Мэдди попыталась представить себе, на что это похоже, и не смогла. – Что произошло?

Нейт рассказал, как больной олень, ходивший кругами, набросился на Фигу. И пришлось его застрелить. Он также рассказал, что олень кишел червями, и добавил:

– Наверное, личинки овода или кто там еще; они выползли из ноздри и, как те муравьи, стали ползать по кругу. Как олень. Странно, ты не находишь?

– Уверена, все в порядке, – решительно произнесла Мэдди, даже несмотря на то, что ее рассудок вопил снова и снова: «Неправда, неправда, что-то случилось, случилось что-то очень плохое!»

– Надеюсь, у Олли все будет хорошо. В школе. В жизни...

– Нейт, – перебила Мэдди, стараясь быть мягкой (тщетно), – давай просто ляжем спать, хорошо? Ты редко бываешь таким разговорчивым перед сном, а я хочу просто расслабиться. Завтра нужно будет позвонить в галерею Труди, я должна заняться сараем, и мне хочется немного успокоиться. Ладно?

Молча кивнув, Нейт перевернулся на другой бок.

Мэдди снова взяла книгу. Попробовала читать, но настрой пропал. Слова прыгали и расплывались перед глазами. Осторожно закрыв книгу, она положила ее себе на грудь и прислушалась к тому, что происходило снаружи. Не было слышно шума и гула Филадельфии, людей, машин и самолетов над головой, грохота мусорных баков. (И сирен. Постоянного воя.) Мэдди услышала лишь хор ночных насекомых. Стрекот, жужжание, цак-цак-цак и ти-ти-ти, доносящиеся из густого черного леса. Почему-то здесь все эти звуки звучали громче, чем там. У нее в голове и вне ее.

* * *

Нейт понимал, что это сон, даже во сне.

Он стоял среди черных обломанных зубцов валунов парка Рэмбл-Рокс. Между камнями угрюмыми призраками скользил туман. Было холодно, но Нейт стоял лишь в белой рубашке с короткими рукавами и отвратительных трусах-боксерах – в реальной жизни такой рубашки у него никогда не было, что уже говорило: все снится.

В этом сне Оливер стоял рядом с ним.

Щеки у мальчика были мокрые. Словно он плакал.

У Нейта ныл кулак.

У мальчика была рассечена нижняя губа. Струйка крови соединяла ее с подбородком ярко-алой ниткой.

«Ничего этого на самом деле не происходит, – подумал Нейт. – Просто проснись!»

Но сон продолжался. Нейт разжал руку и обратился к сыну:

– Что ты сделал?

Нет, не так. Он *не сказал* это сыну, а *услышал со стороны*, как сказал. *Почувствовал*, как шевелятся губы, ощутил вибрацию звуков в груди. Однако все это произошло помимо его воли.

Он наблюдал *со стороны*.

– Извини! – в слезах выдавил Оливер.

– Извинения для слабаков! – ответил Нейт. И в его голосе прозвучали ноты другого голоса – отцовского. «Нет, нет, нет!» – Ты все испортил. Разве не так? Сломал к черту.

– Я... я не хотел...

– «Я не хоте-е-ел...» – Нейт снова услышал со стороны собственный голос, писклявый. Он издевался над своим сыном.

Ему захотелось схватить себя за глотку, хорошенько врезать по своему глупому рту. «Заткнись, заткнись, заткнись!» Однако он шагнул к сыну и продолжал говорить:

– Ты только послушай себя! Скулишь, как твоя мать! Ты облажался и должен прямо в этом признаться. Ты – яблоко, упавшее с прекрасного дерева, но валяешься и гниешь в траве. Разве не так? *Разве не так?*

– Папа, пожалуйста!..

– Заткнись! Это произошло по твоей милости! Ты во всем виноват! – Нейт всосал воздух в щель между зубами – тсск. – Как будто в мире и без этого мало плохого, Оливер, да? А ты добавил, да? Ввязался в драку в школе. Завел дружбу с этими... с этими извращенцами, замкнувшимися в себе! – Он чувствовал, как слова покидают его рот, и старался всеми силами запихнуть их обратно, – но когда это у него получилось, ощутил в своем дыхании перегар виски. Дешевого, дерьмового виски, отдающего уксусом и мочой.

– Я больше не буду...

Нейт замахнулся на своего сына.

Оливер попытался остановить его руку...

И затем – бац!

Нейт ощутил вибрацию, разлившуюся от кулака до самого плеча. От удара голова сына дернулась назад. Тук! Мальчишка отступил назад, смотря на отца разбитым глазом. Левый глаз Оливера лопнул, словно раздавленная виноградина, выделяя глазную слизь. Нейт услышал со стороны собственный крик.

Попятившись назад, мальчишка наткнулся на валун, которого совсем недавно еще не было. Или он был? Нейт не смог вспомнить. Валун оказался длинным и плоским, как стол, однако своим основанием напоминал наковальню.

Тут прогремел выстрел – треск, разорвавший воздух подобно топору, расщепляющему доску: крак! И голова Оливера снова дернулась назад, а на лбу появился словно ожог

от сигары, источающий кровь, и воздух наполнился смрадом порохового дыма – запахом яичного салата...

Оливер повалился спиной на камень.

Он упал навзничь, и кровь изо лба, отыскав канавки в плоском камне, побежала по этому руслу к краю, откуда стекла на траву и чертополох, и тут небо потемнело и пролилось густым красным дождем, падающим по одной крупной капле...

Кап, кап, шлеп, кап...

* * *

Вздвогнув, Нейт проснулся.

Прошло много времени. Ночь была в самом разгаре. Нейт покрылся липким потом. Дрема облепила его, подобно отвратительному зловонию. «Это лишь сон, – напомнил себе Нейт. – С Олли все в порядке. Просто сон». Несомненно, навеянный домом.

Нейт попытался опять заснуть. Он перевернулся на правый бок. Затем на левый.

Потом лег на спину.

Вздохнув, открыл глаза и уставился на темный потолок.

Мэдди тихо похрапывала рядом – пила, мягко вгрызающаяся в дерево.

Нейт сосредоточился на ее ровном дыхании. Сначала он полагал, что именно жена не сможет жить за городом. Но,

может, это он сам не смог приспособиться. Потому что такими для него были все до одной ночи с тех самых пор, как они переехали сюда. В конце концов где-нибудь под утро он провалится в сон на три-четыре часа. Вторая часть ночи будет приштопана к первой кошмарами. А потом настанет утро.

Лежа без сна, Нейт каким-то образом ощущал, что дом тоже не спит, чем-то встревоженный. Дом давил на Нейта – но в то же время и сам был спокоен.

Нейт всматривался в темноту, ожидая увидеть там отца, выглядывающего из-за угла. Или, еще хуже, стоящего в изножье кровати. «Пистолет не в той руке», – подумал он. Какое странное видение... Надо полагать, галлюцинация, обусловленная стрессом.

Но в темноте никого не было.

Застонав, Нейт уселся в кровати и скинул босые ноги на неровный деревянный пол. Та самая комната, где он спал в детстве, – включилась мышечная память, и ему даже не нужно было вспоминать внутреннее расположение дома. Нейт вышел из комнаты и побрел по коридору, наступая на жалобно скрипящие половицы.

Он решил проведать Олли. Осторожно поднявшись на чердак, приоткрыл дверь и...

«Олли здесь нет! Его нет в постели! Он исчез!»

Однако когда его глаза освоились в темноте, он разглядел под одеялом долговязое тело сына. Голова засунута под подушку, руки раскиданы в стороны.

Облегченно выдохнув, Нейт спустился на кухню и налил себе стакан воды из-под крана. Вкус у воды оказался странный – с сильной минеральной горечью. Нейт мысленно отметил, что нужно будет отдать ее на химический анализ.

И тут в ночной тишине, в темноте дома, до его ушей дошел звук. Отдаленный и негромкий, но настойчивый.

Тик.

Тик.

Так.

Это еще что за чертовщина? Звук не был похож на усадку дома, но задевал что-то знакомое в дебрях памяти Нейта. Что именно, он пока что не мог определить.

Нейт вслушался. Ничего. Пожав плечами, поставил стакан и...

Так.

Тик.

У Нейта пересохло во рту. Ладони вспотели. Абсурдная реакция на тихий безобидный звук – беспокоиться не о чем, это не грабитель, лезущий в дом. В голове снова возник образ отца, мертвого, но внезапно встающего с постели и с изумлением взирающего на другую свою версию, стоящую в углу с пистолетом в руке... «тик-тик-так» рычажка предохранителя, отец щелкал им большим пальцем туда и сюда, туда и сюда...

Но нет, это было что-то другое. «Того, – решил Нейт, – на самом деле вообще не было». Обман зрения, потрясение,

обусловленное неожиданным... как там это называется?

В общем, посмертным дыханием.

Нейт снова услышал этот звук, тик-так-тик, где-то у входа, и, даже не стараясь соблюдать тишину, вышел из кухни, прошел мимо двери в кладовку, мимо обеденного зала слева, мимо гостиной справа и...

Ну вот.

Вот и ответ.

Горстка светлячков собралась за квадратным стеклом входной двери. На глазах у Нейта один оторвался, отлетел и, снова устремившись к стеклу, ударился о него.

Тик, так, тик.

Насекомое негромко постучалось в окно, прежде чем успокоиться.

Вслед за первым светлячком то же самое движение повторили другие, сияющие призрачным зеленоватым светом. Огоньки-привидения, копошащиеся на черном фоне.

Нейт был удивлен. Он не помнил, чтобы светлячки встречались так поздно осенью. Впрочем, несмотря на то что лето закончилось, на улице было еще тепло. Быть может, времена года сдвинулись – изменение климата затронуло все, так ведь? И теперь времена года были уже совсем не те.

Нейт подошел к двери. Вблизи в свете, испускаемом светлячками, удалось рассмотреть самих насекомых – их маленькие вытянутые тельца, ползающие во все стороны.

Нейт прижал палец к стеклу со своей стороны. Он не смог

бы объяснить, почему сделал так, но почему-то испытал такую потребность. Прижав палец к окну, Нейт увидел, как светлячки начали выстраиваться...

Нет!

Вокруг пальца быстро образовалась карусель светящихся насекомых. Светлячки снова и снова двигались по кругу. Некоторые на мгновение взлетали, отрываясь от стекла, словно в тщетной попытке бежать из круговорота, образованного собратями, но тотчас же снова опускались назад, кружась вокруг кончика пальца Нейта, прижатого к стеклу с другой стороны.

Муравьи, олень и черви.

И вот теперь светлячки.

Тут что-то явно не так.

Нейт резко отдернул палец от стекла, и рисунок сразу же нарушился. Круг развалился, насекомые устремились в разные стороны. Нейт проводил их взглядом, исчезающих в темноте, зелеными звездочками опускающихся в траву. Луна просовывала сквозь кроны деревьев длинные руки света, а деревья, в свою очередь, выпустили длинные ноги теней. Нейт скользнул взглядом по лесу...

И остановился на одном дереве. Странном дереве, которого он не помнил. Небольшом. У самого дома, прямо во дворе, ближе, чем должно быть.

Дерево двигалось.

Нейт заморгал, убеждаясь в том, что это ему не мерещит-

ся...

Это было вовсе не дерево.

В конце двора стояла фигура, у самого леса.

Нейт мало что мог различить, и все-таки ему показалось, что фигура, выхваченная лунным светом, слишком высока. Он заморгал, понимая, что у него снова видения. Просто рас-судок сбоит вследствие недосыпа. А может, очередной сон. Нейт пристально смотрел на фигуру, уверенный в том, что она постепенно рассосется и окажется обыкновенным дере-вом, но затем...

Фигура пошевелила головой.

Склонила ее набок, словно животное, которое чего-то не понимает.

Животное. «Просто олень», – подумал Нейт, однако в гру-ди у него сжался тугой комок, и несмотря на то, что сно-ва и снова мысленно повторял себе: «Просто олень, просто олень», – он поймал себя на том, что устремился назад вверх по лестнице как можно бесшумнее. «Олень, другого быть не может», – подумал Нейт, возвращаясь в спальню, и вытащил из-под кровати маленький железный ящик. Нажав пальцем на запор, услышал характерный щелчок.

«Просто олень. Но на всякий случай...»

Нейт схватил лежавший внутри пистолет, старый 9-мил-лиметровый «браунинг», и, вставив в рукоятку магазин, сно-ва поспешно спустился на цыпочках вниз.

Сжимая пистолет в руке, он открыл входную дверь.

Вышел на потрескавшиеся каменные ступеньки.

Фигура стояла там же.

Словно ждала его.

«Просто олень. Просто олень».

Нейт обвел взглядом двор, ища какие-либо свидетельства рогов или остальных частей животного – четыре ноги, а не две, быть может, мелькнувший хвост, – но ничего не увидел. Сглотнув подступивший к горлу клубок, он окликнул:

– Эй!

Прошло какое-то мгновение.

Потом фигура развернулась, собираясь бежать.

Бешено колотящееся сердце призывало Нейта двигаться, двигаться, двигаться, – поэтому он пересек усеянную листовой лужайку, на ходу передергивая затвор. Нейт увидел, как тень продирается сквозь заросли, углубляясь в лес, и босиком последовал за ней. Оттолкнувшись он земли, ворвался в заросли сухого терновника. Постепенно глаза освоились в темноте. Нейт бежал в полосах лунного света, преследуя нечто, двигавшееся длинными прыжками. Ветки хлестали по щекам и лбу. Он едва не упал, провалившись ногой в засыпанную листьями канаву между деревьями, – здесь когда-то лежал поваленный ствол, сгнивший и превратившийся в труху. Боль разлилась от лодыжки до бедра, но Нейт продолжал бежать.

«Направляемся к парку», – вдруг дошло до него.

К Рэмбл-Рокс.

К месту из кошмарного сна.

Внезапно Нейт вырвался из густых зарослей и оказался на мягкой траве.

Впереди в полосе лунного света стоял человек. Словно попавший в ловушку, пригвожденный острым лучом света.

Фигура была высока, словно огородное пугало, и тоща, как заключенный. Длинная спутанная борода спускалась на голую грудь. Солидное брюшко свисало через пояс потрепанных джинсов. Нейт разглядел на коже неизвестного свежие ранки – похожие на следы от укусов, на лопнувшие волдыри.

Резко остановившись, он вскинул пистолет, направив его на незнакомца.

– Эй ты! Кто ты такой? Что ты делал во дворе моего...

И тут Нейт увидел его лицо.

Оно *шевелилось*.

По нему что-то ползало – какие-то дрыгающиеся черные точки. Точки светились и корчились. Извивались.

Нейт услышал жужжание мушиных крыльев.

Он сообразил, что это мухи. А может быть, оводы. Тут мухи вспыхнули зеленоватым призрачным сиянием: светлячки.

– Кто... ты... такой?

Неизвестный раскрыл рот, широко, слишком широко, показывая желтые зубы и бледный дергающийся язык. Рот продолжал раскрываться – щелк, хруст, треск, – и вдруг раздал-

ся такой громкий удар, словно внутри что-то сломалось, хотя кожа осталась целой, и нижняя челюсть повисла в клочьях бороды, будто сломанная калитка. Неизвестный завыл, скорбно заскулил – и тут окружающий мир озарился, в темноте вспыхнул ослепительный свет, и беззвучный раскат грома ударил Нейта в грудь. Свет разорвал незнакомца, смывая, стирая его.

15. Писатель

Нейт ахнул.

Он зажмурился, закрываясь от внезапного света рукой.

Фигура, тощий человек со всклокоченной бородой, исчезла.

Нейт учащенно дышал. Как собака, которой больно. Судорожные порывистые вдохи и выдохи заполняли мир, раздвигая пустоту.

И тут раздался голос:

– Привет, дружище! С тобой все в порядке?

С той стороны, где прозвучал голос, появилась тень – еще один человек, мужчина, хотя как не тот тощий незнакомец, а средний во всех отношениях: среднего роста, среднего телосложения и так далее. Голос был радостным и добродушным – тон друга, с которым давно не виделся.

– Я... – Нейт посмотрел на свою руку, заканчивающуюся пистолетом, и уронил ее, осознав, что целился в новую тень. – У меня все хорошо, спасибо.

Незнакомец подошел ближе. Он был в годах: лет шестидесяти. Лица Нейт разглядеть не мог, учитывая яркий свет у него за спиной, – не луна, а фонарь на стене дома. Нейта озарило откровение.

Он оказался у дома своего соседа, так?

Ох-хох...

Должно быть, мужчина пришел к тому же заключению.

– Ты ведь поселился рядом, да? Я так понимаю, мы соседи.

– Я... – Нейт поморщился, красный от стыда. – Совершенно верно.

Смущение сменилось тревогой. Нейт не хотел лишиться работы, а то обстоятельство, что он среди ночи забрел во двор к соседу с заряженным пистолетом... не лучший способ убедить местные власти в своей психической уравновешенности.

Однако незнакомец сказал, махнув на свой дом:

– Не хочешь зайти в гости? Я – сова, засиживаюсь допоздна. Буду рад предложить что-нибудь выпить, если составишь компанию.

– Мне бы не хотелось вас беспокоить...

– Дружище, я бы сказал, что мы уже прошли этот этап, – рассмеялся сосед.

– Пожалуй. С радостью. Но только ненадолго.

– Вот и отлично! – Мужчина хлопнул в ладоши. – В таком случае пошли!

* * *

Дом оказался в виде треугольной призмы. Открытая веранда сзади, балкон над входом. Внутри было просторно – даже чересчур, настолько просторно, что создавалось впечатление

чатление заброшенности. Куда ни кинь взгляд, повсюду дерево – деревянные полы, деревянные балки перекрытий, колоды вместо столов, деревья снаружи. В целом получалось что-то среднее между минималистским модернизмом и шале на горнолыжном курорте. Единственным примечательным моментом были два высоких книжных шкафа у дальней стены – не из тех, которые служат чисто для украшения, нет. Шкафы были заполнены книгами, засунутыми без какого-либо порядка, потрепанными, зачитанными. *Любимыми*.

Схватив табурет, хозяин дома пододвинул его Нейту, а сам подошел к стойке.

– Что будешь? О черт, меня зовут Джед, кстати; Джед Хомаки. Выбирай отраву по вкусу, как говорится, – есть вино и пиво, сидр и настойки, и, разумеется, полная палитра чего покрепче. Если любишь виски, можем совершить экскурсию по Шотландии...

– Да, конечно, это будет просто замечательно. А я, кстати, Нейт Грейвз.

– Грейвз – гм... Сын Карла?

Нейт замялся:

– Да.

– Сочувствую твоей утрате, – сказал сосед. Затем тихо добавил: – Твой отец, позволь сказать, был той еще задницей.

Нейт взорвался непрошеным хохотом.

– Тут я полностью с вами согласен, мистер Хомаки!

– Джед – зови меня просто Джед, договорились?

Нейт наконец смог хорошенько рассмотреть Джеда Хомаки – его добродушный голос полностью соответствовал внешности; естественно, он был похож на чьего-то доброго дядюшку – а то и на самую *идею* доброго дядюшки. У него была широкая улыбка, а взъерошенные брови напоминали экзотических гусениц, однако темные глаза внимательно изучали все вокруг – критически разбирали мир со скрупулезностью гроссмейстера.

Хозяин поставил на стойку бутылку. Двенадцатилетний «Балвени»²⁵.

Затем два стакана – стук, стук. Плеснул в них виски на два пальца.

Нейт смущенно посмотрел на пистолет в руке.

– Э...

Джед шутливо поднял руки вверх.

– Не стреляйте! – Прыснув, он махнул рукой. – Ничего страшного, положи на стойку.

Нейт извлек из патронника досланный патрон, затем вытащил магазин и положил на стол перед собой. Одинокий патрон он поставил на донышко гильзы, подобно маленькому золотистому часовому.

Подмигнув и кивнув, Джед поднял стакан.

– Различных тостов и здравниц много, – сказал он, – но мой любимый вот этот: «*Nie mój cyrk, nie moje matry*».

Нейт недоуменно пожал плечами, и Джед перевел, пар-

²⁵ «Балвени» – сорт односолодового шотландского виски.

дируя польский акцент:

– Не мой цирк, не мои обезьяны²⁶.

Они чокнулись и выпили.

Теплая карамель наполнила Нейта жаром только что вынутого из духовки яблочного пирога.

– Это что-то! – с восхищением произнес он.

– Из долины Спейсайд. Прелесть. Просто прелесть. Как сливочное масло к оладьям.

– Ну, Джед, спасибо, что угостил.

– С удовольствием, Нейт.

Какое-то время они сидели молча. Наконец Нейт сказал:

– Насчет пистолета...

– Да ладно! Не хочешь объяснять – не надо. Я из тех, кто не лезет людям в душу.

– Полагаю, ты имеешь право знать. Если честно, я подумывал о том, чтобы солгать... сказать, что это был... не знаю, медведь или кто там еще.

Кивнув, Джед отпил еще глоток виски и облизнул губы.

– Медведи сюда заглядывают – правда, очень редко. И койоты.

– Верно. Но все дело в том... мне показалось, я кого-то увидел.

– Выкладывай!

– У себя во дворе. Фигуру, человека... он просто там стоял.

²⁶ Польская идиома, аналогичная русской «моя хата с краю».

Джед полузаговорщически подался вперед.

– Гм... А вот это уже тревожно.

– Поэтому я схватил пистолет и побежал за ним.

– Разумно. Я поступил бы точно так же – ну, если б не был конченным демократом. И не то чтобы у меня какие-то проблемы с принципом свободного владения оружием, дружиче, вовсе нет!²⁷ Просто сомневаюсь в том, что *смогу*. Прицелиться. Нажать на спусковой крючок. От одной этой мысли у меня леденеет кровь. Я человек миролюбивый, воспитан квакером²⁸, хотя уже давно отошел от веры.

Нейт вздохнул:

– Если честно, я не конченный демократ, но в восьми случаях из десяти голосую за демократов. И меньше всего на свете мне нужно оружие само по себе. Однако я обучен обращению с ним – служил в городе в органах.

– Ты имеешь в виду в полиции?

– Точно.

Улыбка Джеда стала еще шире. Он снова наполнил свой стакан виски и щедро плеснул Нейту.

– В таком случае позволь поблагодарить тебя за службу. «Синие жизни тоже важны» и все такое²⁹.

²⁷ Имеется в виду то, что к сторонникам свободного владения оружием относятся обычно электорат Республиканской партии и близкие к нему по идеологии круги.

²⁸ Принципы Общества друзей (см. выше) включают пацифизм и антимилитаризм.

²⁹ «Синие жизни тоже важны» (англ. «Blue Lives Matter») – движение про-

– Спасибо, но все-таки выходит, у человека с улицы больше оснований бояться нас, чем у нас – бояться его. – Нейт поймал себя на том, что немного расслабился, стряхнул с себя ярмо стресса. Было в Джеде что-то приветливое, дружелюбное – словно он был губкой, которая впитывала все плохое, узнавая о тебе всю правду. – Насколько хорошо ты знал моего отца?

– Не очень хорошо. Мы «пересекались», как это бывает с соседями. Участки у нас обоих обширные, как тебе известно, так что особых причин для тесного общения не было, но Карл время от времени жаловался – у меня есть коптильня, и я копчу мясо, что ему не нравилось. Иногда включаю музыку и выношу колонки на улицу – нет, все чинно, никакого тяжелого рока или оглушительного рэпа, но это также выводило его из себя. – Подавшись вперед, Джек уставился на кончик собственного носа, словно собираясь поведать государственную тайну. – У меня такое ощущение, что Карл не был счастливым человеком.

– Сказать про него «несчастный» слишком мягко. Я бы употребил слово «жалкий». И добавил бы: «козел».

– И все же, еще раз прими мои соболезнования.

– Я не переживаю. Даже, наоборот, рад, что его больше нет.

тив ненависти к полицейским (синий – традиционный международный цвет полиции), противостоящее движению «Черные жизни тоже важны» (*англ.* «Black Lives Matter»), отстаивающему права чернокожих и направленному в т. ч. против произвола органов правопорядка в их отношении.

Джед отвернулся в сторону – и его строгое, торжественное лицо расплылось в веселой ухмылке.

– Я отношусь совершенно так же к своему собственному отцу. Настоящий ублюдок. Злее разъяренной гремучей змеи. – Хмыкнув, он какое-то время сидел, уставившись в пустоту. – Давай поговорим о чем-нибудь хорошем. О *ком-нибудь* хорошем.

– Выпьем за это! – предложил Нейт.

Они снова чокнулись.

– Ты когда-нибудь... – начал было Нейт, однако слова умерли у него в горле.

– Что?

– Да глупость какая-то.

– Нет-нет, пожалуйста! Выкладывай.

– Ты здесь никого не видел? Я имею в виду людей? В лесу?

– Люди в лесу – о, конечно, конечно. Обычно в охотничий сезон. Как-то раз я наткнулся на одного чудика, шастающего по лесу. Шел снег, а он был в зимнем камуфляже – как герой «Полярной станции «Зебра»»!³⁰ И вооружен до зубов – у него была... как она называется? Ну, армейское ружье.

– Штурмовая винтовка. Наверное, «А-Эр-пятнадцать» или что-то похожее.

– Она самая; из таких обычно расстреливают людей в школах и супермаркетах. В общем, этот тип выходит из де-

³⁰ «Полярная станция «Зебра» – американский политический кинотриллер (1968), действие которого происходит в Арктике.

ревью прямо на лужайку с таким видом, словно ему на все наплевать. Я выбежал на улицу и крикнул ему. Пистолета у меня не было, поэтому я прихватил кухонный нож и кастрюлю. Принялся, как чумовой, колотить ножом по кастрюле – я нахожу, что если тебя считают совсем спятившим, то относятся более осторожно, – а он поднял руки, оставив ружье на спине, и сказал, что понятия не имел, что это частная территория. Я у него спросил: и как же он в конце концов это понял? Что его навело на это открытие – почтовый ящик? Только что обновленная дорожка? *Большой дом*? Или я, размахивающий ножом и кастрюлей? Он виновато пробормотал, что... заблудился и выстрелил в оленя, но только зацепил, и ему показалось, что олень пробежал через мой двор – только он не знал, что это мой двор. – Джед тихо фыркнул. – Но это не тот, кого ты имел в виду.

– А, ну да. Не совсем – хотя я сейчас работаю в Управлении охоты и рыболовства, так что, если что-либо подобное повторится, звякни мне. – Нейт вздохнул. – Я просто... тот, кого я видел, был высокий, долговязый, с бородой. У него был вид... даже не знаю. Бездомного? Может, больного. А может, просто глаза сыграли со мною шутку. Может, я спятил.

– Может, приятель. Может. Но... – Джед помахал пальцем, не с укором, а в духе «послушай-ка сюда». – Времена нынче странные, и мы живем в любопытных местах. Вроде бы еще за городом, но достаточно близко к магистрали, что-

бы сюда долетала всякая дрянь. А снаружи сейчас эпидемия опиатов, плюс на запад наступают метамфетамины, из Куцтауна³¹ на Пенсильтукки³². Сплошным потоком прет паноптикум. И... – Он понизил голос. – *Рядом Рэмбл-Рокс.*

Нейт почувствовал на затылке непрощеный холодок.

– Рэмбл-Рокс?

– Ну да, парк.

– А он-то тут при чем?

– Ну, – Джед снова откинулся назад, словно переходя в режим разглагольствований. – Даже если не брать историю самих валунов, ты, разумеется, слышал рассказы, связанные с тоннелем.

– Слышал.

– И неважно, веришь или не веришь в них ты сам, – есть те, кто в них *верит*. Те, кто поклоняется дьяволу, и им подобные.

– Я считаю, что жупел сатанизма остался в моем детстве. – Когда Нейт был маленьким, сатанистов винили во всем, от похищений до сексуального насилия. Люди отправлялись за

³¹ Непосредственно рядом с городком Куцтаун на востоке Пенсильвании находится общественный университет; число обучающихся в нем вдвое превышает количество жителей городка.

³² Пенсильтукки – юмористическое и пренебрежительное обозначение сельского ареала Пенсильвании, сравнивающегося таким образом с аграрными областями находящегося неподалеку штата Кентукки, одного из самых бедных в стране (как, впрочем, и пролегающая между Пенсильванией и Кентукки Западная Вирджиния).

решетку только за то, что поклонялись сатане, без каких-либо улик, и частенько впоследствии их оправдывали – спустя *много лет*. Не было ни одного доказанного случая, но истерия долго не затихала.

– Не спеши сбрасывать его со счетов. В тоннеле время от времени находят мертвых животных. Возможно, принесенных в жертву.

– А может, их переехал какой-нибудь придурок на внедорожнике.

– Тоже верно. Но еще есть призраки.

Нейт рассмеялся было, но затем увидел, что Джед говорит совершенно серьезно.

– Призраки.

– Ты в них не веришь?

– В призраков? Раньше верил – когда мне было десять.

– Нейт, ну же! Мы живем в районе, известном тем, что в нем обитает великое множество неуспокоенных душ. Война за независимость, а чуть дальше к югу отсюда Гражданская война стали причиной многих жестоких, трагических смертей. Не говоря уж про мелкие, обыденные смерти – убийства из корысти и ревности, сраженные горем несчастные, наложившие на себя руки, загадочные несчастные случаи...

– Ты говоришь так, словно тебя глубоко интересует все это.

– Фантастическое и непостижимое? – У Джеда зажглись глаза. – Интересует. *Профессионально* интересуется.

– Ты, случайно, не охотник за привидениями, а?

Щелкнув пальцами, Джед подмигнул и направился к книжным шкапам. На полпути он остановился и махнул рукой, приглашая Нейта присоединиться.

– Иди, иди сюда; это путешествие я не буду совершать в одиночку.

– Ой! – Встав с табурета, Нейт с удивлением обнаружил, как его мозг качнулся сначала в одну сторону, затем в другую. «Это все виски», – подумал он и, восстановив равновесие, подошел к хозяину.

Тот сделал жест ведущего телевикторины, представляющего правильный ответ.

Одна полка в шкафу была полностью посвящена документальным детективам в мягкой обложке – Мэдди время от времени почитывала такие. Вот только это скорее были не тру-крайм истории, а нехудожественные повествования, касающиеся старых дел о призраках. Такие как «Привидения в Сибли-Мэнор», «Призрачный движитель (и другие таинственные явления)» и «Забытые легенды таинственного острова Лонг-Бич».

На корешках всех книг значился один и тот же автор: Джон Эдвард Хомаки.

– Джон Эдвард, – задумчиво произнес Нейт. И тут до него дошло: – Джед!

– Приз в студию!

– Это ты написал все эти книги?

– Собственноручно. Именно так я сколотил свой капитал, с позволения сказать. – Джед обвел рукой дом и обстановку. – Ну, до того я строчил под псевдонимом в газеты разную чернуху и спортивные новости, но затем нашел свою нишу, и дальше уже понеслось по накатанной. Пара бестселлеров, переиздания. Гонорары очень приличные. – Его лицо стало печальным, задумчивым. – Я уже давно не писал ничего нового.

– Почему?

– Жизненные обстоятельства. – Джед улыбнулся, однако его слова прозвучали натянуто. Как будто он что-то скрывал.

Нейт решил не нажимать. Он скользнул взглядом по книгам, и одна привлекла его внимание: «Жертвоприношения в Рэмбл-Рокс: сатанинские убийства, совершенные Эдмундом Уокером Ризом».

Нейт оглянулся на хозяина.

– Сатанинские убийства?

Джед изобразил смущение.

– Ну, ты же сам понимаешь, Нейт, как обстоят дела. Чем более зловещей получается книга, тем охотнее ее раскупают. – Его лицо стало серьезным. – Однако в этом есть доля правды. Стены дома Риза были покрыты числами и формулами, хотя в них было мало связного – по большей части бессмысленный бред поврежденного рассудка. И то же самое в его дневниках, а их он оставил немало – больше пятидесяти тетрадок, исписанных галиматьей. Тюремщики, при-

сутствовавшие при его казни, вспоминали, что он говорил о каком-то «демоне», существе, которому он подчинялся, и оно «должно было его спасти». А еще тот факт, что Уокер исчез в тот самый день, когда его должны были казнить. Не просто в тот самый день – в то самое *мгновение*, когда шелкнули тумблером, он исчез с электрического стула. Оседлал молнию в прямом смысле.

– Мой отец был там. Он сказал, что это полный бред.

– О, знаю. – В глазах у Джеда сверкнули веселые искорки. – Как-то раз я его напоил. Твоего отца.

– Готов поспорить, он уже был пьян, когда попал к тебе.

По лицу Джеда пробежала тень. Холодная. Стальная, твердая. Как тень от облака, она промелькнула и исчезла.

– Твой отец сказал мне, что это правда. Что тело так и не нашли. Уокера ввели, усадили на стул, но когда по нему пропустили ток... – Джед шелкнул пальцами обеими руками. – Он исчез.

– Так сказал мой отец?

– Так сказал твой отец.

Нейт переварил эту новую информацию.

– Отец любил рассказывать разные небылицы.

Ложь. Его отец никогда ничего не сочинял и не приукрашивал. В этом отношении его мозг был затянут туже, чем смирительная рубашка.

– Может быть, тот тип, которого ты видел в лесу, это как раз он.

– Мой отец?

– Эдмунд Риз.

– Да уж, Джед... – Нейт тщетно попытался усмехнуться.

– О, я просто пошутил. На самом деле это, скорее всего, какие-нибудь пустяки.

«Определенно не пустяки», – подумал Нейт. Просто пока он не знал, что это такое.

– В любом случае я и так уже отнял у тебя много времени – и выпил слишком много твоего замечательного виски. Уже поздно. Пожалуй, отправлюсь домой, а то еще жена начнет искать.

– Жена, говоришь?

– Да, жена и сын. Подросток. К счастью, машину ему водить еще рано.

– Хорошо, очень хорошо. – И опять: этот пустой взгляд в никуда, напряжение, стягивающее его слова подобно хирургу, зашивающему рану. Кажется, у Джеда заблестели глаза? Нейт прекрасно разбирался в людях...

Кажется, Джеда внезапно захлестнула волна скорби, так? Нейт решил поиграть с огнем.

– Джед, у тебя есть семья?

– О-о. Разумеется, есть. – Вернувшись к книжному шкафу, Джед поднял что-то, лежавшее лицом вниз. Фотографию в рамке, сообразил Нейт.

Когда фото было перевернуто, там показался Джед – значительно моложе, наверное, в нынешнем возрасте Нейта, со-

рок с лишним, – стоящий вместе со своими, судя по всему, женой и дочерью-подростком. Дочь была очень похожа на него – те же самые теплые, но дикие глаза, та же самая загадочная улыбка. От матери она унаследовала нос-пуговицу.

– Это... ох, это моя жена Митци и дочь Зельда.

Нейт рискнул еще раз быстро оглядеться по сторонам – чистый рефлекс, не более – и снова отметил предельную скудность обстановки. Определенно не очень обжито. Явно не семейное гнездо.

Нейт не собирался спрашивать, но Джед, похоже, догадался, что происходит у него в голове, поскольку смущенно улыбнулся и сказал:

– Они здесь не живут, если ты хотел это узнать. Жена ушла несколько лет назад, забрав с собой Зельду.

– Извини. Развод?

Джед замялся. Пожав плечами, он грустно улыбнулся.

– Боюсь, да. Я оказался плохим человеком, Нейт. Очень плохим.

– А мне ты кажешься совершенно нормальным.

Джед протянул руку. Нейт крепко ее пожал.

– Рад был познакомиться с тобой, Нейт Грейвз.

– И я тоже, Джед.

Нейт собрался уходить, но уже в дверях, полушагнув в темноту улицы, остановился. Слабый голос в голове сказал: «Нет, не надо, не предлагай», – однако было очевидно: этот человек излучает положительную энергию. Джед просто нра-

вится ему. Чертовски нравится.

Посему последовало приглашение.

– Приближается Хеллоуин, – сказал Нейт, – а наш сын уже слишком взрослый, чтобы ходить ряженым и выпрашивать у людей конфеты, поэтому мы в этом году решили устроить праздник дома. Предложила жена – сам я был бы рад не видеть никого постороннего, – но, знаешь, может, она права. Пусть люди придут к нам в гости, поскольку мы в здешних краях новенькие. В общем, начало в семь вечера, и...

Улыбка, разрезавшая лицо Джеда, была такой широкой и глубокой, что его голова стала похожа на Пакмана³³ – чавк, чавк, чавк.

– Скажу честно – я очень рад твоему приглашению, – признался Джек. И коротко хохотнул. – Какая странная ночь! Полуголый незнакомец заявляется ко мне во двор с пистолетом – о, кстати, не забудь его, – а в конце концов приглашает на Хеллоуин! Я всегда говорю, Нейт: нужно доверять своей кишечной флоре. – Ткнув себя пальцем в живот, он подмигнул и добавил: – То есть прислушиваться к своему нутру. К инстинктам.

– Полностью с этим согласен, и спасибо. – Вернувшись бегом к стойке, Нейт – с превеликим смущением – забрал свой пистолет. Они попрощались.

³³ Пакман – популярный персонаж массовой культуры, первоначально герой японской игры для игровых автоматов; голова с огромным ртом, пожирающая точки в лабиринтах, ускользя от враждебных привидений.

И Нейт снова направился в темноту.

* * *

Возвращаясь обратно через лес, через ночную прохладу, Нейт без труда нашел тропинку – когда его глаза освоились, он разглядел за деревьями черный силуэт своего дома и направился к нему медленно, но верно.

По пути он увидел что-то на дереве...

Здоровенная сова, таких больших ему никогда не приходилось видеть. Огромная ушастая сова, судя по выступам на голове. Сначала птица полностью сливалась с деревом, казалась его частью. Затем взлетела, скрипя, треща, словно деревянная. Наверное, эти звуки издала ветка, подумал Нейт, провожая взглядом скрывающуюся в темноте крылатую хищницу.

16. Хрупкость

Октябрь.

Олли стоял у своего шкафчика, меняя учебники и тетради с биологии на геометрию. Коридор был полон учениками, переходившими из одного класса в другой. Они натыкались на Оливера и толкали его, как обычно.

Его захлестнуло черное чувство – не внутренняя, а внешняя волна эмоций. Она поднялась и обрушилась на него, и в этот самый момент что-то – нет, *кто-то* с силой толкнул его в спину. Оливер налетел на дверцу шкафчика, и некто, проходивший мимо, попытался захлопнуть ее. Все произошло очень быстро, и когда Оливер отпрянул назад и обернулся, смешки уже затихали.

Оливер успел заметить две знакомые фигуры, смешавшиеся с толпой. Грэм Лайонз и Алекс Амати. Оба пульсировали черной энергией. Злостью и болью.

У Лайонза два пальца все еще были в лангете.

– Что с тобой? – спросил подошедший Калэб.

Оливер заморгал, прогоняя слезы.

– Я... все в порядке.

– Все это ерунда, дружище. Не бери в голову.

– Да... я... точно. – Ему потребовалась целая минута, чтобы справиться со своими чувствами, грозившими придавить его. Внезапно он почувствовал себя прискорбно хрупким.

Оливер не хотел испытывать эти чувства. Сейчас было далеко не так плохо, как в тот день в его старой школе. Он больше не чувствовал себя совершенно одиноким. (И, по крайней мере, не обдулся.) Но почему-то Оливер по-прежнему чувствовал себя *лишним*. Усугубляло дело то, что его ненавидели такие люди, как Грэм Лайонз. Грэма Лайонза *любили*. Поэтому, раз Грэм его ненавидел, остальные, возможно, тоже ненавидели.

Но Кaleb, похоже, относился к нему хорошо. А это уже кое-что.

– Да пошел он! – сказал Кaleb. – Я рад, что он повредил палец.

– Насколько серьезно?

– Достаточно. Не знаю, сломана ли кость, но связки были в полной заднице, поэтому пришлось разрезать палец и, не знаю, сшить их, что ли... Это означает, что Грэм, скорее всего, не сможет тренироваться осенью, а если он не будет тренироваться осенью, ему, возможно, не дадут играть весной. Хотя... – Кaleb пожал плечами. – Как знать. К таким чувакам общие правила неприменимы.

– А почему он такой козел?

– Не знаю. Его отец тоже порядочный козел, так что, может быть, сынок просто упал недалеко от козлиного дерева.

– О.

– Ага. Ладно, после школы у меня кое-какие дела – нужно будет посидеть со своим маленьким глупым двоюродным

братом Регом. Но это всего на час. Разбежимся, а потом ты, может, где-нибудь через час прикатишь на велике ко мне домой? Поиграем в «Фортнайт» или в «Магию».

– Если честно, в «Фортнайте» я не ахти. – Оливера тревожило обилие оружия в игре. – Но если хочешь, я могу помочь тебе сидеть с малышом.

– Я спрашивал у своей тетки, и та просто панически боится «незнакомых подростков» рядом с братцем Регом. – Калёб понизил голос. – Особенно белых. Вы, белые, все до одного таскаете в школу оружие и все такое.

Оливер понял, что это шутка, и постарался изобразить смех, однако слова Калеба сразили его наповал. Внутри у него раскрутился страх – *возможно, в эту самую минуту убийца здесь, заходит в школу, пистолет у него за пазухой, и он начинает стрелять, мы все кричим, на стенах кровь, а на доске вышибленные мозги*, – затем его мысли перескочили на насильников, серийных убийц и продажных полицейских, и... и...

– Дружище, ты меня слушаешь? – спросил Калёб.

– Ой. Да. – Олли с трудом сглотнул комок в горле. Жилка у него на шее трепетала, словно попавшая в паутину муха. – Да, я загляну к тебе, и все будет замечательно. Ладно, я... э... должен идти на урок.

– И я тоже, дружище. Желаю тебе получить удовольствие от геометрии, пропади она пропадом!

Оливер катил на велосипеде по Черч-Вью-Лейн. Как выяснилось, Кaleb жил примерно в пяти милях от него: дом его семьи находился к северу от парка Рэмбл-Рокс, а дом Грейвзов – к югу, поэтому от одного до другого можно было легко добраться на велосипеде. Олли и Кaleb проводили вместе много времени. Иногда в компании со Стивенем, Чесси и Хиной, но по большей части просто вдвоем. Это помогало Оливеру не чувствовать себя таким одиноким. Таким хрупким.

Времени было около шести вечера. Солнце заходило за деревья, пропихивая сквозь ветви на дорогу полосы света, в которых кружились пылинки. Было еще тепло – хотя к этому времени октябрь уже должен был хрустеть морозами, словно новенькая долларовая бумажка. Стояла высокая влажность, обеспечившая такой плотный туман, что Оливеру казалось, будто он катит сквозь овсянку.

Изредка мимо проезжали машины. Движение здесь не было оживленным, но Оливер соблюдал осторожность.

Оставляя Рэмбл-Рокс слева, мальчик моргнул, очищая глаза от пота. Вдоль дороги тянулись грифельно-серые и сине-черные валуны, благодаря которым парк и получил свое

название³⁴. За деревьями виднелись целые поля таких же валунов. Они были самыми разными – огромные и поменьше, бочковатые и плоские, подобные первобытным созданиям, застывшим с незапамятных времен.

Послышался шум приближающейся машины – судя по низкому рокоту, внедорожника. Сбавив скорость, Оливер взял ближе к обочине, прямо к сточной канаве. Чтобы было проще разминуться.

У него из мыслей не выходил сегодняшний день: он чувствовал себя *хреново*. Его не покидала тревога. Постоянная. Чужая боль *обжигала* Оливера. Не давала ему дышать – словно это была его собственная боль, переполнявшая, сбивавшая с ног.

(Сейчас Оливер ощущал вибрацию нагоняющего его внедорожника своим копчиком, локтями, зубами. Рев дизеля становился громче.)

А доктор Нахид хотела, чтобы он себя так чувствовал, чтобы был полон сострадания – возможно, это и к лучшему, поскольку, как выразилась психотерапевт. «в нашем мире не хватает сострадания, Оливер». Но он сам этого *не хотел*. Не хотел чувствовать того, что чувствовал о других людях. Даже таких, как Грэм Лайонз. Оливер гадал, почему Грэм стал таким. Быть может, не вынес бремени славы звезды бейсбола? Может, у него нет прочного фундамента знаний, на ко-

³⁴ Ramble Rocks (*англ.*) – Бродячие Камни (почему Бродячие, будет объяснено в дальнейшем).

торый можно опереться, поэтому для него спорт – это все. А может, его отец и вправду козел, а эго Грэма подобно воздушному шару – раздутому, но внутри совершенно пустому. И Оливер чувствовал себя виновным – по-настоящему виновным в том, что Грэм повредил палец и...

Внедорожник, громяхая словно землетрясение, поравнялся с Оливером. Мальчик успел увидеть что-то красное, мелькнувшую тень – что-то устремилось к нему, и он лишь потом сообразил, что это рука. Рука с силой толкнула его в локоть. Не успев понять, что происходит, Оливер резко дернул руль вправо, сам не желая того, и переднее колесо велосипеда провалилось в канаву.

Оливер вскрикнул, теряя управление...

Колесо погнулось...

Окружающий мир перевернулся вверх ногами...

И Оливер со всего размаха свалился в канаву. Чавкнула грязная жижа, забиваясь ему в рот. Моргая и откашливаясь, Оливер неловко попытался встать и ощутил под лопаткой острую боль, будто там провернули отвертку. Ему удалось кое-как подняться на ноги. Он промок насквозь.

Позади валялся искореженный велосипед. Переднее колесо согнулось пополам, словно выброшенная пицца. Цепь слетела со звездочки.

– Черт! – пробормотал Оливер, чувствуя во рту затхлый привкус воды из канавы. Он сплюнул, отчаянно стараясь совладать с рвотными позывами. Вытер подбородок.

Обернувшись, увидел, что красный внедорожник остановился ярдах в пятидесяти впереди. Двигатель продолжал работать. На заднем стекле красовалась наклейка с американским флагом.

Оливер стоял в канаве. Его грудь вздымалась и опускалась.

«Кто это сделал? – гадал он. – Это произошло случайно?»
Или было сделано умышленно?

«Мне нужно бежать?»

Двигатель тархтел на холостых оборотах.

Пых-пых-пых.

Открылась правая дверь. Затем левая.

Из-за руля выбрался Алекс Амати. Из другой двери вылез Грэм Лайонз. Боль в обоих была черной – казалось, она перемещается между ними, подобно жидкому мраку, перетекающему от одного к другому и обратно. Оливер рассеянно отметил, что ничего подобного до сих пор не видел.

Мальчик не знал, как ему быть. Он был взбешен тем, как с ним поступили, – теперь у него не было никаких сомнений в том, что это произошло неслучайно. Но также ему было страшно. Оливер никогда не был крутым драчуном. В этом не было необходимости.

«Уноси ноги! – подумал он. – Разворачивайся и беги!»

Но велосипед... отец его убьет, если он просто бросит велосипед на дороге.

Выбравшись из канавы, Оливер встал на обочине.

– Вы меня едва не убили! – крикнул он. Голос у него надломился, словно он находился в стадии полового возмужания. Стыд красными бутонами вспыхнул на щеках.

Алекс и Грэм приближались.

– Я мог бы покалечиться... – «Возможно, это впереди».

У Алекса на лице застыла жестокая ухмылка. Грэм, напротив, оставался совершенно серьезен.

– Покалечиться? – повторил он, широко разводя руки, словно требуя от Оливера признать его главенствующую роль в этом мире. Поднял забинтованную кисть. – Это ты меня искалечил, козел! Меня отстранили от осенних игр. *Посадили на скамейку запасных!* – Последние четыре слова были произнесены с такими едва сдерживаемыми болью и яростью, что Оливер снова проникся к нему жалостью – и тотчас же выругал себя за это. Он почувствовал себя слабым, глупым и доверчивым.

И даже несмотря на все это, Оливер сказал:

– Я сожалею, что так получилось. Извини! – Он поднял руки, прося прощения. – Но... но ведь это ты подошел к нашему столу и...

– Сейчас мы отыщем тебя по полной, придурок! – процедил Алекс. Его руки, сжавшись в кулаки, висели по бокам подобно кувалдам. Он был переполнен яростью: сердце пульсировало огнем и черной кровью.

И тут Оливер понял.

Бежать.

Развернувшись, он рванул вперед. И сразу же ощутил новую боль в левой лодыжке, подобную лопнувшей гитарной струне, – наверное, она была обусловлена падением и вот запоздало проявила себя. Вскрикнув, Оливер продолжал бежать – бежать, бежать, бежать...

За спиной зазвучали тяжелые шаги по асфальту.

«Беги, беги, беги же, твою мать!»

Но он бежал слишком медленно. Что-то ударило его сбоку – кулак Алекса, сокрушивший шею подобно бейсбольной бите. Поперхнувшись, Оливер упал, но не вперед, а влево, снова скатившись в сырую канаву под злорадный хохот. Однако даже это продолжалось недолго. Свалившись в канаву, Оливер попытался встать, но Алекс обрушился на него, словно поваленное дерево.

Огромный кулак врезал Олли по почкам – один, два, три раза. Жах, жах, жах. Разлилась невыносимая боль, заполняя все тело, лишая конечности сил. Стиснув зубы, Оливер неуклюже ткнул локтем, и, к его удивлению, удар достиг цели. Алекс крикнул, тихо взвыл – и с новыми силами обрушился на противника. Оливер почувствовал, как рука грубо схватила его за затылок, вцепившись в прядь волос, и толкнула лицом вниз.

В жидкую грязь.

Все вокруг окрасилось в серо-бурый цвет. Оливер задержал дыхание, чувствуя, как его голову погружают все глубже в затхлую воду, в липкую грязь. Он попытался высвобод-

даться, опереться обо что-нибудь, но опоры не было. Кровь стучала в шее и висках медными тарелками. В крови метался страх. Оливер увидел обступившие его, как волчья стая, тени, и с тошнотворным головокружением нахлынула паника...

Он осознал:

«Они меня сейчас убьют. Я умру».

17. Спасение

Вуб-вуб.

Вуб-вуб.

Звук, пульсирующий в темноте. Губы у Оливера были плотно сжаты, и в глубоком колодце своего уха он слышал собственное сердцебиение, вуб-вуб, вуб-вуб, пока руки тени грозили увлечь его еще глубже под воду. А затем и другие звуки, похожие на голоса, проникающие сквозь полдесятка стен, под одеяло, за резиновую занавеску – вомп-вомп, тамп-томп, и все это время сердце продолжало стучать:

Вуб-вуб.

Вуб-вуб.

Рука, державшая голову Оливера, внезапно исчезла. Вместе с ней и давление. Он был свободен.

Оливер выдернул голову из грязи и жижи. Сделал долгий, глубокий вдох. Приподнялся на руках, уселся на корточках, втягивая большие глотки воздуха и снова стараясь сдерживать рвоту, и еще сильнее стараясь сдерживать слезы. Развернувшись, он боком выкарабкался на четвереньках из канавы – и голоса, звучавшие сквозь толщу воды, теперь стали громкими и отчетливыми. Это говорили Грэм и Алекс. Нет. *Ссорились.*

– ... едва его не убил, – прорычал Грэм, делая красноречивый жест: «Ты что, охренел?»

– И что с того, твою мать? – бросил в ответ Алекс.

– Что с того? Козлина ты! Мы собирались лишь припугнуть его, а не отправлять в гроб! Думаешь, херово весь сезон просидеть на скамейке запасных, да? А как насчет тюряги, долбаный кретин?!

Алекс стоял, разинув рот. Пытаясь все осмыслить – медленно, слишком медленно, будто его рот был подключен к мозгу через очень плохой вай-фай.

– Господи, да заткнись же; извини, но я... – У него на лице последовательно сменяли друг друга бешеная ярость, смятение и сожаление. «Алекс Амати, – рассеянно отметил Оливер, – конченный идиот».

И тут взгляд Грэма метнулся, не на Оливера, а ему за спину.

Он уставился на что-то.

Нет, на *кого-то*.

– Кто это? – тихо спросил Грэм.

Алекс обернулся.

И вдруг, прежде чем Оливер тоже смог посмотреть, Алекс дернулся и вскрикнул, а на лбу у него распустился маленький кровавый цветок.

18. Джейк

Алекс Амати закричал, ударяя себя ладонью по лбу, словно пытаясь раздавить пчелу. Его руки стали скользкими и красными.

– Какого хрена, ты!.. – Грэм бросился вперед, но тут раздался негромкий пневматический хлопок, и он взвыл, рывком опуская голову к плечу. Попятившись назад, схватился за ухо. И только тут Оливер наконец выбрался из канавы и увидел, кто приближался к ним...

Какой-то молодой парень, может, всего на несколько лет постарше Олли, неспешно шел по дороге. Черная футболка с изображением электрического стула на ней. Потрепанные, вытертые джинсы. Спутанные космы непокорных волос. Лицо, буквально сплошь испещренное шрамами. Левый глаз, спрятанный в гнезде рубцовой ткани, не того же цвета, что правый. Впрочем, этот цвет менялся в зависимости от того, как на него смотреть. От голубого через зеленый к желтому и обратно.

Однако все это быстро отступило на задний план, когда Оливер разглядел, *что* странный незнакомец держал в руке: Здоровенный пистолет с длинным стволом.

Кровь бурной рекой ударила Оливеру в уши. Вот оно. Происходит прямо у него на глазах: молодой парень с пистолетом. Не в школе, не в супермаркете, не на концерте, а

прямо здесь, на дороге. Оливер попытался вспомнить что-нибудь, хоть что-нибудь из уроков по безопасности – куда бежать, что делать, – но все эти знания потонули в грязной жиже, заполнившей его голову.

Одноглазый тип снова нажал на спусковой крючок.

Выстрел получился не громким – не «бах».

Просто хлопок – «пуф».

И не один. Парень нажимал на спуск снова и снова.

Какого хрена?..

У Грэма и Алекса был такой вид, словно на них напал осиный рой, – они судорожно дергались, кричали, хлопали себя по телу. На коже у них появлялись все новые капельки крови, стекающие вниз, – на руках, на ключицах; капли просачивались сквозь белую футболку Алекса. И Грэм продолжал зажимать ухо.

Наконец оба приятеля, признав свое поражение, развернулись и бросились к машине. Нападавший продолжал стрелять – не в них, а по внедорожнику. Что-то ударило в задний бампер – дзинь, дзинь. Задние колеса закрутились, разбрасывая щебенку, нашли сцепление – и машина рванула вперед и понеслась по дороге, спасаясь бегством.

Оливер выпрямился. С него текла вода. В висках стучала кровь.

Незнакомец не двинулся с места, долговязый и тощий, словно плащ на вешалке. Он сделал жест головой, спрашивая без слов: «Что тут произошло?»

Оливер понятия не имел, что сказать. Поблагодарить? Попросить: «Пожалуйста, не стреляйте в меня»? Поинтересоваться, какого хрена он тут устроил? Сказать, что это было просто здорово?

– Привет, чувак! – сказал незнакомец.

– Привет, – тихим испуганным голосом ответил Оливер. С него по-прежнему капало, и он начал выжимать грязную воду из рукавов.

– Велик твой знатно раскурочен, – заметил парень.

– Да уж.

Незнакомец усмехнулся по-лисий. Странный глаз уставился на Оливера лазерным лучом. Его цвет не поддавался описанию – голубой? зеленый? карий?.. кстати, а карий – это какой?

– Все в порядке, – сказал парень, заметив его внимание. – Я им прекрасно вижу. – Он рассмеялся. – На самом деле им я вижу *лучше*, чем другим.

– О, – сказал Оливер.

И тут он заметил кое-что еще.

Этот парень...

Он был чистой доской. Лишенный боли, непременно у всех остальных. Ни страданий, ни страха, ни тревоги. Никакого мрака, клубящегося, вытекающего наружу, пульсирующего подобно черной дыре.

Оливер до сих пор не встречал никого, *абсолютно* никого, у кого не было бы боли.

– Мог бы сказать спасибо, – сказал парень.

– Ты их расстрелял.

Парень показал свой пистолет – что-то времен Второй мировой, а может, из какой-нибудь стрелялки. Большой, громоздкий.

– И что? Успокойся, это всего лишь пневматика. Ничего с ними не будет.

– Ого. – Оливер моргнул. – Спасибо.

– Этот долбаный козел собирался тебя утопить.

Оливеру наконец удалось выбраться из оцепенения. Нахлынули воспоминания, и вместе с ними лихорадочная дрожь, словно он только что выбрался из ледяной воды. Даже несмотря на жару, его охватил озноб...

И бешеная ярость.

– Да. Алекс Амати. – Оливера передернуло. – Та еще сволочь!

Незнакомец засунул пистолет за пояс джинсов и натянул поверх футболку.

– Кстати, а с какой стати эти придурки решили из тебя душу вытрясти? Ну, помимо очевидного: им просто захотелось над кем-нибудь поиздеваться. Мне показалось, тут что-то личное.

У Оливера не было настроения выкладывать все как есть – поэтому он просто сказал:

– Просто они из тех, кто свернет с дороги, чтобы раздавить черепаху.

– Значит, ты и есть черепаха?

– Я... нет. Не знаю. Я просто хотел сказать, что они долбаные козлы.

– Долбаные козлы, это точно. – Шагнув вперед, незнакомец протянул кулак, предлагая ударить по нему. – Кстати, я Джейк.

– Оливер. Олли.

Они стукнулись кулаками.

– Слушай, я как раз направлялся в парк, собирался... даже не знаю, курнуть «травки». Хотя у меня есть и таблетки – вайк, окси, ксанни...³⁵

– Что? Нет. Нет, я... э... – Оливер почувствовал, что это будет совсем не круто, но все же сказал: – Знаешь, я... ну... не занимаюсь этим. То есть как-то раз выпил спиртное. Пару раз. Несколько. – Это была правда, отчасти. Однажды, когда они были на стадионе на бейсбольном матче, родители заказали ему безалкогольный коктейль, но глупый бармен добавил туда бухло – скорее всего, водку. Оливер опьянел – ему тогда было шесть лет. Наверное, это было то еще зрелище – надрывшийся шестилетний мальчик. В него тыкали пальцем и разводили руками. Мать потом сказала, что он вел себя как раздраженный грузчик, заплетающимся языком жалующийся на тяжелую работу в порту.

³⁵ Сленговые названия обезболивающих-опиоидов викодина и оксикодона и транквилизатора ксанакса, активно употребляющихся в целях, далеких от медицинских.

– Классно, классно, – сказал Джейк. – Живешь поблизости?

– Ну... да, в паре миль в ту сторону.

– Точно. А я в противоположную. Знаешь Эмералд-Эйкерс? Площадку жилых трейлеров?

– А то как же, – солгал Оливер. Он не смог бы объяснить почему. Это было все равно что посмеяться над анекдотом, который не понял, – люди поступают так сплошь и рядом.

– Так я живу там со своей теткой.

– О, классно.

– Ничего классного в этом нет, – рассмеялся Джейк. – Полное дерьмо. Один наш сосед – торчок, другой – самый настоящий нацист-фурри³⁶... и это уже чересчур, твою мать.

Оливер скорчил гримасу, но рассмеялся, потому что это *действительно* уже чересчур.

– Какого зверя он изображает?

– Ну, одевается он так же, как все ему подобные – каким-то то ли волком, то ли лисой, – но на руке нацистская повязка и все такое. Уверен, они устраивают оргии: раз в две недели приходят сотоварищи, и его трейлер раскачивается, словно лодка в океане. Гребаные порноэсэсовцы!

И вот теперь Оливер *искренне* рассмеялся, и ему стало так хорошо оттого, что он просто... выпустил все из себя. Это

³⁶ Фурри (*англ.* furry – мохнатый) – сообщество испытывающих увлечение образами антропоморфных животных, преимущественно хищников с густой шерстью; зачастую это увлечение выражается в ношении соответствующих костюмов и использование их в ролевых играх, в т. ч. сексуального характера.

не стерло воспоминания о случившемся, но Оливер почувствовал себя так, будто его поставили на ноги, почистили и вернули в рабочее состояние. Будто ветер и солнце прогнали туман с берега.

– Дурдом какой-то, – сказал Олли, чувствуя, как его смех выдыхается.

– Вот в таком долбаном мире мы живем, приятель, – усмехнулся Джейк.

– Ага.

– Слушай, а ты, похоже, клевый чувак.

– Ой. Ох. Спасибо.

– Я здесь новенький...

– Что? Я тоже новенький! – Услышав в своем голосе восторг, Оливер ощутил себя глупым щенком и постарался умерить чувства, добавив немного нот «какая на хрен разница». – То есть зашибись, классно.

– Нам нужно будет как-нибудь встретиться, зависнуть...

– Да. – Оливер совсем не был в этом уверен. Этот парень нисколько не был похож на него; у них не было ничего общего. Оливер определенно не собирался отправляться в парк глотать таблетки, и он не стал бы разгуливать с пневмооружием. И все-таки Джейк ему понравился. И он спас его от Амати и Лайонза, что само по себе уже немало. – Я подумаю. Кстати, не видел тебя в школе.

– Мне уже восемнадцать, – рассмеялся Джейк. – Получил аттестат и послал учебу к такой-то матери. Школа для меня

закончилась.

– Круто!

– Круто, если ты ничего не имеешь против того, что никто не хочет брать тебя на работу, поскольку работы нет.

– О.

– Как я уже сказал, таков наш мир. Лажа!.. Ладно, забей мой номер в свой телефон.

– Хорошо, сейчас. – Оливер достал из кармана телефон и...

Экран глючил. Точки и краски расплывались.

Ну конечно, *ведь он только что искупал его.*

– Черт! – пробормотал Оливер. – Нет, нет, нет, ну же! – Сначала велик, теперь телефон? Он труп. Дважды труп. Оливер постучал по экрану пальцем, но стало только хуже, словно зависла древняя компьютерная игра.

– Так, дай-ка мне. – Забрав телефон у Оливера, Джейк нажал кнопки сбоку, верхнюю, нижнюю, затем обе сразу – и через пять секунд экран полностью погас.

– Эй...

– погоди, не торопись. – Джейк снова включил телефон, и...

Победа! Телефон опять заработал как новый.

– Как ты это сделал?

– Иногда, если что-то действительно сломалось, нужна полная перезагрузка. Сброс или как там. Отключить все на хрен, чтобы вернуть к жизни.

Оливер облегченно вздохнул. Этот день был подобен катанию на скоростных горках.

– Спасибо.

– Когда вернешься домой, не клади телефон в рисовую крупу, как советуют. Это полная ерунда. Возьми поглотитель влаги – такие используются, например, когда нужно просушить сырой погреб. Положи поглотитель влаги и телефон в полиэтиленовый пакет и оставь на сутки. Станет как новый.

– Спасибо. – Оливер улыбнулся. – Я рад, что познакомился с тобой.

Какой большой загадкой был его новый знакомый!

Он был вопросительным знаком, а не точкой.

Это же круто?

– И я тоже рад, Олли, что познакомился с тобой. – Улыбнувшись, Джейк забил в телефон Оливера свой номер. – Думаю, мы с тобой станем хорошими друзьями. Может быть, даже лучшими друзьями, как знать... А теперь давай оттащим твой велик домой.

19. Ступор

– Это все потому, что ты не работаешь, – сказала Труди Брин. Они сидели во внутреннем дворике «Акварелей», небольшого вегетарианского заведения, – его предложила Брин. (Мэдди знала, что вегетарианство является этическим выбором современного мира. Она также знала, какой замечательный вкус у гамбургера. Эта война в ней не прекращалась ни на минуту.) Труди – *Гертруда* для всех, кто не был знаком с ней близко, – заведовала художественной галереей в полчаса езды к югу отсюда, прямо на реке Делавэр, в Нью-Хоуп. – Вот в чем твоя беда.

– Я работаю, – возразила Мэдди.

– Мм-гмм. – Подавшись вперед, Труди воззрилась на нее сквозь гротескно большие очки. Ее губы вытянулись в прямую линию, образовав сверху и снизу резкие морщинки, как на подложке капкейка – красноречивые признаки бывшего курильщика. Своим хриплым голосом она также была обязана исключительно этой прежней привычке. – Мэдди, ты сама только что сказала мне, что ни над чем не работала с тех самых пор, как вы переехали.

«После совы...»

– И также сказала, что была занята обустройством мастерской. Чтобы работать, мне нужно *место*, где работать. – Мэдди рассмеялась, пусть и невесело. – В этом весь смысл

моего переезда сюда.

– Я полагала, ты хотела вытащить сына и мужа из города.

– Ну...

– Может, тут дело не в тебе. Может, и никогда не было в тебе.

– Труди! – предостерегающим тоном произнесла Мэдди.

– Твои произведения правда твои?

При этих словах Мэдди поежилась. Не смогла удержаться. Мысленно она услышала – и *почувствовала* – над головой шум крыльев.

Тревога тяжелой гирей провалилась ей в желудок. Теперь Мэдди гадала: правильно ли они сделали, что переехали? Нейт вел себя странно. Вставал среди ночи и смотрел в окно. Не далее как сегодня утром Мэдди увидела, что он вытащил ящик с оружием – к счастью, тот был закрыт и заперт. Мэдди спросила у мужа, в чем дело, и тот ответил, мол, ничего страшного, пустяки. Однако сегодня утром его босые ноги были грязными. И после того как Нейт уехал на работу, а Оливер отправился в школу, Мэдди обнаружила внизу следы грязных ног.

Ну а Оливер...

Он стал более скрытным с тех пор, как они переехали. Мэдди убеждала себя в том, что это нормально: мальчик привыкал к новой школе и новому распорядку, к тому же он сейчас в том самом возрасте дичайших эмоциональных качелей: сегодня хочется лечь и умереть, завтра шило в задни-

це... и все-таки тревожно. Олли всегда был общительным с родителями и не чурался ласки – никогда не сопротивлялся, когда его обнимали, и сам просил об этом, если нужно. Но сейчас словно захлопнулась какая-то невидимая дверь, отделившая их. Можно по-прежнему разговаривать через щели и замочную скважину, но это уже совсем не то.

– Ладно, не бери в голову, – вдруг сказала Труди. – Тебе нужно работать – вот в чем проблема.

– Знаю, и я буду работать.

– Точно?

– Буду! Буду!

– Вот почему ты предложила мне пообедать вместе.

– И почему же?

Уронив подбородок, Труди сдвинула свои здоровенные очки на самый кончик носа-клюва, чтобы смотреть поверх них.

– Мэдс, я для художников как заклинительница. Ты прекрасно это знаешь. Я – духовный проводник и нужна, чтобы разблокировать тебя. Дать психоартистическое слабительное. Что бы это ни было, тут не просто «о, я слишком занята!». Это не про тебя. Что-то случилось. – Взгляд Труди был подобен двум сверлам, проникающим все глубже внутрь. Она резко кивнула, словно наконец до всего дошла. – Так, вот оно. Вот в чем дело. Ты чего-то боишься.

– Боюсь? Чего? Кого?

Труди подозрительно прищурилась:

– Боишься создавать произведения.

Внешне Мэдди рассмеялась и презрительно фыркнула.

Внутри она подумала: «Черт возьми, как она догадалась?»

Потому что это правда. Время от времени Мэдди подступала к работе, говорила себе: «Поработаю всего минут десять, может, двадцать, просто чтобы войти во вкус, чтобы приложить руку к чему-нибудь и изменить материал, изменить хоть как-то». Однако всякий раз глохла, как двигатель в сильный мороз. Начинала задыхаться. Ей казалось, будто за ушами скапливается горячая кровь. Какой-то абсурд. *Безумие.*

Всякий раз Мэдди вспоминала, как потеряла контроль над собой. Отключилась. Выпиленная сова *исчезла*. И опять это крадущееся подозрение, что такое уже случалось прежде.

Боязнь создавать произведения. Или боязнь того, кто их создает?

– В художественном процессе есть что-то такое, что вселяет в тебя страх, – продолжала Труди, изображая левой рукой в воздухе что-то вроде трепещущей бабочки. – В чем дело, сказать не могу. Я не экстрасенс. Быть может, ты наткнулась на чужую боль. Или нашла что-то внутри себя. – Помолчав, она добавила заговорщическим тоном: – Если нужно, я знаю одну экстрасенсшу. Очень приятная дама. Вообще немного шизанутая, но очень приятная.

– Странная ты какая-то. И ты не права. – Подумав немного, Мэдди добавила: – И у меня нет желания говорить с тво-

ей вот этой вот. Господи!

– Чудесно. В таком случае тебе нужна капсула.

– Капсула?

– Камера сенсорной депривации³⁷. Это почти так же здорово, как ЛСД.

– А... ха... да... нет... я не собираюсь...

Мэдди не закончила свою мысль, поскольку их прервала официантка, спросившая, решили ли они наконец, что будут заказывать.

– Извините, – пробормотала Мэдс. – Я не могу... не знаю... я не смотрела меню. Можно еще минуточку?

Кивнув, официантка удалилась. Мэдди уставилась в меню. Она видела слова, но не понимала их смысла. Поколебавшись, спросила у Труди:

– А ты сама когда-нибудь была художником?

– Пффф! – Труди махнула рукой. – Боже, нет. Я чувствую искусство, когда его вижу, но сама не творю. Одни люди – создатели, другие – вампиры, и я отношусь к последним. Мы жиреем на *ваших* идеях и вдохновении. Я же лишь *очаровательный* ленточный червь, дорогая...

– Но ты знакома со многими художниками.

– Разумеется.

– У них когда-нибудь бывают... – Как бы спросить об этом получше? – У них когда-нибудь бывают обострения?

³⁷ Сенсорная депривация – изоляция центральной нервной системы путем блокировки воздействий на органы чувств, а также ее последствия.

– Обострения?

– Ну, нервные срывы.

Труди издала резкий, слишком громкий смешок.

– Нервные срывы? У художников? Это все равно что спросить у человека, чесался ли он когда-либо на людях. У вас, творческих натур, это, дорогая, встречается так же часто, как шоколад и арахисовая паста в холодильниках. – Она понизила голос. – Но по тебе этого не скажешь. Ты всегда такая... *собранная*. Что позволяет предположить: когда ты рассыплешься на части, это будет нечто зрелищное.

– Не заигрывай со мной.

(Труди была лесбиянкой и порой просто невыносимо флиртовала.)

– А я и не заигрываю. Я на диете без углеводов, и ты для меня в этом смысле – мучное. Просто хочу сказать – человек, застегнутый так туго, вероятно, *лопнет*, если на него надавить слишком сильно. Не хочешь поведать, что стряслось?

– Нет-нет, ничего...

– Что-то случилось. Пожалуйста, прекрати глупости. Выкладывай все начистоту.

– Я... я кое-что сделала.

– Кое-что. Что именно?

– Сову.

– Сову? – Труди скорчила гримасу. – Как тривиально.

– Нет... То есть да, но мне показалось, это будет замечательно, и...

– И что потом?

– Я купила бензопилу, выпилила эту сову – и в какой-то момент просто... – Мэдди перешла на шепот, хотя во дворике, кроме них двоих, больше никого не было. – *Просто вырубилась, твою мать.*

– В смысле – слишком много таблеток, и жаж?

– Нет. Никаких таблеток. Отключилась. Потеряла сознание, но *продолжала делать сову.*

– Работающей бензопилой.

– Да, работающей бензопилой.

– О, дорогая, тебе повезло, что ты не отпилила себе руку! – Труды широко раскрыла глаза. – Бензопилы прямо-таки жаждут крови. У меня есть один знакомый, знающий толк в деревьях, – теперь, когда ты живешь в лесу, тебе такой весьма пригодится, – он ботаник, знаешь ли, зовут Пит. И у него был помощник, такой маленький тип со смешными усиками, хотя с бензопилой он умел обращаться... так вот, однажды вуф! пила наткнулась на сучок в старом дубе и отскочила назад, словно испугавшаяся лошадь, и попала ему прямо сюда. – Она постучала себя по лбу. – Нос не задела, но попала прямо в кость. Повсюду кровяца, как в фильме ужасов, точно тебе говорю. Страшная штука эти бензопилы.

– Об этом я даже не думала. – Мэдди решила не упоминать про последнюю часть: «А когда я очнулась, сова, которую я выпилила, исчезла».

Труды молча пожала плечами.

– Итак, – спросила Мэдди, – что мне на хрен делать?

– Что тебе делать? Делай, что должна.

– Предлагаешь проверить здоровье? – сказала Мэдди,

предвидя ответ.

– Что? – рявкнула Трудди. – Нет. Дорогая, ты в отличной форме, только посмотри на себя! Проблема не в теле. А в голове.

– Значит, психотерапевт.

– Нет, нет и еще раз нет! Лучший психотерапевт – искусство. Возвращайся к работе, Мэдди. *Возвращайся к работе.*

20. Убийца найден

Именно так Мэдди и поступила. Задвинув страхи подальше, принялась за работу.

Перед ней стоял полуразвалившийся прогнивший деревянный ящик. Содержимое? Всякий хлам. Мусор прямо со свалки, чистейшей пробы. Металлическое барахло, детали машин и так далее: корпус старого стоп-сигнала без стекла, ржавая банка из-под кофе с болтами, гайками и винтами со сношенной резьбой, ручка от дверцы стиральной машины... Мэдди набрала все это по дороге домой, возвращаясь с обеда вместе с Труди. Остановилась у старой свалки, провела там несколько часов, купила ящик отборного хлама и вот сейчас, вернувшись в мастерскую, была готова что-нибудь сотворить.

Мэдди опустила на лицо маску сварщика. Погрузившись в темноту, она ощутила внезапный приступ головокружения. Мир попытался ускользнуть прочь, закрутившись влево, но Мэдди твердо расставила ноги, напрягаясь, словно при родах, и...

Головокружение прошло.

И Мэдди принялась за работу. Во все стороны брызнули искры, оставляя в воздухе жженные черточки. Затем она сняла маску и принялась стучать молотком. Гнуть проволоку плоскогубцами. И водить паяльником. Мэдди сама не могла

сказать, *что* делает, – она просто отключила мозг, давая рукам работать.

Прошло много, очень много времени, прежде чем Мэдди поняла, что создает лицо.

Не лицо даже, скорее...

Целую голову, черт побери. Да еще с шеей, плечами и одной вытянутой рукой – сделанной из арматурного стержня, с артериями из проводов в разноцветной изоляционной оплетке и кожей, состоящей из осколков разбитой приборной панели. Мэдди не знала, почему работа привела ее именно сюда; она полностью отдалась течению, не заботясь о поджидающей впереди стремнине.

Наконец Мэдди отошла от своего творения. Быстрый взгляд на экран маленького цифрового будильника на верстаке показал, что уже совсем скоро ее близкие вернутся домой.

«Надо приготовить ужин», – подумала Мэдди.

Она еще раз окинула взглядом то, что сделала. Работа оставалась незаконченной, это было ясно, хотя иногда незаконченная работа выглядела завершенной. Мэдди увидела голову, шею, вытянутую руку – и, разумеется, лицо. Это было все равно что смотреть на автостереограмму, картинку с визуальным шумом, который внезапно сливается в истинное изображение (дельфина, единорога, кого там еще)...

«Я знаю это лицо».

Знакомое.

Тошнота захлестнула ее штормовой волной.

И тут лицо из металла и пластика подмигнуло. Подалось вперед, скрипя и треща шейей, мертвый взгляд упал на Мэдди, а вытянутая рука потянулась к ее горлу.

Мэдди закричала.

21. Провалившийся в трещину³⁸

Мэдди отпрянула назад, прочь от тянущейся к ней руки. Промахнувшись мимо горла, рука схватила ее за ворот рубашки, рывком привлекая к себе. Творение было намертво закреплено на верстаке в больших тяжелых тисках, и Мэдди тщетно пыталась сдвинуть его. Вцепившись в его руку, она потянула ее на себя, заламывая, но творение все равно не двинулось. В голове у нее лихорадочно носились мысли, и каждая усиливала приступ паники:

Я знаю этого человека.

Я его уже видела.

Я знаю, как его зовут.

Твою мать, что происходит?

Этого не может быть.

Этого просто не может быть!

Голова тянулась к Мэдди, вытягивая шею, длинную, слишком длинную, длиннее, чем она ее сделала; единственный красный глаз – стоп-сигнал, дикий, безумный, пристально смотрел на нее. Металлические губы скривились в жуткой усмешке, все лицо превратилось в сплошную гримасу, кожа из пластика приборной панели потрескалась, словно подго-

³⁸ Обыгрываются оба значения английского выражения «fall between (through) the cracks» («провалиться в трещину»), буквальное (важное для дальнейшего повествования) и переносное – «исчезнуть из поля зрения».

ревшая карамельная корочка – крркт! – это была гримаса первобытной ярости.

– Д-д-д-девочка, – прошипело творение, – я тебя з-з-з-з-знаю! Ты у-у-у-у-крала мой номер п-п-п-пя-а-а-ать, мерз-с-с-с-кая с-с-сучка!..

Вытянув руку, Мэдди нащупала край верстака...

И ее пальцы, подобно лапкам паука, хватающего добычу, стиснули рукоятку бучарды – молотка, один боек которого состоял из рядов пирамидальных выступов, призванных придавать текстуру камню, дереву или бетону.

Что есть силы Мэдди обрушила молоток на голову творения.

Глаз – стоп-сигнал разбился вдребезги. Красные пластиковые осколки упали на пол.

– Где я-а-а? К-какой это мир? КАКОЙ НОМЕР У ЭТОГО МИРА-А-А-А-А-А...

Мэдди снова и снова опускала молоток, и голова судорожно дергалась под градом ударов. Металл смялся. Рот вывалился наружу. Скрюченные металлические пальцы, сделанные из концов отверток и пучков сплетенной проволоки, обмякли, и Мэдди высвободила ворот рубашки, порванный, из мертвой хватки.

Существо было мертво. Голова безвольно поникла, словно у отключенного робота.

Пожалуй, неправильно называть это «существом», ведь так?

Да, неправильно. Это был человек. Мэдди узнала его лицо, хотя даже не догадывалась, что знает его.

– Эдмунд Риз, – произнесла Мэдди вслух, ожидая, *опасаясь*, что при звуках своего имени творение оживет снова. Однако оно даже не шелохнулось.

Мэдди понятия не имела, *что* сейчас произошло. Однако вот уже второй раз – два из двух – она сделала что-то и потеряла над этим контроль.

Что хуже всего, на этот раз произведение попыталось *убить* своего создателя.

22. Гнездовые паразиты и египетские реки³⁹

День тянулся долго. Работа в самом подлинном смысле, изнурительный путь сквозь бескрайнее болото бумаг. Но все же Нейт немного гордился тем, что наконец втянулся в нее. Даже Фига больше не вел себя так, словно Нейт украл у него что-то. А еще сказал:

– А ты, оказывается, не желтушник.

– Не желтушник? – недоуменно спросил Нейт.

– Ага. Трупиал, воловья птица. Такие гнездовые паразиты. – Фига имел в виду, что трупиал откладывает яйца в гнездо другой птицы, заставляя ту их высидывать. Однако дело не сводится к вынужденному усыновлению: трупиал, прежде чем отложить свои яйца, нередко разбивает клювом чужие... или просто выбрасывает их из гнезда, чтобы освободить место для своих собственных.

– Так вот, значит, как ты меня воспринимал?

– Ну, сам понимаешь. Кто-то подбросил тебя в чужое

³⁹ Скорее всего, вторая часть названия главы обыгрывает английскую идиому «denial is not (just) a river in Egypt» (букв. «отрицание – не (просто) река в Египте»), в свою очередь являющуюся обыгрывшем (по созвучию) фразы «The Nile is not just a river in Egypt» («Для египтян Нил – не просто река»); идиома является средством показать кому-то, что он (осознанно или неосознанно) отрицает нечто очевидное (и, как правило, неприятное для себя) – с намеком, что лучше все-таки это признать.

гнездо... Ничего не хочу сказать, просто...

– Значит, теперь я свой?

– Возможно, – рассмеялся Фига. – *Возможно.*

– Ты очень мил.

– Мил, как солнечный денек, помни это.

– Слушай, позволь спросить: если ты обнаружишь в гнезде яйцо желтушника, выбросишь? Или оставишь?

Фига задумчиво уставился поверх регистрационного журнала. У него на лице появилось озабоченное выражение.

– Закон в этом вопросе совершенно четок. Как и наука. Это явление природы, трупиал всегда делает так, поэтому нужно оставить все как есть. – Но, прищурившись, он добавил: – С другой стороны, это делается ради победы в борьбе за ресурсы. А недостатка в них нет. Найдя трупиаловы яйца в своем гнезде, я взбесился бы. Так что если ты о моем личном решении, а не о законе великого Содружества⁴⁰ Пенсильвания, то я скажу: разбить на хрен эти яйца.

– Справедливо. Спасибо за то, что поломал вместе со мной голову над этической проблемой.

– Ну да, ну да... Ладно, Нейт, отправляйся домой.

Они попрощались, и Нейт вышел на улицу. Отраднo было то, что их отношения с Фигой заметно потеплели – особенно после того, как он пригласил его в гости на Хеллоуин. И все-таки это уютное тепло отступало на задний план, по мере то-

⁴⁰ Содружество – официальное наименование четырех восточных штатов США, включая Пенсильванию.

го как Нейт приближался к дому. Помимо воли он заводился все больше и больше. Что-то тревожило его, подобно инструменту дантиста в зубе.

Возникло какое-то ощущение – странное, чуждое, чувство неуверенности, паники.

Как будто что-то *сломалось*.

Испортилось. Разладилось. *Сдало*.

Нейт не мог взять в толк, в чем дело. Подобно птице, понимающей, что с одним яйцом что-то не так, он просто чувствовал какое-то изменение. Что-то надломилось или отошло. Лопнуло. *Накрылось*. Это было очень раздражающее ощущение, и за ним ничего не стояло. Нейт не мог ни на что указать. Да, работа в Охоте и рыболовстве означала иметь дело с большим количеством новостей о климатических изменениях, и все эти новости были плохими. А Северная Корея снова бряцала оружием, угрожая ядерными ракетами. А еще русские хакеры, массовые расстрелы, эпидемия гриппа и так далее и так далее. Включишь выпуск новостей – и вместо фонтанчика воды прямо в лицо хлынет струя из канализации, с таким расчетом, чтобы ты успел проглотить как можно больше, прежде чем сблешь. Вот почему они держали Олли подальше от новостей, от *любых* новостей: столкнувшись с ними, мальчишка как в яму проваливался. В бездонную яму – падал, падал и падал.

Но Нейт также повторял себе, что таким мир был всегда. И новости никогда не были хорошими. В его детстве были

страхи ядерной зимы, кислотных дождей и похитителей-сатанистов. Но даже это лучше того, что досталось предыдущим поколениям: Вьетнам, две мировые войны, грипп-испанка. Господи, в американской истории был период, когда японцев помещали в концентрационные лагеря, когда, перед Второй мировой, нацизм в Соединенных Штатах поднял голову, когда женщины были лишены права голоса, когда негры не только не имели никакой собственности, но сами принадлежали кому-то, как скот или мебель. Задолго до этого были Помпеи, Черная смерть и крестовые походы. И дальше вниз по спирали.

Теперь было лучше. Мир стал лучше. Так должно было произойти.

Определенно, Нейту сейчас было лучше, чем тем, кто жил до него. Его отец... Как лучше сказать? Возможно, страдал биполярным расстройством. Точно – алкоголизмом. Регулярно лупил своего сына. Жену, мать Нейта, лупил гораздо реже, но когда лупил, то значительно крепче.

Однако Нейт не такой. Все, что на него сваливается, он держит в себе. Сам он нередко представлял себе дамбу. Все дерьмо, все издевательства, все прошлое, то, что было в нем благодаря природе и воспитанию, образует черное мутное бушующее море. А он сдерживает его в себе. Не позволяет выплеснуться, удерживая высокой психической стеной, дамбой, заботясь, чтобы оно никогда не захлестнуло его семью.

У него все хорошо, говорил себе Нейт. В мире все *замечательно*. Все гораздо лучше прежнего.

И все-таки...

И все-таки...

Откуда это ощущение, будто что-то сломалось? Будто где-то в самой глубине механизма отлетела шестеренка, и это заметят только тогда, когда будет уже слишком поздно? Сломался мир? Или он сам?

* * *

Остановившись перед домом, Нейт вышел из машины и захватил судок для обеда и свитер – который сегодня не понадобился, так как день выдался не по-октябрьски жарким. Жена шла по дорожке. Ворот ее рубашки был разорван.

– Эй, Мэдс! – окликнул Нейт. – Как дела?

Но Мэдди прошла мимо, заметно измученная, не обратив на него внимания.

– Замечательно, да, замечательно. Сейчас начинаю готовить ужин.

– Что-то стряслось? – встревоженно спросил Нейт, направляясь следом за ней.

– Неприятность в мастерской. – Прежде чем он успел спросить, она бросила через плечо: – Ничего серьезного, не бери в голову.

Затем Нейт услышал за спиной шум – скрежет и грохот.

Обернувшись, он увидел сына, тащившего велосипед. Переднее колесо было погнуто к чертям.

Оливер был не один.

Вместе с ним шел еще один парень. Долговязый, худой, словно койот в человеческом обличье. Самым примечательным был один его глаз, запрятанный в складках рубцовой ткани.

Бросив свои вещи, Нейт поспешил навстречу Оливеру.

– Что случилось? – спросил он. – Твой велик... твоя одежда...

– Все в порядке, – отрезал Оливер. – Знаю, сейчас ты всыплешь мне по полной, потому что я был без шлема, и я обещаю, что в следующий раз обязательно его надену, и я знаю, что нужно быть внимательнее...

– Так, так, – сказал Нейт, кладя руку на плечо сына. Они остановились. – Я просто рад, что ты цел и невредим.

Оливер недоуменно заморгал, немного расслабляясь.

– Спасибо, папа. Это Джейк. Джейк... он мне помог.

– Привет, Джейк, – поздоровался Нейт со вторым мальчишкой. Впрочем, называть его мальчишкой было не совсем верно – он был на пару лет старше Олли. Главная загадка заключалась в том, почему этот парень показался таким знакомым? Нейт был уверен в том, что где-то уже встречался с ним. А может, просто видел его в городе? Может, знал его родителей, когда жил здесь? Этот вопрос не давал Нейту покоя.

– Здравствуйте, – сказал Джейк. Он окинул Нейта взглядом. Зубы у него были стиснуты, будто он на кого-то злился. – Кстати, ваш сын ни в чем не виноват. Два придурка столкнули его в кювет, после чего...

– После чего проехали мимо, – поспешно вставил Олли. – На внедорожнике. Они не остановились. Номеров я не запомнил. Я упал в канаву.

– Все в порядке. Ладно. Забудь про велик. Просто оттащи его в гараж, а я посмотрю в выходные.

– Хорошо.

Ребята прошли мимо. Джейк напоследок еще раз оглянулся на Нейта.

– Эй! – окликнул их тот. – Если Джейк хочет, он может остаться на ужин.

Олли выразительно поднял вверх большой палец, и они двинулись дальше.

И тут Нейт краем глаза заметил какое-то движение в окне чердака. Он увидел там силуэт и понял, что это его отец с пистолетом в руке. Моргнув, всмотрелся внимательнее, но отец уже исчез, и окно снова было пустым.

23. Ужин с Джейком

– Итак, Джейк, откуда ты? – спросил Нейт.

Оборванный парень поднял взгляд, застыв со свисающей изо рта подобно щупальцам кальмара китайской лапшой. Шумно втянув лапшу в рот, он загадочно усмехнулся.

– Не знаю. Отовсюду.

– Ты из семьи военных?

– Нет, просто из дерьмовой.

За дверью, ведущей на кухню, расхаживала Мэдди, разговаривая с кем-то по телефону – с Труди, предположил Нейт. Он попытался подать ей знак: «Эй, не хочешь подсесть к нам и пообщаться со своим сыном и его новым другом?», однако Мэдди была полностью поглощена разговором. И еще возбуждена.

– Почему она дерьмовая? – спросил Оливер.

– Да кто знает... – Джейк пожал плечами, постукивая вилкой по зубам. Затем он вонзил ее в неестественно оранжевую курятину. Нейт надеялся на то, что Мэдди что-нибудь приготовит, однако после переезда в доме царил хаос. Ему также хотелось, чтобы наконец наступил порядок, однако сам он, с работой и всем прочим, мало бывал дома и ничем не мог помочь. – А если хочешь узнать, *на какой манер* она дерьмовая, то это совершенно другое дело.

– Олли, – вмешался Нейт, – Джейк не обязан отвечать на

подобные вопросы...

– Все в порядке, пусть спрашивает. Незачем контролировать слова своего сына, пусть спрашивает, о чем хочет, а если вопрос мне не понравится, я сам скажу. – Рот Джейка сжался в твердую линию, но его глаза – в них была ухмылка. Как будто ему нравилось пререкаться с Нейтом.

Нейт мысленно приказал себе успокоиться: Джейк – новый друг Олли, и он помог ему несколько миль тащить сломанный велосипед. То есть все споры должны решаться в его пользу. (Пока что.)

– В общем, справедливо. – Нейт натянуто улыбнулся.

– Нет, честное слово, если ты не хочешь, ничего страшного... – начал было Олли.

– Как-то раз *мой отец*, – сказал Джейк, не отрывая взгляда от Нейта, – приковал меня наручниками к батарее и надавал матери затрещин. Иногда бывало наоборот – он усаживал ее на стул или удерживал силой, а сам выбивал из меня сопли. А если кто-то с ним спорил, он превращал его жизнь в ад. Прятал еду или запирал сортир, чтобы никто не мог туда зайти. Или рвал в клочья подушки и одеяла, и приходилось спать на голом матрасе. Он издевался надо мной, чтобы наказать мою мать, издевался над ней, чтобы наказать меня. И это только часть моей замечательной жизни.

– Теперь я понимаю, почему ты живешь с теткой, – сказал Олли.

Нейт увидел у него в глазах блеск слез, грозящих пролить-

ся. Мальчик не мог этого скрыть. Лежащие на столе руки дрожали, словно пауки в нервном припадке.

– Эй, все в порядке! – Джейк похлопал его по плечу. – Ты тут ни при чем. Ты ничего не знал.

Он снова искоса ядовито посмотрел на Нейта. «Отчего он так на меня злится?» – подумал тот. И вдруг до него дошло: «Он мне не доверяет, он не доверяет ничьим родителям». Объяснимо.

Оливер вдруг встал и, указав трясущейся рукой, виновато улыбнулся.

– Мне нужно в туалет.

И поспешно удалился.

Нейт гадал, куда запропастилась Мэдди – ушла из кухни и была где-то в доме. Он слышал сквозь потолочное перекрытие ее невнятный голос и скрип половиц под ее ногами. «Мэдди, черт бы тебя побрал, пожалуйста, спустись вниз, чтобы я не оставался один с этим...»

– Он отличный парень, а? – неожиданно сказал Джейк. Этот вопрос был с какой-то подоплекой, которую Нейт сперва не понял.

– Лучший из лучших. Просто он... принимает все на себя. В эмоциональном плане. Кажется, психотерапевт, с которым он занимается, называет это чувствительностью. Не знаю. Ему приходится очень трудно, даже смотреть выпуски новостей для него мука, – когда в этот день случилось что-то плохое. Это его убивает. А в той школе, где он учился,

устанавливали учебные тревоги, и в последний раз это Оливера здорово задело. – Нейт поморщился. Не нужно ему было рассказывать этому парню все это. Оливер должен был рассказать сам. Нейта захлестнуло сознание вины. Он попытался сменить тему: – И вот, полагаю, выслушав твой рассказ, Оливер расстроился...

– Значит, он проходит терапию.

– Ну да, конечно. Конечно, проходит. – Нейт поймал себя на том, что завелся не на шутку, словно где-то в глубине души чувствовал необходимость найти оправдание тому, что его сын занимается с психотерапевтом. Или еще хуже, сам не доверял лечению. Так ли это? Какой он родитель? Нейт одобрял сеансы Оливера с доктором Нахид, но не было ли у него капельки сомнения в том, что его сын вообще нуждается в них?

– Странно это как-то.

– По-моему, Джейк, в психотерапии нет ничего странного.

– Да я имел в виду не терапию. Просто... ваш сын кажется очень хрупким и в итоге попал к доктору. – Остановившись, Джейк слизнул с вилки каплю густого бурого соуса. – Что вы с ним делаете?

– Прошу прощения?

– Вы его бьете? Порете? Или до *такого* вы не доходите, но говорите всякие жестокие гадости? Может, вы его гнобите, отнимаете у него уверенность в себе и самолюбие, подобно ножу, выстругивающему из ветки зубочистку?

– Тут ты уже перегнул палку.

– Вы его трогаете? Может, вы что-то скрываете...

Нейт с силой грохнул кулаком по столу. Вся комната содрогнулась. Ему была ненавистна мысль о том, что Джейк задел его за живое. Он попытался последовать примеру сына и проявить чуть больше эмпатии. Например, понять, почему Джейк задает все эти вопросы. Просто чтобы влезть в душу? Возможно. Но может быть, дело в другом.

– Твой отец тебя бил, поэтому ты полагаешь, что все родители одинаковые, – сказал Нейт, опуская подбородок на сплетенные руки, поставленные на стол. (И стараясь изобразить внешнее спокойствие, вернуть хотя бы немного самообладания.) – Я это понимаю. Ты даже представить себе не можешь, как прекрасно я это понимаю. И сочувствую, что тебе пришлось пройти через все это. Но я не такой. Таким быть нельзя.

И тут шаги на лестнице – вернулся Оливер. Следом за ним в дверь заглянула Мэдди.

– Все в порядке? – спросила она.

Оливер повторил ее вопрос.

– Все классно, – сказал Джейк, потирая руку с притворным выражением боли на лице. – Просто ударился локтем о стол.

Нейт едва заметно ему кивнул. Джейк не ответил.

Все семейство Грейвзов вышло провожать Джейка. Похоже, тот был несколько смущен этим, однако Нейт не намеревался отступить. Было в этом парне что-то странное.

И опять же, внешность его казалась такой знакомой, черт побери...

– Твои родители... – начал было Нейт.

– *Папа!* – одернул его Оливер.

– Да нет, я просто... дело не в них, но твое лицо кажется мне знакомым. Ты вырос в этих краях? А родители?

– Нет. – Джейк пожал плечами. – Мы из другого конца штата. Сожалею.

– Да это так, просто заскок... Всего хорошего, Джейк. Тебя точно не нужно подвезти?

– Тут у вас просто «расклад мертвеца»⁴¹. – Он снова пожал плечами. Не поблагодарил за ужин – просто попрощался с Олли, сказал, что позвонит. И ушел.

– Пап, не могу поверить, что ты спрашивал его о родителях. Опять! – взорвался Оливер. – Тебе ведь не нравится, когда говорят о *твоем* отце!

⁴¹ «Расклад мертвеца» – при игре в покер две пары карт черных мастей, тузов и восьмерок, при неизвестной пятой карте; согласно легенде, именно такая комбинация была на руках у известного стрелка Дикого Запада Дикого Билла Хикока, когда его убили. Считается символом несчастья.

Оливер раздраженно ушел. Нейт окликнул было его, но Мэдди ласково положила руку ему на грудь.

– Пусть идет, все будет в порядке, – сказала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.